Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КООРДИНАТЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОСТОЯНИЯ С ЗАПАДОМ: ФИЛОСОФСКИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ (ПАМЯТИ А. В. ДАВИДЕНКО)

Всероссийская научно-практическая конференция
(13 апреля 2023 г.)

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2023

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2023
ISBN 978-5-9694-1410-5

УДК 930.1
ББК 63.3(2)
И29

Рецензенты:
профессор кафедры теории и истории государства и права
Краснодарского университета МВД России
кандидат юридических наук, доктор политических наук **Е. А. Пушкарев**;
врио заместителя начальника кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент **А. В. Демидов**

Составитель *П. П. Марченя*

И29 **Идеологические координаты России в условиях противостояния с Западом: философские, исторические и государственно-правовые вопросы (памяти А. В. Давиденко)** : Всероссийская научно-практическая конференция, 13 апреля 2023 г. : сборник научных трудов / [сост. П. П. Марченя]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. – 264 с. − 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-1410-5

В сборнике представлены научные труды участников Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 13 апреля 2023 г. в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя. На конференции обсуждались актуальные проблемы, связанные с осмыслением роли истории, исторической памяти, идеологии, традиционных российских духовно-нравственных ценностей, философии, права и социогуманитарного знания в целом в контексте обеспечения национальной безопасности России в современных условиях обострения ее духовного, идеологического, информационно-психологического, геополитического, экономического и военно-политического противостояния с коллективным Западом.

Сборник рекомендован ученым, преподавателям, студентам (курсантам) и аспирантам (адъюнктам), практикующим юристам, а также всем, кто интересуется вопросами формирования идеологических ответов России на вызовы современности, а также основными тенденциями развития отечественных теоретико-исторических правовых наук и других социально-гуманитарных дисциплин.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Корректор *Доставалов Ю. Н.*
Компьютерная верстка *Абилова Ф. А.*

Подписано к изданию 31.07.2023
Объем издания: 2,32 Мб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1410-5

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
https://мосу.мвд.рф, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Артамонов Ю. А.
Научно-педагогическое наследие А. В. Давиденко в свете современных задач российского исторического образования 9

Абдрахманов А. И.
Отражение проблемы нарушений уклада благочиния на начальном этапе отечественной войны 1812 г. в мемуарах соотечественников 14

Алексеева Л. А.
Патриотическое воспитание как основа национальной безопасности России 20

Арчебасова Н. А.
Образовательная программа подготовки бакалавров «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки): история и обществознание» в контексте защиты традиционных духовно-нравственных ценностей россиян 26

Бавсун И. Г.
О значении идеи в государственном управлении 33

Басангов Д. А.
Гибридная война как фактор угрозы национальной безопасности государства 38

Бельский В. Ю.
К вопросу о демографической безопасности современной России 43

Беляева О. В.
Фальсификация истории России как проявление информационной войны 48

Васечко А. А.
К вопросу о средствах обеспечения духовно-нравственной безопасности России 52

Галанина Н. В.
Проблемы укрепления правовой идеологии в мировоззрении россиян 58

Ермаков Е. Г.
Проблемы освещения в учебной литературе для вузов роли НКВД СССР в организации партизанского движения в годы Великой Отечественной войны 62

Жуланов А. В.
Юридическая ответственность за фальсификацию истории России 66

Журов А. Н.
Организация противодействия деструктивному влиянию западных держав со стороны правоохранительных органов Российской империи в XIX в. 69

Золкин А. Л.
Патриотизм и культурная идентичность 73

Иванченко С. В.
Деятельность русской православной церкви по организации социальной защиты детей-сирот: история и современность 78

Иванченко Ю. А.
Идеологическая концепция охраны общественного порядка в процессе формирования советской власти 82

Карнаушенко Л. В.
Идеология в системе социокультурных координат современной российской молодежи: проблемы социализации и воспитания 86

Красильникова Т. К.
Национальное самосознание и корпоративная природа патриотизма 91

Кузина О. Е.
Публичная дипломатия и проблемы искажения истории России 95

Левкина Е. С.
Природа прав и обязанностей российских подданных и особенности их правового регулирования в начале XX в. 101

Матиенко Т. Л.
Концепция «обвинительного розыска» И. Я. Фойницкого: к вопросу о досудебном производстве в России во второй половине XIX – начале XX вв. 106

Медушевская Н. Ф.
Подвижничество и подвиг в историческом сознании россиян 112

Мельник Е. В.
Специфика организации и деятельности советского уголовного розыска в условиях подготовки к военному противостоянию с Западом (на рубеже 1920–1930-х гг.) 117

Михалев С. В.
Задачи патриотического воспитания сотрудников правоохранительных органов в контексте преподавания социогуманитарных дисциплин 122

Москаленко С. Г.
Феномен фальсификации истории России в современном мире 128

Мурсалимов К. Р.
Защита духовно-нравственных ценностей – основа современной концепции безопасности России: правообразующий аспект 136

Никитин А. Н., Никитина М. А.
Революции 1917 г. в России в контексте формационного и цивилизационного подходов к истории 139

Полозова И. В.
Национальная идеология России перед лицом глобальных внешнеполитических вызовов 142

Попов В. В.
Фальсификация истории как средство социального управления: некоторые проблемы 147

Порватова Л. В., Сычева Е. А.
Развитие информационной борьбы в СССР в годы Великой Отечественной войны 152

Рублев И. А.
Патриотизм как общесоциальная идея, способствующая укреплению экономики и национальной безопасности России 156

Самарский А. Н.
Государственно-правовые изменения в преподавании курса «История России» в современных условиях 158

Стрелкова Н. В.
Сопротивление злу силой как основной способ борьбы с терроризмом и национализмом 161

Сучкова М. В.
К вопросу о легитимации государственной думы в системе монархической власти в начале XX в.: зарождение парламентской традиции 167

Тарасова И. А.
К вопросу об изучении и использовании исторического опыта социальной деятельности полиции Российской империи в патриотическом воспитании курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России 172

Удальцов А. А., Бредихин А. Л.
Вопросы реализации в вузах концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки 177

Феднева Н. Л.
Патриотизм и три ипостаси истории в схватке глобализмаи многополярности 180

Хабарин О. М.
Проблемы эффективного функционирования системы государственного контроля в Российской империи в начале XVIII в. и Российской Федерации 186

Хабибулин А. Г.
Идеология государства в системе обеспечения национальной безопасности России 193

Шикунов Д. В.
Влияние специальной военной операции на Украине на формирование российской нации 195

Шингарева Н. В.
Исторический опыт правового регулирования свободы совести и веротерпимости в Российской империи в начале XX в. 199

Яцкова А. П., Михайлова Н. В.
Государственно-правовая природа Российской империи 203

II. ДОКЛАДЫ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Алхимов А. Ю.
Социалистическая идеология – альтернатива праволиберальной идеологической парадигме современной России? 207

Гвозденко А. С.
Запад–Восток: проблема межкультурного противостояния 212

Гончаров А. А.
Основные детерминирующие факторы идеологического противостояния России и Запада 215

Каримов А. А.
Опыт формирования патриотического воспитания в Республике Узбекистан 219

Корчагина Е. А.
Фальсификация истории как инструмент гибридной войны 222

Кротова А. Н., Сучкова М. В.
Фальсификация западными странами исторического развития России 227

Курбатов В. С.
Коллективная память и патриотическое воспитание в условиях агрессии Запада 231

Ломовская А. В.
Идея милосердия в отечественном правовом сознании и культуре 235

Малоземова Д. А.
Культурно-идеологическая основа российской государственности 239

Мамедов В. А.
Полномочия президентской власти в контексте конституционных поправок 2020 г. : правовой анализ 243

Мукова С. А.
Фальсификация истории и информационная война 247

Трухачев А. А.
Московский уголовный розыск в 1922–1927 гг. : историко-правовой опыт 252

Тхалиджокова С. З.
Историческая память как фактор укрепления национальной безопасности 257

Хомяков Л. А.
Идеология как фундамент государственного суверенитета России 261

I. ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Артамонов Ю. А.[1]***,***
начальник кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. В. ДАВИДЕНКО В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЗАДАЧ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

25 апреля 2019 г. ушел из жизни вдумчивый исследователь, талантливый педагог, незаурядный руководитель и настоящий патриот России Артем Викторович Давиденко. Он искренне любил свою профессию преподавателя истории, которую, как вспоминала его мать Нина Владимировна, выбрал еще в школьные годы. Преданность этому выбору сделала Артема Викторовича настоящим знатоком своего дела. Его профессионализм был образцовым, подлинным, основанным на глубоком знании историографии и источников.

Коллеги и ученики справедливо считали А. В. Давиденко преподавателем от Бога. Занятия, которые он проводил, всегда были захватывающе интересны, их отличали безупречная фактология, доказательность, логика, яркая и образная подача материала. Высокий уровень квалификации был подтвержден в октябре 2015 г., когда Артем Викторович стал лауреатом конкурса «Лучший преподаватель образовательных организаций системы МВД России». При этом учебные задачи были для него неотделимы от задач воспитательных. Он считал, что любая лекция, семинар, круглый стол, коллоквиум или экскурсия должны иметь «патриотическое излучение». Сегодня, когда события СВО поставили историю в авангарде гуманитарного знания и патриотического воспитания, обращение к научно-педагогическому наследию Давиденко представляется чрезвычайно актуальным.

О меняющемся отношении современного Российского государства к историческому знанию свидетельствует Приказ министра науки и высшего образования Российской Федерации № 622 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования» от 19 июля 2022 г. Согласно этому решению, с 1 сентября 2023 г. изучение дисциплины «История России» в вузах будет осуществляться в объеме не менее 4 зачетных единиц (144 часа). При этом по очной форме обучения аудиторная работа должна составить не менее 80 % от общего количества часов, а по очно-заочной и заочной формах – не менее 40 % [3]. Ведь еще совсем недавно одна из старейших дисциплин российского образования влачила жалкое существование: в некоторых вузах преподавание истории было фактически свернуто, а где-то сокращено до непозволительного минимума. Сегодня, как и в середине 30-х гг. прошлого века, на фоне обострения международной обстановки история вновь возвращает себе до-

[1] © Артамонов Ю. А., 2023.

стоинство одной из ведущих учебных дисциплин высшего образования, важного инструмента укрепления духовного единства нашего народа.

Современная стратегия развития России требует идейного сплочения ее многонационального народа. Об этом прямо говорит Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Он определяет круг ценностей, которые должны формировать «единое культурное пространство страны», лежать в основе нашей национальной идентичности. Причем взращивание этих нравственных императивов определяется как важнейшая задача государства в сфере национальной безопасности. Между тем целый ряд ценностей, отмеченных в Указе, может быть изъяснен и привит в рамках изучения истории, а именно: патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, историческая память и преемственность поколений, единство народов России и некоторые другие [5].

Указанные задачи нашли отражение в «Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования», которая была разработана усилиями двух академических институтов – Института российской истории (ИРИ РАН) и Института всеобщей истории (ИВИ РАН). Составители этого документа справедливо отмечают, что «историческое сознание является наиболее существенной составляющей гражданской идентичности населения Российской Федерации» [2]. Осознание общности исторической судьбы является необходимым условием внутреннего мира и единства многонационального народа России.

Базовые принципы курса «История России», обозначенные в Концепции, во многом созвучны научным и педагогическим взглядам Давиденко. Прежде всего это относится к принципу научности, который предусматривает преподавание истории на основе новейших достижений науки. То же относится и к необходимости рассмотрения прошлого России на фоне процессов мировой истории, что позволяет в полной мере раскрыть всю самобытность отечественной цивилизации и культуры.

Будучи сторонником цивилизационного подхода, Давиденко считал, что Россия не является «патологией» Западного мира, а представляет собой яркую и уникальную цивилизацию, которая сформировалась под воздействием целого ряда объективных факторов-вызовов. К их числу он относил природно-климатический и географический факторы. Первый подразумевал наличие малоплодородных почв, короткий земледельческий сезон, низкие среднесуточные температуры и некоторые др.; второй – отсутствие выхода к морям, незащищенность границ естественными преградами. Выживание в таких условиях требовало высокой концентрации труда, которую в условиях Средневековья мог обеспечить коллектив (община). Еще одним важным фактором, определившим лицо российской цивилизации, по мнению Давиденко, являлась перманентная

военная угроза. Имея в виду эти вызовы, он характеризовал прошлое России как «спартанское выживание».

А. В. Давиденко отмечал, что поступательное развитие отечественной цивилизации могла обеспечить только сильная централизованная власть, способная мобилизовать скудный прибавочный продукт, все имеющиеся ресурсы. «Российская централизованная власть, – писал он, – это не искажение западного либерального стандарта, а закономерное производное от нашей цивилизационной почвы» [1, с. 12]. Эту же мысль высказывают и авторы Концепции: «Необходимо уделить особое внимание историческому опыту строительства российской государственности на всех его этапах, пониманию того, что на всем протяжении российской истории сильная центральная власть имела важнейшее значение для сохранения национального суверенитета» [2]. Еще одна очень важная особенность российской цивилизации, по мнению Давиденко, состоит в том, что она не допускала крайних форм противостояния личности, общества и государства, столь характерного для социально-политической истории Западного мира. В этой связи весьма показательны слова Петра I, обращенные к русскому воинству в преддверии Полтавской биты 27 июня 1709 г.: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество... О Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и в славе для благосостояния вашего» [4, с. 274–275]. Такие слова совершенно немыслимы в устах западноевропейских монархов, современников Петра I. Достаточно сказать, что один из них, французский король Людовик XIV (1643–1715), определяя свое положение в обществе, говорил: «Государство – это я».

А. В. Давиденко всегда подчеркивал целостность российского исторического процесса: Россия никогда не прекращала быть Россией. «Московское царство, Российская империя, Советское государство, – писал он, – это разные исторические формы одного и того же объективно необходимого ответа на неизменные цивилизационные вызовы...» [1, с. 12]. Эту же идею, в качестве одного из основных принципов преподавания истории России, декларируют и авторы Концепции: «...Следует иметь в виду историческую преемственность российской государственности, берущую начало от формирования Древнерусского государства на территории Восточной Европы на основе объединения славянских племен и других народов» [2].

Главное в системе преподавания курса «История России», предложенной Давиденко, можно сформулировать следующим образом: российский исторический процесс целостен и непрерывен, а российская цивилизация – самобытна и жизнеспособна.

Концепция нацеливает преподавательское сообщество на воспитание патриотизма путем обращения к военно-исторической тематике: «Направленность курса на формирование российского патриотизма должно обеспечиваться приоритетным вниманием к героическим страницам борьбы России за свободу и независимость против иноземных захватчиков» [2]. Необходимость обращения к этим сюжетам в процессе аудиторной работы в полной мере осознавал

Давиденко. Несмотря на временные и планово-тематические ограничения он всегда находил «окошко» для изложения героических страниц нашей истории. Особое внимание он уделял событиям Северной войны, Русско-турецких войн XVIII–XIX вв., Отечественной войны 1812 г, Русско-японской войны 1904–1905 гг., Первой мировой войны и особенно Великой Отечественной войны, которую он называл «нашей точкой сборки» или «великой объединительной войной». Давиденко считал, что вооруженный конфликт является важным испытанием для общества и власти: «Любая война – это комплексный экзамен всех систем государства, жесткая ревизия эффективности государственного управления, экономики, национального характера и культуры» [1, с. 14]. Он был убежден, что Российская цивилизация с достоинством выдержала эти суровые «экзамены», доказав свою эффективность.

По мнению Давиденко, крайне важно привить обучающимся уважение и гордость к родной истории, ее государственным и общественным институтам, материальной и духовной культуре народа. Это позволит укоренить в сознании учащихся представление о самобытности российской цивилизации, нейтрализовать конфликт ценностей и смыслов, воспитать уважительное отношение к прошлому страны. Негативные факты истории России не следует педалировать, их нужно объяснять особенностями эпохи в сравнении с аналогичными явлениями прошлого иных обществ и государств. Нужно последовательно противопоставлять отрицательным сторонам жизни лучшие достижения Российской цивилизации. В Концепции этот подход формулируется следующим образом: «Раскрывая проблемы и противоречия отечественной истории, преподавателям вузов необходимо избегать негативного уклона и очернительства, оставаясь на позициях объективности и историзма, отмечать по преимуществу созидательный характер деятельности Российского государства и населяющих его народов по хозяйственному освоению обширных территорий, достижений в сфере культуры и науки» [2].

Сегодня можно с уверенностью сказать, что идеи Давиденко прошли проверку на прочность; в понимании того, как следует преподавать историю России, он шел впереди подавляющего большинства своих коллег. 15–20 лет назад многое, о чем писал и говорил А. В. Давиденко, вызывало вопросы, недоверие, споры, порой казалось чрезмерно консервативным. Но жизнь расставила точки над «и», доказала его правоту. В основе научно-педагогической прозорливости Артема Викторовича лежало прочное знание, базирующееся на безусловном следовании двум базовым методологическим принципам исторического познания – принципу объективности и историзма.

Список литературы

1. Давиденко А. В. «Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений...»: труды и подвиги российской полиции в эпоху 1812 года. Продолжение... : очерки. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019.

2. Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях

высшего образования // Российское историческое общество. URL: https:// history-russia.org/images/Doki/Conception_preparation_history_Of_Russia.pdf.

3. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 19 июля 2022 г. № 662 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/ Document/View/0001202210070025/.

4. Труды императорского русского военно-исторического общества. Т. 3: Документы Северной войны. Полтавский период (ноябрь 1708 г. – июль 1709 г.). СПб. : Русское военно-историческое общество, 1909.

5. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019/.

Абдрахманов А. И.[1],
доцент кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ НАРУШЕНИЙ УКЛАДА БЛАГОЧИНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г. В МЕМУАРАХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

Одной из малоизученных сторон Отечественной войны 1812 г. является ситуация в сфере обеспечения общественного порядка, или в терминах того времени – уклада благочиния. Тема сотрясения означенного уклада упоминается в мемуарной литературе, официальном документообороте той эпохи, затрагивается в ряде тематических публикаций [1; 2; 8, с. 10–15, 137; 16, с. 43; 14, с. 27–36], но предметно до настоящего момента не исследовалась. Одной из основных причин такового невнимания к означенной проблеме является то, что «криминальная» военная тематика характеризуется определенным специфическим контекстом, влияющим на походы к ее изучению и освещению.

Дело в том, что большинство исследований истории 1812 г. исходит из установки, что главное в пору суровых испытаний решалось действиями воинского сословия, доблестью на полях сражений, что и определяло тематику мемуаров и других публикаций в этой сфере. А именно: «в огромном комплексе исследований по 1812 г. доминируют либо героико-патриотические, либо «нейтрально-объективистские» темы военно-политического характера, либо так или иначе связанные с ними прочие сюжеты» [14, с. 27–36].

При этом в дореволюционном российском и советском научном сообществе имелись основания полагать, что обращение к «разбойничьим», «воровским» аспектам ситуации первой Отечественной войны грозило искажением реальной картины эпохальных испытаний, определяемых рядом причин. Прежде всего таковое обращение якобы отвлекало исследовательское внимание на второстепенные, малозначимые аспекты происходящего. Кроме того, оно может выглядеть, как неуважение к всенародному подвигу, попытка дискредитировать обороняющуюся сторону самим упоминанием столь нелицеприятных аспектов, как имевшие место среди ее представителей самоуправства, разбои и прочие противозаконные действия. Как патетически восклицает один из современных публицистов: «Кому нужна была правда о такой народной войне и таком народе?!» [5, с. 16].

Разумеется, вышесказанное не предполагало, что тема разбоев, мятежей напрочь исключена из отечественной историографии. Правда о масштабных судьбоносных событиях, безусловно, нужна обществу, пусть даже если эта правда и не соответствует чьим-либо идеализированным воззрениям. Здесь достаточно упомянуть мемуарную литературу, авторы которой, участники и очевидцы 1812 г., не обходили вниманием поднимаемую нами проблематику.

[1] © Абдрахманов А. И., 2023.

Здесь же отметим материалы служебной и личной переписки современников той эпохи, также дополняющие общую картину. В хронологическом аспекте обратимся к начальному периоду Отечественной войны, а именно времени с начала наполеоновского вторжения до Бородинской битвы, когда общество еще только перестраивалось под военную ситуацию и угрозы благочинию проявлялись наиболее остро.

Иноземное вторжение определило перелом народной жизни, обострило многие существующие в России противоречия, спровоцировав всплеск деструктивных проявлений самого разного характера. А. П. Ермолов, например, вспоминал: «Проходили мы губернии литовские, где дворянство, обольщенное мечтою восстановления Польши, возбуждало против нас слабые умы поселян, или губернии белорусские, где чрезмерно тягостная власть помещиков заставляла желать перемены» [9, с. 78].

Понятно, что упомянутое «возбуждение умов», наряду с «желанием перемен» приводило к конфликтам населения с проходившими частями русской армии. Хуже того, по сообщению витебского вице-губернатора, в Полоцком, Городецком и Невельском уездах «не только многочисленные крестьяне вышли из повиновения своим помещикам, но, «ограбив и изгнав» их, «достигли высочайшей степени буйства и возмущения», так что и земская полиция не в силах их усмирить» [18, с. 83–93].

При обращении к теме разбоев выявляется тот факт, что война ощутимо ухудшила условия жизни огромного количества людей, прежде всего именно простонародья. В результате можно считать ожидаемым, что в ряде случаев крестьяне не только конфликтовали с помещиками, расхищали «что плохо лежит», но и поднимались против реквизиционных мероприятий отечественных властей, ввязывались в стычки с интендантскими командам русской армии. Отметим некоторые из таковых фактов:

«28 июня (10 июля) 1812 года под местечком Голубичи (Дисненский уезд Минской губернии) вооруженные крестьяне напали на следовавший в Полоцк войсковой транспорт 1-й Западной армии и, как пишет Поликарпов, «отбили повозки с казенными вещами Рыльского пехотного, Каргопольского и Московского драгунских полков.

9 (21) июля воинская команда Белостокского внутреннего гарнизонного батальона в составе пяти унтер-офицеров и шести рядовых под началом прапорщика Долянского сопровождала транспорт с хирургическими инструментами и аптекарскими припасами из Полоцка в Невель. Но в деревне Томчино, принадлежавшей помещику Кушелеву, на транспорт напала толпа «мужиков, называющих себя язовитцами», и захватила его, пленив и команду...

Таких рапортов о нападениях крестьян на воинские транспорты в архивах предостаточно» [5, с. 16].

Схожие неустройства имели место и на южном направлении, где генерал А. П. Тормасов в своем рапорте отмечал, что «находил неодолимые препятствия в продовольствии. Все жители взбунтовались против нас, вооружались вилами и косами, укрывались в лесах, убегали от войск наших и нападали на малые партии и на курьеров» [12, с. 381].

В числе прочего в западных губерниях России проявились существующие здесь межнациональные противоречия, причем особенно драматические испытания выпали на долю российского еврейства. В России лица иудейского вероисповедания подвергались ограничениям, но когда еврейская община соприкоснулась с последствиями наполеоновского заигрывания с польскими амбициями, еврейское общество проявило решительную пророссийскую позицию. Последнее, впрочем, не уберегло жителей местечек от проявлений предубеждения как с российской, так и с французской стороны. Как отмечает С. Н. Гинзбург, «взглядом на еврея, как на исконного врага, вообще проникнуто большинство немецких мемуаров о 1812 г. При отмеченном настроении... и беззащитности евреев, последним приходилось испытывать немало обид» [7, с. 115].

Впрочем, сказывалась и общая дестабилизация обстановки, ослабление административного, полицейского контроля, провоцировавших проявление разбойничьих наклонностей у части русского простонародья. В качестве иллюстрации упомянем случай, когда один из очевидцев встречает крестьянина, недалеко от леса рубящего барскую карету на дрова и грозящегося «уложить» увещевавшего его священника и «распустить брюхо балахоном» своему помещику [10, с. 408]. Угрозами мужички не ограничились и вскоре захватили и ограбили дом местного священника, а самого батюшку на глазах у семьи били головой о перекладину, выбивая… сведения – где именно он укрывает свои сбережения [10, с. 408].

Далекая от полицейского благочиния ситуация обрисовывается и в части действий войск, качестве войсковой дисциплины. Так, о распространяющихся среди солдат «беспорядках и грабеже» когда приходилось пресекать солдатские разбои даже в церкви, вспоминает генерал А. П. Ермолов [9, с. 147]. Будучи ответственным командиром, Алексей Петрович не просто упомянул о сбоях в соблюдении дисциплины в войсках, но и постарался обозначить причины таковых. В качестве главного негативного фактора генерал подчеркнул неизбежное в условиях продолжительного отступления падение морального духа в солдатской среде.

Обеспокоенность офицерского корпуса вызывала и свирепость, с которой втягивающееся в боевые действия простонародье расправлялось с захватчиками. «Было до крайности трудно спасать жизнь последних – страшась жестокости крестьян, они являлись толпами и отдавались под покровительство какого-нибудь казака. Часто бывало невозможно избавить их от ярости крестьян, побуждаемых к мщению обращением в пепел их хижин и осквернением их церквей» [15, с. 134]. При означенных реалиях войны «порой неприятельские военнослужащие попадали под расправу вне каких бы то ни было боевых обстоятельств, да и вне хотя бы признаков самообороны» [2, с. 22].

В ходе народной войны проявились характерные свидетельства отношения простонародья к административно-фискальным функциям отеческого государства. Характеризуя особую ретивость выходцев из германских княжеств при поборах с населения, крестьяне утверждали, что «француз, как сыт да пьян, так никого не трогает... только болтает без умолку, а эти *хуже исправников и заседателей* (курсив мой. – *А. А.*), ко всем пристают: давай хлеба, пеиноза (деньги),

они шайками ходят даже по лесам, отыскивая скотину» [11, с. 44]. Образно выразился и один из очевидцев освобождения Москвы от наполеоновского пребывания: «Приехала полиция Москву сберегать; а что у кого привезено или припасено, то обирать» [13, с. 432]. Как можно видеть из приведенных высказываний, обязанность заседателей нижних земских судов, городской полиции участвовать в обеспечении сборов с простонародья определила этим учреждениям характерную репутацию. Однако сохранилась масса свидетельств самоотверженной поддержки крестьянами тех же полицейских исправников с заседателями, когда те выступали организаторами сопротивления захватчикам, и последующего налаживания мирной жизни.

Явно вразрез с общей картиной звучит утверждение генерала А. И. Михайловского-Данилевского, согласно которому «нигде в губерниях, прилегавших к театру губительнейшей из войн, и в самой близи от нее не были нарушены законы. В разных местах Московской и Смоленской губерний... образовалась подчиненность безусловная»; «при удивительном единодушии, воспламенявшем все сословия, не колебалась безусловная покорность властям... Покорность начальству и помещикам ни в каком случае не прерывались» [12, с. 345]. Собственно, то, что приведенное утверждение продиктовано не намерением отразить реальную ситуацию, а попыткой выдать желаемое за действительное, признали уже историки «периода самодержавия» [18, с. 84].

Как видим, тема различного социального неблагополучия довольно широко представлена в материалах участников событий 1812–1814 гг. Здесь приходится не согласиться с позицией В. Воронова, утверждающего, что «ни 7в каких учебниках вы не найдете даже намека на то, что крестьяне регулярно нападали на обозы... русской армии... и про казаков-мародеров в наших учебниках ни словечка, а уж как глухо на сей счет молчат казенные патриоты» [5, с. 16]. Автор видит здесь сознательное умолчание, определяемое «охранительно-консервативной концепцией «отечественности» войны – в смысле единения всех сословий вокруг престола» [5, с. 15]. На наш же взгляд, приведенное утверждение выражает скорее субъективную позицию журналиста Воронова, нежели реальную ситуацию.

Во-первых, наряду с учебниками россияне имели возможность ознакомиться с теми же мемуарами, сборниками документов, в которых, как уже отмечалось выше, различные нарушения уклада благочиния отражены, здесь «казенные патриоты» все же не скрывали неблаговидных данных по реальной ситуации, не превращали «разбойную» составляющую народного движения в зону умолчания.

Во-вторых, в учебной литературе не нашлось места и множеству подвигов, совершенных сотрудниками полиции, внутренней стражи как по своей профессиональной службе, так и на полях сражений. Это печально, но никак не служит основанием для умозаключений, что здесь проявилась русофобская и франкофильская сущность авторов учебных изданий. Объективно учебник не должен и не может охватывать абсолютно всех аспектов исторического события, и то, что авторы исторических изданий не обозначали «разбойной», либо полицейской составляющей освещаемого события, не обязательно является

свидетельством «охранительно-консервативного мифотворчества» с их стороны. Как уже отмечалось выше, главное решалось на полях сражений, о чем учебные издания и повествуют, а тему вклада дипломатов, администраторов, полицейских, представителей иных родов деятельности может раскрыть специальная литература.

Таким образом, повествуя о тех или иных примерах социального неблагополучия, участники событий 1812 г. исходили из соображений объективности и добросовестности, а не из желания представить свою страну «империей зла», чем грешили наполеоновские борзописцы и иные последующие интерпретаторы [17, с. 103]. Далеки свидетельства современников и от картины петербургской «тирании», народ которой, ненавидя собственные власть и армию, всячески способствует внешнему агрессору, видя в нем представителя способствующих всеобщему раскрепощению прогрессивных сил.

В то же время воспоминания очевидцев не выглядят попыткой путем умалчиваний и приукрашивания истины завуалировать имевшие место возмущения и неустройства в укладе жизни страны. Авторы не скрывают как фактов крестьянских возмущений и безобразий, так и проблем поддержания дисциплины в войсках, сложностей в недопущении неблаговидных действий войсковых команд. Война испытывала все русское общество, в том числе и в области поддержания уклада благочиния. И значение органов полиции в преодолении этих испытаний остается малоизученной, но достаточно значимой страницей отечественной истории.

Список литературы

1. Абдрахманов А. И. Устав благочиния и «дубина народной войны» // Служу Закону. 2022. № 11 (113). С. 10–12.

2. Абдрахманов А. И., Бабич А. С. Правовые и социально-экономические подходы к оценке угроз укладу благочиния в условиях Отечественной войны 1812 г. / под общ. ред. С. В. Ширяевой // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы : материалы VII Всероссийской межвузовской студенческой научной конференции. М. : МПГУ, 2023.

3. Бакунин М. А. История моей жизни. Часть первая : 1815–1840 // Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. Т. 1. М. : Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934.

4. Бондаренко А. Ю. Денис Давыдов. М. : Молодая гвардия, 2012.

5. Воронов В. Спецназ 1812 года // Совершенно секретно. 2012. № 8 (279).

6. Гамбурцев А. А. Воспоминания о 1812 годе // Москва в 1812 году. Воспоминания, письма и официальные документы. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012.

7. Гинзбург С. Н. Отечественная война 1812 года и русские евреи. СПб. : Книгоиздательство «Разум», 1912.

8. Давиденко А. В. «Содействовать против вражеских замыслов и покушений ...»: труды и подвиги российской полиции в 1812 г. : очерки. М. : ДГСК МВД России, 2018.

9. Ермолов А. П. Записки А. П. Ермолова. 1798–1826 гг. М. : Высшая школа, 1991.

10. Из воспоминаний К. Н. Леонтьева. Рассказ Смоленского дьякона о 1812 годе // Русский архив. 1881. III (2).

11. Любецкий С. М. Москва в 1812 году. М. : ГПИБ, 2013.

12. Михайловский-Данилевский А. Описание Отечественной войны в 1812 году, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским. Ч. 1. СПб. : Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1839.

13. Московский Новодевичий Монастырь в 1812 году. Рассказ очевидца – штатного служителя Семена Климыча // Русский архив. 1864. Вып. 4. С. 416–434.

14. Николаев Д. А., Хвостова И. А. «...Упражняются... в пьянстве и буйстве...»: формирование и девиантные особенности походного марша 3-го полка нижегородского ополчения (сентябрь 1812 – июнь 1813 гг.) // История: факты и символы. 2019. № 4 (21). С. 27–36.

15. Олейников Д. Бенкендорф. М. : Молодая гвардия, 2014.

16. Попов А. И. Классовая борьба и патриотизм крестьянства в 1812 г. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 6. С. 43–51.

17. Попов Д. Г. «Информационная» война 1812 года // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 101–104.

18. Семевский В. И. Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войной // Отечественная война и русское общество. Т. V. М. : Типография И. Д. Сытина, 1912. С. 83–93.

Алексеева Л. А.[1]**,**
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Тема патриотического воспитания граждан в современной России нередко поднимается на различных уровнях – от представителей общественных организаций до представителей высших органов государственной власти.

Несмотря на предпринимаемые рядом заинтересованных субъектов усилия, одной из основных проблем остается отсутствие консолидации деятельности различных органов власти, а также неконкретизированность мероприятий по патриотическому воспитанию, форм и методов их проведения. Вместе с тем в условиях современного противостояния России и глобального Запада, с его активной пропагандой, нивелирующей традиционные российские ценности, принижающей, а зачастую и дискредитирующей роль России в мире, развращающей молодое поколение, проблема патриотического воспитания граждан становится особенно актуальной.

Вне зависимости от субъектов патриотического воспитания, оно прежде всего должно быть построено на осознании важности своего участия в жизни Родины, любви, знании и уважении ее культуры, традиций и истории. Не отрицая роли личности, приходится вместе с тем констатировать, что в процессе патриотического воспитания решающая роль все-таки принадлежит государству. Именно оно формирует основные ориентиры, консолидирует усилия иных субъектов патриотического воспитания, таких как негосударственные организации и общественные объединения, определяет в целом вектор развития такого воспитания.

Утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации 12 ноября 2020 г. № 2945-р Стратегия воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. предусматривает целый спектр мероприятий, связанных со внедрением патриотического воспитания в общеобразовательные организации, проведение мероприятий для молодого поколения, направленных на гражданское, патриотическое, нравственное, интеллектуальное воспитание и развитие, создание военно-патриотических парков культуры и отдыха.

Утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» обращает внимание на деструктивные процессы, оказывающие крайне негативное влияние на развитие российской государственности, где, в частности, указаны и такие: размывание традиционных нравственных ценностей народов Российской Федерации; правовой нигилизм и высокий уровень преступности; коррумпированность отдельных представителей власти; недостаточность образовательных и культурно-просвети-

[1] © Алексеева Л. А., 2023.

тельских мер по формированию российской гражданской идентичности, воспитанию культуры межнационального общения, изучению истории и традиций народов России, их опыта солидарности в укреплении государства и защиты общего Отечества.

На преодоление данных процессов ориентированы такие меры, как развитие системы образования, гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения, расширение возможностей доступа к отечественным культурным ценностям, материальному и нематериальному историческому наследию народов России; развитие волонтерского (добровольческого) движения в сфере сохранения культурного наследия, включая реставрацию культурных ценностей; совершенствование системы подготовки национальных кадров в сфере культуры; разработка дополнительных мер государственной поддержки научных исследований, научно-популярных публикаций, создания произведений литературы, искусства, кино и телевидения, интернет-продукции, освещающих значимые исторические события, пропагандирующих общие достижения народов России.

Кроме того, государством осознается важность и необходимость поддержки общественных инициатив, направленных на патриотическое воспитание граждан Российской Федерации.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, в числе основных приоритетов указано на необходимость защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. В этой связи воспитание патриотизма, гражданственности, готовность служить Отечеству и нести ответственность за его судьбу, историческая память и преемственность поколений, единство народов России выступают в качестве первоочередных задач, решение которых обеспечивается посредством различного рода мероприятий, одним из которых выступает правовое воспитание.

Безусловно, необходимость целенаправленного воздействия, направленного на формирование личности достойного гражданина своей страны, патриота была осознана не только сейчас. Еще Платон, Аристотель, Руссо и другие авторы обращались к вопросам патриотического воспитания. В российской педагогике о воспитании в гражданах патриотических чувств писали А. Н. Радищев, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен, К. Д. Ушинский и др. В советской педагогике особое внимание уделялось структурам, на которые возлагалось патриотическое воспитание: школе, общественным организациям и т. д.

Вопросы патриотического воспитания достаточно активно изучались как в советское время, так и в постсоветский период нашего Отечества. В настоящее время проблема патриотического воспитания не утратила своей актуальности.

Патриотическое воспитание на современном этапе большинством государств рассматривается как необходимое условие обеспечения национальной безопасности. Патриотическое воспитание подрастающего поколения – одна из главных задач современного общества и государства. Патриотическое воспитание многоаспектно, оно охватывает различные мероприятия и осуществляется разными субъектами, от взаимодействия и взаимодополняемости которых зависит конечный результат.

Характерная особенность патриотизма заключается в том, что он не сводится только к личным переживаниям, а напротив, предполагает наличие деятельностного аспекта, выражающегося в готовности совершать конкретные дела и поступки на благо своего государства, зачастую жертвуя своими личными интересами.

Традиционно понятие патриотизма принято рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле слова «патриотизм» – это мировоззрение, духовное качество, чувства и действия, выражающие любовь к Родине.

В узком смысле слова «патриотизм» понимается как любовь к своей малой родине, к месту, где человек родился, живет. Это может быть любовь к своему народу, родным местам, языку, национальным традициям и национальной культуре. Несмотря на то что в отечественной литературе, особенно дореволюционного периода, существовало различное отношение к патриотизму и мотивам его проявления (как, например, у Л. Н. Толстого, трактующего его как «проявление животного инстинкта самосохранения общностей, искусственно возбуждаемого правящим классом в целях защиты собственных интересов»), события XX в. убедительно доказали, что патриотизм не является искусственным, напротив, представляет собой глубокое и возвышенное чувство, основанное на любви и ответственности перед теми, кто тебе дорог.

Несложно заметить, что в основе патриотизма во многом лежит национальное самосознание. Вместе с тем, патриотизм нельзя смешивать с национализмом и шовинизмом. Патриотизм, уважение к своей стране и своей культуре не предполагает пренебрежительного или высокомерного отношения к другим нациям и культурам.

Объективной реальностью современной действительности выступает то обстоятельство, что в условиях глобализации стираются и пересматриваются культурные ценности и ценностные ориентиры. Данный процесс крайне негативно влияет на патриотическое воспитание граждан, и, как отмечается в литературе, «происходит обрыв исторической памяти народа, фальсификация ее истинного содержания, антипатриотическая дегероизация великого подвига народа страны, на плечи которого выпала тяжелейшая доля в годы Великой Отечественной войны. Все это ведет к разрыву между поколениями по мировоззренческим, жизненным ценностям, представлениям о смысле жизни, моральным нормам и нравственным мотивам поведения» [3].

В такой ситуации особенно важно найти тот духовный объединяющий стержень, способный консолидировать нацию, сохранить независимость нашего государства. Такой стержень должен объединить в себе прошлое, настоящее и будущее нашей страны и соответствовать имеющимся внутренним запросам, преодолевать духовную опустошенность и адекватно отвечать внешним вызовам России.

На государственном уровне обязанность защищать историческую правду, уважать и помнить подвиг предков – защитников Отечества была закреплена поправками в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой

войны (как разновидность искажения исторических фактов) было признано уголовно наказуемым деянием.

Одним из самых опасных проявлений духовной опустошенности является депатриотизация общественного сознания, влекущая за собой забвение традиционных национальных ценностей, отечественной истории и культуры, утрата самоидентичности, распад ценностно-нормативных основ, положенных в основу организации общества. Преодоление этого негативного явления возможно только в условиях приложения значительных сил со стороны государства и его общественных институтов, поскольку только таким структурам под силу сохранить историческую память, восполнить пробелы, воспитать интерес и уважение к прошлому своего народа и обеспечить преемственность этих ценностей в масштабах всей страны.

Безусловно, для достижения указанных целей необходима продуманная политика. Выход из кризиса базируется на изменении отношения к человеку и самого человека к историческому прошлому своей страны. В таких условиях становится очевидной необходимость решения на государственном уровне проблем, связанных с воспитанием патриотизма как основы консолидации общества и укрепления государства. Это актуализировало проблему патриотического воспитания, превращая его в один из главных приоритетов государственной политики.

Существующие в современной образовательной среде основные направления воспитательной работы объединяют в себе гражданско-правовое и патриотическое, нравственное и поликультурное, профессиональное и иные виды воспитания. Все это в итоге позволяет сформировать, во-первых, социально ответственного гражданина, во-вторых, специалиста-профессионала, обладающего социальной и коммуникативной компетентностью, настоящего патриота своей страны, который любит и знает ее историю, народ.

Вышеуказанная деятельность проводится по следующим направлениям:

- духовно-нравственное воспитание;
- героико-патриотическое воспитание,
- гражданско-патриотическое воспитание;
- социально-патриотическое воспитание;
- военно-патриотическое воспитание,
- спортивно-патриотическое воспитание;
- историко-краеведческое просвещение и т. д.

Духовно-нравственное воспитание представляет собой воспитание отношения человека к себе и к миру [5]. Необходимо формировать высоконравственного, творческого, компетентного гражданина России, принимающего судьбу Отечества как свою личную, осознающего ответственность за настоящее и будущее своей страны. В соответствии с указанными идеалами должны выстраиваться цели и задачи такого воспитания, формулироваться требования к условиям его осуществления. В его основе лежит осознание значимости человеческой личности, ее свободы, традиционные семейные и нравственные ценности.

В основе героико-патриотического воспитания лежит такое эмоциональное воздействие на личность, которое позволяет воспитать любовь к Родине, ува-

жение к героическим страницам отечественной истории [4]. Героико-патриотическое воспитание в современных условиях ориентировано на недопустимость отрицания или умаления итогов исторических достижений нашей страны. Такое воспитание призвано сформировать систему знаний и установок, формирующих достойного человека, заинтересованного работать на благо Родины. Вместе с тем процесс такого воспитания должен осуществляться в соответствии с интересами личности, с осознанием современных демократических ценностей.

Основная цель гражданско-патриотического воспитания заключается в формировании гражданственности как сложносоставного качества личности, заключающего в себе внутреннюю свободу и уважение к государственной власти, любовь к родине и стремление к миру, чувство собственного достоинства и дисциплинированность, гармоническое проявление патриотических чувств и культуру межнационального общения.

Гражданско-патриотическое воспитание предполагает формирование правовых позиций личности, основанных на знании и уважении законов своего государства. Гражданско-патриотическое воспитание формирует личность, которой чужд эгоизм, вседозволенность, безнравственность. Напротив, в его основе лежит формирование уважительного отношения к старшим поколениям, к созидательному труду, бережного отношения к культуре и традициям нашего государства.

Социально-патриотическое воспитание ориентировано на формирование социально-активной личности, способной не только на словах, но и на деле реализовывать активную гражданскую позицию, способную нести личную ответственность за судьбу своей семьи, города, Родины.

Военно-патриотическое воспитание нацелено на такую консолидацию общества, которая позволит обеспечивать устойчивое развитие государства и национальную безопасность. В процессе такого воспитания формируются взгляды и мировоззренческие позиции по основным социальным, политическим, военным, культурным и иным проблемам, имеющим основополагающее значение при формировании личности гражданина, способного отстаивать интересы своего государства, в том числе и с оружием в руках. Военно-патриотическое воспитание является максимально практико-ориентированным, закладывающим прочную основу при формировании личности защитника Отечества.

Историко-краеведческое просвещение способствует формированию чувства любви к своей малой Родине, позволяет воспитать в человеке чувство гордости за свой край, уважения к населяющим его людям, а в конечном итоге – сформировать готовность защищать права и законные интересы этих людей, защищать свою землю.

Немаловажную роль в процессе формирования современного гражданина и патриота своей страны играет и воспитание правовое. Правовое воспитание выступает одной из неотъемлемых частей профессионального воспитания. Уровень правового воспитания граждан находит свое отражение в уровне их правовой культуры, которая в конечном итоге отражается на состоянии законности и правопорядка в государстве.

Как отмечалось ранее, патриотизм во многом проявляется в уважении гражданина к государственным и правовым институтам, также в готовности защищать эти государственно-правовые институты, защищать права и свободы человека и гражданина.

Правовое воспитание и правовое образование призваны формировать ценностные установки на правомерное поведение, повсеместное уважение к праву в целом, правам и свободам других лиц, ответственное отношение к исполнению обязанностей.

Вместе с тем в процессе реализации обозначенных подвидов патриотического воспитания важно не допустить их превращения в инструменты государственного манипулирования обществом и личностью [2].

В современных условиях патриотическое воспитание – это не просто целенаправленный, но и прежде всего нравственно обусловленный процесс подготовки молодого поколения к функционированию и взаимодействию в условиях демократического общества, к инициативному ответственному труду, участию в управлении социально значимыми делами, а также укрепления ответственности за свой политический, нравственный и правовой выбор, за максимальное развитие своих способностей в целях достижения жизненного успеха. Патриотическое воспитание способствует становлению и развитию личности, обладающей качествами гражданина и патриота своей страны [1].

Патриотизм и профессионализм выступают обязательными условиями успешной реализации тех задач, которые ставит государство перед своими гражданами.

С точки зрения организации патриотического воспитания ведущим интересом должен стать государственный интерес.

Список литературы

1. Аграпонова А. О., Барменкова Н. А. Работа общественных объединений по организации патриотического воспитания молодежи в ЦАО г. Москвы // Актуальные проблемы и перспективы развития государственного управления. М. : Юстицинформ, 2015. С. 14–17.

2. Бугров А. С. О преодолении правового нигилизма средствами современного общего образования // Образование и наука. 2008. № 2 (44). С. 88–98.

3. Воспитательная работа с личным составом в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации : учебник / под общ. ред. В. Я. Кикотя. М. : ЦОКР МВД России, 2009.

4. Иванов А. А. Военно-историческое наследие как фактор социально-экономического развития региона // Военно-юридический журнал. 2008. № 11. С. 20–22.

5. Современное образование как открытая система / под ред. Н. Г. Ничкало, Г. Н. Филонова, О. В. Суходольской-Кулешовой. М. : Институт научной и педагогической информации РАО, 2012.

Арчебасова Н. А.[1]**,**
доцент кафедры истории и международных отношений
Волгоградского государственного университета,
кандидат исторических наук, доцент

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (С ДВУМЯ ПРОФИЛЯМИ ПОДГОТОВКИ): ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ» В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН

Теоретические разработки и практический опыт вузов по подготовке специалистов для разных отраслей и ведомств России являются важным вкладом в развитие национальной образовательной системы, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях россиян. Ректор Волгоградского государственного университета (ВолГУ) Алла Калинина в интервью экспертно-аналитическому Телеграм-каналу «Научно-образовательная политика» отметила, что «вузы являются точками генерации и сохранения исторических знаний по всей стране. Деятельность Волгоградского государственного университета в сфере исторического образования и патриотического воспитания студентов обусловлена нашим историческим наследием, фундаментальностью образовательных программ вуза и внедрением новых форматов работы по сохранению исторической памяти» [16].

Одним из первых в университете был открыт исторический факультет, ныне институт истории, международных отношений и социальных технологий [6]. Его представляет целая плеяда профессиональных историков, специализирующихся по отечественной и всеобщей истории. Из всего комплекса историко-патриотических направлений развития ВолГУ опыт работы по педагогическому историческому образованию является одним из стратегических.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 июня 2022 г. была опубликована «Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года» [10], которая «предусматривает формирование единого образовательного пространства, в том числе с учетом единых содержательных и технологических условий подготовки педагогов» [12]. Изначально задача подготовки школьных учителей была делегирована педагогическим вузам, подведомственным Министерству просвещения Российской Федерации. Однако потребность в преподавателях для учреждений среднего профессионального и среднего полного образования привела к созданию концепции «Ядра высшего педагогического образования» [13] и подключению к решению данной задачи классических университетов, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации.

С 2018 г. в ВолГУ реализуются программы педагогического образования в соответствии с ФГОС ВО – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05

[1] © Арчебасова Н. А., 2023.

Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) [14]. В 2019 г. была открыта магистратура по педагогическому историческому образованию. С 2021 г. ведется обучение бакалавров по основной профессиональной образовательной программе высшего образования «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки): история и обществознание» [7]. Министерство выделяет на данную программу большое количество бюджетных мест; о ее востребованности свидетельствует высокий конкурс среди абитуриентов, а преподавание осуществляет сильный междисциплинарный профессорско-преподавательский состав.

Композиционное решение данной программы основано на ресурсных преимуществах института истории, международных отношений и социальных технологий и коллаборациях с коллегами из других институтов в создании междисциплинарных курсов. Рассмотрим последовательно семь основных блоков программы с точками концентрации внимания обучающихся.

1. Кафедра истории и международных отношений обеспечивает базис программы – блок исторических дисциплин. Профессиональные историки преподают параллельно у студентов направлений подготовки бакалавров «История» и «Педагогическое образование: история и обществознание», что позволяет на широком историческом материале объяснять, разъяснять и демонстрировать обучающимся процессы формирования российской государственности, традиций, религиозных и духовно-нравственных ценностей; выстраивать историко-генетические связи с современной историей России. В образовательной программе у будущих профессиональных учителей истории и обществознания практически полностью сохранен предметный ряд учебных дисциплин и практик будущих профессиональных историков.

Отдельно следует отметить усиление роли общего курса «История России», который относится к федеральному образовательному компоненту стандартов высшего образования и является обязательным курсом для студентов всех российских вузов. В феврале 2023 г. была принята Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования. В ней акцентируется внимание к защите исторической правды о России: «Гражданин нашей страны должен обладать способностью осмысливать процессы, события и явления в России и мире в их динамике и взаимосвязи, руководствуясь принципом историзма, формулировать и аргументированно отстаивать патриотическую позицию по проблемам отечественной истории» [11, с. 2]. В программе подготовки учителей истории данный магистральный курс получил дополнительные функции защиты традиционных духовно-нравственных ценностей россиян.

2. Блок социогуманитарных (общественных) дисциплин поддерживает программный профиль «Обществознание», который в школе обычно ведут учителя истории. Данный блок включает такие дисциплины как «Социология образования», «Межкультурное взаимодействие в современном обществе», «Политические институты, процессы и технологии» и др. Это сфера ответственности преимущественно преподавателей кафедры социологии и политологии института. Им также поручено реализовывать разрабатываемую сейчас педагогическим

сообществом учебную дисциплину «Основы российской государственности» [4]. Важно отметить наличие в программе педагогического исторического образования ВолГУ курса «История государства и права», который вели преподаватели института права. По нашему мнению, полезно адаптировать для классических исторических и историко-педагогических образовательных программ ряд изданий специализированной литературы для будущих юристов. Например, учебник для бакалавриата «История государства и права России» И. А. Исаева [8]; хрестоматию «История правоохранительной системы России в документах: с древнейших времен до 1917 года» [9] и др. Они помогут студентам получить представление о нормативно-правовых аспектах истории Российского государства, об отечественных государственных учреждениях охраны общественного порядка и целого ряда других важных аспектов патриотического воспитания молодежи.

3. Блок психолого-педагогических дисциплин обеспечивают преподаватели кафедры педагогики, психологии и социальной работы. Педагогика и психология обучения и общения, педагогика сотрудничества являются ключевыми понятиями дисциплин педагогического образования. Большое внимание уделено информационно-коммуникационным технологиям в образовательном процессе.

В программу включены новые для высшего образования учебные дисциплины «Педагогический дизайн» и «Андрагогика», поскольку педагогический пиар (связь с общественностью) наряду с обучением и воспитанием взрослого населения являются актуальными образовательными целями. Совместно с преподавателями института права и института филологии и межкультурной коммуникации были созданы программы курсов «Риторика», «Академическое письмо: исторические тексты» и «Иноязычное академическое письмо». Эти коммуникативные учебные курсы направлены на формирование у будущих учителей истории и обществознания эффективных средств для ведения успешной деловой устной и письменной коммуникации, защиты научной позиции по исторической тематике, защиты исторической уникальности Российского государства, российских традиций от профессиональных оппонентов (софистов и демагогов). Профессор Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина – В. И. Аннушкин в интервью Порталу «Грамота.ру» (создан в 2000 г. по рекомендации Комиссии «Русский язык в СМИ» Совета по русскому языку при Правительстве Российской Федерации) подчеркнул: «риторика способствует формированию всей личности человека, его мировоззрения, знаний, жизненной позиции, способности защищать свои взгляды словом» [15]. Недаром расцвет ораторского искусства и риторики произошел в Средние века в условиях реальной борьбы за свои убеждения словом и делом.

4. В блоке методических дисциплин студенты изучают и применяют на практике методы исторического исследования, преподавания истории и обществознания, преподавания экономики в курсе обществознания, подготовки к ГИА и ЕГЭ, ведение научно-исследовательской деятельности обучающихся и проч.

Точками концентрации внимания обучающихся в данном блоке программы являются усиление визуализации и методико-психологических факторов в воспитании и обучении современной молодежи, которая по теории поколений обла-

дает следующими особенностями «цифровых аборигенов»: принимает решение о важности информации в течение трех секунд, поглощает фоновую информацию терабайтами, ведет свободный серфинг по ресурсам Интернета и др. [2].

Для такой целевой аудитории требуются новые учебно-методические пособия и учебники, корректировка методик обучения. Одним из актуальных средств обучения является использование в учебном процессе модулей микрообучения, подготовленных профессионалами и размещенными в открытом доступе на образовательных платформах [1]. Например, военную историю, составляющую две трети сюжетной линии истории России, читают сугубо гражданские преподаватели. Однако война глазами солдата и генерала, военного и штатского – разная война. Следовательно, подготовленный профессиональными военными историками учебный материал будет способствовать профессиональному пониманию военных событий прошлого и настоящего, воспитанию гражданской позиции обучающихся, уважению героического прошлого России.

5. Блок практик размещается в восьми семестрах образовательной программы педагогического образования из десяти и демонстрирует практико-ориентированный подход к обучению учителей истории и обществознания. К учебным практикам относятся ознакомительная и проектно-технологическая, к производственным – педагогическая и научно-исследовательская. В периоды практик студенты совершенствуют свои способности в осуществлении критического анализа и синтез информации о традиционных российских ценностях и российской истории для постановки и решения методических задач в области преподавания истории и обществознания в школе. Актуализация школьных внеурочных историко-патриотических мероприятий («Разговоры о важном», еженедельные торжественные линейки, посвященные поднятию государственного флага Российской Федерации и др.) требует от учителя на уроке подготовительной разъяснительной работы в социально-историческом, этическом и патриотическом контекстах. По итогам каждой практики проводится работа по корректировке сформированности профессиональных компетенций и исследованию рекомендованных дополнительных учебно-методических материалов.

6. Блок факультативов основной профессиональной образовательной программы высшего образования подготовки бакалавров «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки): история и обществознание» способствует практической самореализации обучающихся за счет подключения к общественно полезным движениям и практикам. В нем сдержатся четыре факультатива, которые проводятся совместно преподавателями и сотрудниками профильных структурных подразделений университета (указаны в скобках): «Основы информационно-библиотечной культуры преподавателя истории и обществознания» (научная библиотека); «Организация волонтерской деятельности и взаимодействия с социально-ориентированными некоммерческими организациями (волонтерский центр «Прорыв»); «Образовательный туризм» (кафедра сервиса и туризма, региональное представительство Поискового Движение России) и «Применение в образовательной деятельности проблематики геноцида

советского народа в годы Великой Отечественной войны на основе проекта «Без срока давности» [3].

7. Возможности образовательной среды ВолГУ в контексте защиты традиционных духовно-нравственных ценностей россиян. С участием профессорско-преподавательского состава университета, студентов и школьников Волгоградской области и гостей из других регионов России и мира реализуется комплексная программа по сохранению историко-культурного наследия региона, включая мемориальные комплексы, праздничные события, увековечивание памяти героев. Проводится актуализация традиционных российских ценностей у подрастающих поколений, которые в силу временной отдаленности утрачивают возможность получать представление о важнейших событиях российской истории в рамках живого общения с их героями. Учебные занятия наряду с профильными аудиториями проводятся в уникальном вузовском Музее курсантских полков и центре коллективного пользования «Военная история России». Студенты принимают участие в тематических научно-практических конференциях, конкурсах и кинофестивалях. Так, например, в 2022 г. университет выступил одной из площадок Международного кинофестиваля «Победили вместе», по итогам которого ряд исторических фильмов включен в учебный план образовательных исторических программ 2023 г.

Подводя итоги, следует вспомнить историю XIX в. Расцвет (так называемый золотой век) российской культуры в первой половине XIX в. во многом был связан с осмыслением в обществе и переоценкой значимости национальных российских духовно-нравственных ценностей в связи с Отечественной войной 1812 г. и заграничными походами русской армии. После битвы при Садове в июле 1866 г. профессор географии из Лейпцига О. Пешель в газете «Заграница» обронил фразу, которую позже приписывали канцлеру Германской империи Отто фон Бисмарку: «Народное образование играет решающую роль в войне... Когда прусаки побили австрийцев, это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем» [5]. Изменились подходы к просвещению, образованию и воспитанию населения, но данная фраза актуальна как никогда.

Таким образом, концептуальное преобразование, усиление исторической составляющей в образовательной и воспитательной политике России на современном этапе, героизация и защита традиционных духовно-нравственных ценностей граждан многонационального и поликонфессионального государства с богатейшей историей Российской Федерации требует междисциплинарной солидарности профессорско-преподавательского состава вузов в формировании и реализации программ по историческому образованию, что показывает практический опыт Волгоградского государственного университета.

Список литературы

1. 30 лучших отечественных сервисов для учителей // Проф-Сферум. URL: https://prof-sferum.ru/best_russian_education_platforms_2022.

2. Андреева А. Разница поколений: какие они – Generation Z и идущие следом «альфы»? // РБК. URL: https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5dfcabbf9a7947a532b7f9a5.

3. Без срока давности: Федеральный проект России. URL: https://безсрока давности.рф.

4. В подготовке курса «Основы российской государственности» для вузов приняли участие 3 тысячи преподавателей // Министерство науки и высшего образования. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/66405.

5. Державин В. Война, которую выиграл прусский учитель // Военное обозрение. URL: https://topwar.ru/37776-voyna-kotoruyu-vyigral-prusskiy-uchitel.html.

6. Институт истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета. URL: https://volsu.ru/struct/institutes/iimost/.

7. Информация о реализуемых образовательных программах // Волгоградский государственный университет. URL: https://volsu.ru/sveden/education/pages/education_programs.php.

8. Исаев И. А. История государства и права России : учебник. М. : Норма, 2023.

9. История правоохранительной системы России в документах: с древнейших времен до 1917 года (к 300-летию российской полиции) : хрестоматия : в 2 т. / сост. А. Я. Малыгин [и др.] ; ред. В. Л. Кубышко. М. : ДГСК МВД России, 2018. Т. 1. X в. – 1802 г. 392 с.; Т. 2. 1802–1917 гг.

10. Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 июня 2022 г. № 1688-р // Правительство России. URL: http://government.ru/docs/45881.

11. Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: https://minobrnauki.gov.ru/Концепция1.pdf.

12. Михаил Мишустин утвердил Концепцию подготовки педагогических кадров для системы образования до 2030 года // Правительство России. URL: http://government.ru/docs/45881/.

13. Письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 14 декабря 2021 г. АЗ-1100/08 «О направлении информации (вместе с «Методическими рекомендациями по подготовке кадров по программам педагогического бакалавриата на основе единых подходов к их структуре и содержанию («Ядро высшего педагогического образования») // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_409505/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/.

14. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 февраля 2018 г. № 12 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготов-

ки): 5» (текст с изменениями и дополнениями на 26 ноября 2020 г.) // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/440305_B_3_1506 2021.pdf.

15. Риторика и риторическая культура в России // Грамота.ру. URL: http://gramota.ru/lenta/news/8_1628#.

16. Сохранение исторической памяти: коренной перелом // Научно-образовательная политика. URL: https://t.me/scienpolicy.

Бавсун И. Г.[1]*,*
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент

О ЗНАЧЕНИИ ИДЕИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Вопрос об идеологической основе государственного управления на постсоветском пространстве попал под абсолютный запрет. Статья 13 Конституции Российской Федерации признала идеологическое многообразие в России, но в то же время запретила устанавливать какую-либо идеологию в качестве государственной или обязательной. Такая санкционированная на конституционном уровне свобода выражения любых не запрещенных законом идей при одновременном запрете формулирования постулатов самим государством привела, например, к небывалой по масштабам популяризации идеи приемлемости нетрадиционных сексуальных предпочтений, возможности смены пола и иных подобных проявлений. Трансляция этой информации достигла таких размеров, что стала угрожать общественным отношениям в сфере семьи и детства, поэтому возникла необходимость нормативного запрета ее пропаганды и распространения (в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях были введены в 2013 и 2022 гг. соответственно ст.ст. 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола», 6.21.1 «Пропаганда педофилии», 6.21.2 «Распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол»).

Предпосылки сложившейся ситуации были созданы еще в 1991–1993 гг., когда состоялась «успешная» экспансия иностранной правовой культуры, которая ставила своей целью очистить общественное сознание от идей социалистической эпохи и привела к полной замене отечественных ценностей [4, с. 39], в результате чего произошла дезориентация общественного сознания в вопросе о содержании главных социальных идей. В последующем недооценка роли идеологии как системы «идей, взглядов, представлений, чувств и верований о целях развития общества и человека, а также средствах и путях достижения этих целей, воплощенных в ценностных ориентациях, убеждениях, волевых актах, побуждающих человека (людей) в своих действиях стремиться к целям, которые он (они) перед собой поставил(и)» [1, с. 7], оказалась опасна в условиях практически ничем не ограниченных возможностей информационного воздействия на общественное сознание (одновременно с запретом государственной идеологии в Конституции Российской Федерации ст. 29 установила и запрет цензуры).

Сегодня абсолютно недопустимо сохранять сформировавшийся идеологический вакуум. Более того, потребность в идейном обосновании социальных про-

[1] © Бавсун И. Г., 2023.

цессов остро ощущается в российском обществе, особенно в условиях противостояния с западными странами. Сложность положения заключается в том, что формирование государственной идеологии стало жизненно необходимым, но запрещенным Конституцией Российской Федерации, поэтому государственная власть вынуждена изыскивать возможности для трансляции идейного обоснования происходящих процессов и явлений, задавая стандарты поведения личности, общества, государства.

Примером такой трансляции социально значимых ценностей с 2008 года является посвящение Президентом Российской Федерации каждого года той или иной актуальной сфере для привлечения к ней общественного внимания. Так, 2008 г. был объявлен Годом семьи, 2009 – Годом молодежи, 2010 – учителя, 2011 – российской космонавтики, 2012 – российской истории, 2013 – охраны окружающей среды, 2014 – культуры, 2015 – литературы, 2016 – кино в России, а 2017 – экологии. Интересна идея 2018 г., объявленного Указом Президента Российской Федерации от 6 декабря 2017 г. № 583 годом добровольца (волонтера), что напомнило людям о важности бескорыстной помощи, а огромное количество людей, особенно молодежи, откликнувшихся на призыв помогать нуждающимся, показало, что бескорыстие как антипод стяжательства (а именно доминирование идеи стяжательства во многом способствует распространению коррупции) не умерло в российском общественном сознании и может стать базой для развития принципиально нового, основанного на высоких идеалах понимания и восприятия общественной и государственной деятельности. 2019 г. стал Годом театра, 2020 – памяти и славы, 2021 – науки и технологий, 2022 г. был посвящен культурному наследию народов России в целях популяризации народного искусства и сохранения культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей. 2023 год стал Годом педагога и наставника.

Еще один канал трансляции в общество идеологических координат – закрепление их в разного рода документах стратегического планирования: концепциях, стратегиях, программах. Так, в указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» приоритетами обозначены: сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация.

За каждой из этих целей стоит определенная идея (по своей сути идея является базой для постановки целей): важность человеческого потенциала для государства; труд как основа жизнедеятельности личности, общества, государства; информатизация всех общественных процессов как объективная реальность и т. д.

Но, пожалуй, наиболее ясным для понимания и восприятия населением страны способом передачи базовых идей государственного управления являются выступления первых лиц государства, в частности, главы государства – Президента Российской Федерации В. В. Путина в официальных и неофициальных форматах: послания Федеральному Собранию, совещания с членами Правительства Российской Федерации, рабочие встречи с руководителями федераль-

ных органов исполнительной власти и главами субъектов Российской Федерации, «прямая линия с Президентом», встречи с журналистами, его выступления на различных мероприятиях и заявления по поводу происходящих событий. Так, в его обращении к Федеральному собранию Российской Федерации 21 февраля 2023 г. говорилось о необходимости помощи семьям, создании всех условий для развития и воспитания детей как приоритете государственной политики России. В День российской науки Президент России провел заседание Совета по науке и образованию, на котором обсуждалась реализация стратегических инициатив в научно-технической сфере, обозначались направления в сфере науки и высшего образования, а лейтмотивом его выступления стала идея технологического суверенитета Российской Федерации.

23 июня 2022 г. В. В. Путин в режиме видеоконференции принял участие в XIV саммите БРИКС. В его словах: «Лишь сообща можно решать такие задачи, как урегулирование конфликтов, борьба с терроризмом, организованной преступностью, включая криминальное использование новых технологий, противодействие изменению климата, распространению опасных инфекций», «только на основе честной и взаимовыгодной кооперации можно искать выходы из той кризисной ситуации», «сейчас как никогда востребовано лидерство стран БРИКС в выработке объединяющего, позитивного курса на формирование по-настоящему многополярной системы межгосударственных отношений», – продемонстрированы идеи-принципы международных отношений в виде честного и взаимовыгодного взаимодействия и идеи-цели в виде лидерства союза стран БРИКС, который имеет все шансы в будущем стать самым сильным экономическим и политическим союзом.

Эти и многие другие примеры демонстрируют целенаправленную и достаточно последовательную работу по трансляции идей государственного управления в Российской Федерации. Но в системе передачи информации важны не только источник информации и качество ее передачи, но и получатель информации, его способность принимать и воспринимать транслируемые идеи, а также среда, в которой передается информация. В связи с этим интересны данные, полученные в результате опроса студентов одного из российских вузов (были опрошены 48 студентов 2-го курса Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, обучающиеся по специальности «Юриспруденция»). На просьбу сформулировать идеи, которые, по их мнению, лежат в основе государственного управления Российской Федерации и активно транслируются на государственном уровне, большинство (71 %) опрошенных указали на основные характеристики правового государства (верховенство закона, разделение властей, гарантии прав и свобод личности и другие его атрибуты).

27 % респондентов назвали традиционные семейные ценности (брак как союз мужчины и женщины; необходимость рождения детей; неприятие смены пола и иных идей ЛГБТ). На идею суверенитета России (политическая, экономическая, ресурсная, технологическая независимость страны) указали 17 % опрошенных. Столько же сформулировали идею стабильности общества, основанного на правопорядке. Идеи патриотизма, безопасности государства, социальной ориентации государственной политики и гуманизма получили по 15 %

голосов. Такое же количество опрошенных усмотрели идею утверждения России как «сильной мировой державы», «полноценного, независимого и равного участника международных отношений», «увеличение ее влияния на мировой арене» вплоть до «лидерства в мировой геополитике» и признания «великой суверенной державой». 13 % указали на «дружбу многонационального народа Российской Федерации» и ценность свободы в разнообразных ее правлениях (свобода выбора, свобода доступа к информации и т. д.). «Историческую память» как важную идеологическую основу общества назвали 8 % опрошенных.

Отдельные респонденты назвали такие идеи, как «многополярный мир», «уход от всего западного», «процветающая страна», «русский язык как язык государствообразующего народа», «дружба со странами-союзниками», «наука и образование как основа развития общества», «развитие регионов», «ценность человеческой жизни», «сплочение людей независимо от национальности и вероисповедания» и др. Далеко не все полученные ответы содержали в себе именно идеи (местами в них проявились сферы общественной жизни, цели, задачи или функции управления), но они явно продемонстрировали общее понимание молодой аудиторией значения идеологической основы общества и государства, а также способность понимать, осмысливать, принимать идеи, формулируемые на государственном уровне. Значит, последовательная, целенаправленная работа по формированию идеологических координат российского общества и, прежде всего, в молодежной среде должна быть продолжена.

Идеология как «совокупность системных упорядоченных взглядов, выражающая интересы различных социальных групп, на основе которых осознаются и оцениваются отношения людей и их общностей к социальной действительности в целом и друг к другу» [3], является мощным инструментом формирования общественного сознания. Возрождение в сознании россиян объединяющих общество идей, направление усилий для достижения общезначимых целей создает предпосылки утверждения России как действительно суверенного и сильного государства. Покушения на жизнь и состоявшиеся убийства философов и политологов, активно продвигающих антиглобалистскую идеологию, демонстрирует опасность данного «оружия» для стран Запада.

«Сутью реальности является смысл. Не имеющее смысла не является для нас реальным. Каждый фрагмент реальности живет благодаря тому, что участвует в каком-либо универсальном смысле» [5, с. 177]. Для любой социальной системы в иерархии базовых категорий основой является идеологическое сущностное начало, все остальные категории, включая цели, должны такому началу соответствовать [2, с. 75]. Поэтому актуальной задачей современной науки является разработка государственно-общественной идеологии, наполняющей смыслом социальную действительность, что предполагает серьезный анализ ценностных ориентиров личности, общества и государства, их упорядочение и согласование, а также оценку эффективности средств ее трансляции и поддержания, активное их использование.

Список литературы

1. Бабосов Е. М. Основы идеологии современного государства. Минск : Амалфея, 2004.

2. Бавсун И. Г. О необходимости формирования идеологической основы деятельности органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 72–76.

3. Семигин Г. Ю. Новая философская энциклопедия. URL: https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document.

4. Степанов О. А. О перспективах использования информационных технологий в рамках государственного строительства в российском обществе // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 2. С. 39–41.

5. Стомма Л. Недооцененные события истории. Книга исторических заблуждений. М. : АСТ, 2014.

Басангов Д. А.[1]**,**
старший научный сотрудник лаборатории
правового мониторинга и социологии права
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА КАК ФАКТОР УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Актуальными проблемами современности выступают гибридные войны. Несовершенство норм современного международного права, касающихся законов и обычаев войны применительно к современным конфликтам, является одним из главных факторов, препятствующих консолидации усилий мирового сообщества по выработке совместных мер противодействия цветным революциям и гибридным войнам. Вне сферы воздействия организаций обеспечения международной безопасности остается мощный спектр подрывных технологий, создающих основу для стратегий гибридной войны.

В российской доктрине международного права данный термин не используется, «гибридная война» не является термином международного права [6, с. 24]. Данная позиция представляется оправданной ввиду того, что словосочетание действительно формально не закреплено в действующих международно-правовых документах.

Своим истоком гибридная война имеет глобализационные процессы, связанные с формированием полицентричного характера международных отношений. После окончания холодной войны гибридная война превратилась в новую форму межгосударственного противоборства, стала инструментом стратегического неядерного сдерживания.

Словосочетание «гибридная война» в качестве расхожего термина было использовано в США для описания военной стратегии, объединяющей в себе обычную войну, малую войну и кибервойну, в ходе которой могут использоваться различные компоненты военных и невоенных форм, средств, методов и технологий (пропаганды, дипломатии, информации, экономики государства, привлечения инвестиций, организации террористических актов без прямого вооруженного конфликта).

Данные компоненты направлены на достижение определенных стратегических целей.

Гибридная война включает в себя реализацию комплекса гибридных угроз различного типа: традиционные, нестандартные, масштабный терроризм, а также подрывные действия, в ходе которых используются различные, нередко инновационные, технологии для противостояния превосходящей военной силе. Например, массированные кибератаки, действия в энергетической сфере и др.

При отсутствии юридического закрепления термина «гибридная война» выявление и доказательство ее осуществления с позиций международной ответ-

[1] © Басангов Д. А., 2023.

ственности практически невозможно, что также свидетельствует о наименьшей степени издержек, с ней связанных.

Представляется возможным выделение отдельных групп причин, обусловливающих появление гибридных войн, в числе которых правовые, военные и технологические [7, с. 179; 12, с. 31].

Группа правовых причин связана с закреплением в ст. 2 Устава ООН (1945) международного запрета на применение вооруженной агрессии для разрешения межгосударственных противоречий. Данное ограничение повлекло расширение государствами возможностей и методов достижения внешнеполитических целей, не связанных с применением вооруженной силы, однако предполагающих иные методы и способы достижения необходимого результата.

В современных условиях содержание военной группы причин гибридной войны наряду с противоправным характером с позиций международного права связано с фактической неэффективностью и снижением актуальности глобального военного противостояния. Использование огромных армий в условиях четких границ военного конфликта постепенно уходит в прошлое. Массовая гибель военнослужащих, неизбежные военные потери в развитых западных странах влекут потерю голосов избирателей на выборах. В качестве примера можно привести США, в которых начались повсеместные массовые демонстрации после новостей о гибели американских военнослужащих в Ираке и Афганистане [11, с. 17].

Технологические причины проведения гибридных войн связаны с техническим прогрессом, следствием которого являются стремительно открывающиеся технические возможности современных государств. С повсеместным распространением информационных коммуникативных технологий, включая Интернет, для осуществления гибридных войн в мире более не существует преград. По отношению к затратным и технически сложным военным системам появление новых технологий в области массовых коммуникаций в совокупности с глобализацией информационного пространства привело к расширению возможностей использования недорогих, но эффективных средств несилового противостояния.

При сравнении финансовых затрат на размещение и обслуживание систем противоракетной обороны с затратами на ведение отдельных информационных кампаний в виде подготовленной публикации сюжетов в электронном медиапространстве разница очевидна и будет свидетельствовать в пользу последних. Информационно-коммуникационное воздействие в условиях противостояния государств компенсирует военные возможности, реализация которых не представляется возможной ввиду запрета применения вооруженной силы. Современные средства массовой информации в легкой и ненавязчивой манере формируют основы общественного мнения, определяя смысл тех или иных ценностей, либо вовсе отрицая их, что не позволяет увидеть пропагандистские приемы. Нередко население стран, на которые направляется информационная атака, не догадывается об этом. Следовательно, неведение является фактором, обеспечивающим победу как в информационной войне, так и в войне в целом. Негативное воздействие информационной войны оказывается на руководство стра-

ны, дискредитируется деятельность государственных органов и подрывается авторитет публичной власти. Таким образом, не начиная активные вооруженных действий, противник может добиться смены государственной власти в стране или максимально ослабить ее.

Экспертами отмечается, что «существенная особенность гибридной войны состоит практически в отсутствии грани между состоянием войны и мира» [6, с. 25; 3, с. 93]. Это приводит к тому, что в условиях противоборства государств информационное воздействие, осуществляемое путем постепенного изменения картины мира, искажения истории и внутренних ценностей населения, не охватывается действующим международно-правовым регулированием.

Сущность гибридной войны состоит в том, что подбор, синтез, анализ необходимой информации имеет комплексный характер, ввиду того что источником организованного вторжения выступает не военная разведка и не аналитические подразделения различных ведомств. Целью проведения гибридной войны является замещение сформировавшихся базовых общественных ценностей отдельными морально-психологическими установками противостоящего государства-агрессора [10, с. 28]. Однако в целях объективности все же необходимо отметить, что и в случае применения вооруженной силы международная ответственность также весьма трудно доказывается и крайне редко доводится до финальной стадии имплементации.

По мнению исследователей, современная гибридная война осуществляется с использованием массовых манипулятивных информационных технологий, предметом воздействия которых являются их этнопсихологические, гендерные, психолого-возрастные и другие особенности [8, с. 25]. Особое место в противоборстве государств отводится информационной войне, включая ее психологические компоненты [9, с. 9]. По мнению А. И. Горячева, военные конфликты XXI в., информационные войны, являются сердцевиной гибридной войны [2, с. 31]. Современные информационные технологии являются настолько динамичными, что правовое регулирование не успевает своевременно реагировать на изменяющуюся информационную реальность [5].

Суть влияния информационных пропагандистских технологий отражена в принципах, сформулированных Й. Геббельсом: размах, простота, концентрация и полное отсутствие правды. Перед началом Второй мировой войны в Германии была разработана концепция дезинформации, основу которой составляли положения, по которым ложь, сказанная сто раз, становится правдой; нужна не правда, а эффект; те, кого предполагается убедить, должны быть полностью погружены в идеи пропаганды, не замечая при этом, что они ими поглощены; обыкновенные люди примитивны, поэтому пропаганда, по существу, всегда должна быть простой, без конца повторяющейся и т. д. [1].

Идеи Геббельса не остались невостребованными, они были существенно усовершенствованы, а появление новых технических возможностей по созданию, передаче, обработке, хранению, преобразованию и использованию информации предоставили широчайшие перспективы развития специальной пропаганды.

Российской Федерацией с 2011 г. был разработан и предложен проект Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, в котором понятие «информационной войны» определяется как противоборство между двумя или более государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам и другим критически важным структурам, подрыв политической, экономической и социальной систем, массированная психологическая обработка населения для дестабилизации общества и государства и принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны [4].

Статья 6 Проекта устанавливает запрет на использование среди государств-членов информационно-коммуникационных технологий для вмешательства в дела, относящихся к внутренней компетенции другого государства [4]. Однако события, связанные с использованием Вооруженных сил в ходе СВО на востоке Украины, блокируют любые международные инициативы со стороны Российской Федерации.

Нередко государства соглашаются на международно-правовое регулирование определенной сферы отношений лишь в случае рассмотрения перспектив появления новых возможностей помимо данной сферы. Примером является эволюция запрещений отдельных видов оружия (противопехотные мины, химическое оружие, отдельные виды зажигательного оружия), в регулировании которого международное право явно отстает от изменяющейся реальности.

В этой связи представляется важным, что информационная сфера и ее отдельные элементы будут полноценно включены в международно-правовое регулирование лишь при осуществлении противоборства государств путем иных, не урегулированных правом методов.

Полагаем, что с внедрением новых и эффективных способов информационного воздействия на геополитическую повестку отдельные виды конвенционального вооружения будут иметь меньшую степень значения для технически развитых государств.

Практика показывает, что в современном мире в отсутствии непосредственных военных действий информационное воздействие со стороны государств-агрессоров будет усиливаться. Информационные способы воздействия становятся прекрасной альтернативой с эффективными результатами.

Исследование феномена гибридной войны в качестве продукта современных конфликтов позволит выработать механизм противостояния угрозам со стороны технологий, используемых в ней, а также установить невыявленные потенциальные опасности, которые она несет мировому сообществу.

В этой связи представляется важным определение признаков гибридной войны, ее сущности и опасности, которую несут ее технологии, для обеспечения национальной безопасности государства.

Список литературы

1. Высказывания Йозефа Геббельса – отца пропаганды // URL: https://evalinger.livejournal.com/68673.html.

2. Горячев А. И. Феномен «гибридной войны» в сирийском контексте // Военный академический журнал. 2018. № 2 (18). С. 28–36.

3. Капустин А. Я. Угрозы международной информационной безопасности: формирование концептуальных подходов // Журнал российского права. 2015. № 8 (224). С. 89–100.

4. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) // Министерство иностранных дел Российской Федерации // URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents//asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/191666.

5. Крутских А., Стрельцов А. Международное право и проблема обеспечения международной информационной безопасности // Международная жизнь. 2014. № 11. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1167.

6. Мартыненко Е. В., Бисультанов А. К. Гибридная война и международное гуманитарное право // Евразийский юридический журнал. 2016. № 6. С. 24–26.

7. Сазонова К. Л. «Гибридная война»: международно-правовое измерение // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 177–187.

8. Собольников В. В. Место и роль психологического воздействия в стратегии ведения «гибридных» войн НАТО // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 3. 2015. С. 25–31.

9. Ткаченко С. В. Информационная война против России. СПб. : Питер, 2011.

10. Узун О. Л., Узун С. Л. Правовое регулирование информационной безопасности как элемента национальной безопасности в условиях современных гибридных войн // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2015. № 1 (26). С. 27–31.

11. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование. М. : ИЗиСП, 2018.

12. Холиков И. В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. 2022. № 11 (304). С. 30–38.

Бельский В. Ю.[1]*,*
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
доктор философских наук, профессор

К ВОПРОСУ О ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В связи с глобальными изменениями гендерной политики мировых держав с целью сокращения численности населения и попытками перенести «передовой опыт» на другие страны вопросы демографической безопасности России выходят на первый план [1; 4]. Лучше всего данную проблему рассматривать применительно к допандемийному периоду развития страны, когда основные социальные институты работали непосредственно в контакте с населением.

Многие из тех, кто наблюдал за церемонией открытия XXII зимней Олимпиады в Сочи, наверняка обратили внимание на тот факт, что финал красочного шоу-спектакля, представляющего историю России, был посвящен теме материнства и детства. Образы счастливых танцующих мам с декоративными детскими колясками призваны были подчеркнуть то особое внимание Правительства Российской Федерации к демографической проблеме, которое – согласно идеологии церемониального спектакля и его финальному месседжу, рассчитанному не столько на гостей Олимпиады, сколько на конкретного высокопоставленного российского зрителя, – определяет декларируемо-демонстрируемые приоритеты современной государственной политики в нашей стране, возводя цели и ценности поддержки материнства и укрепления института семьи фактически на уровень *национальной идеи.*

Между тем любому профессиональному социологу известно, что на деле проблема материнства и детства в современной России далека от того, чтобы считать ее генеральным направлением государственной социальной политики (не говоря уже о реальном – довольно низком – значении ценности материнства в системе идеологических приоритетов современной России). Симптоматично, в связи со сказанным, что уже на следующий же день после масштабной демонстрации названной версии новой российской «национальной идеи» в ходе церемонии открытия Олимпиады жизнь опровергла сверхценность продемонстрированного хореографами олимпийского шоу месседжа. Мы имеем в виду появление в российских СМИ информации о том, что уже в ближайшее время возможности материнского капитала будут сужены до минимума – так, что этот капитал может быть направлен исключительно на цели улучшения жилищных условий. Таким образом, и без того чрезвычайно узкое поле возможностей использования данной меры стимулирования роста в России рождаемости было низведено до банальной государственной субсидии тем семьям, которым по силам взять ипотечный кредит или каким-то образом оформить свои расходы по строительству и ремонту своего дома или квартиры.

Некоторые российские эксперты в связи с этим фактом считают, что материнский капитал сегодня вряд ли мотивирует молодые семьи к рождению вто-

[1] © Бельский В. Ю., 2023.

рого и последующего детей. Более того: его фактически привязали к утилитарным интересам российской банковской системы – стимулированию получения молодыми семьями ипотечного кредита, что дает основания многим российским социологам и экономистам говорить о том, что в государственной не только финансовой, но даже социальной политике сегодня в России превалирует забота не о матерях и молодых семьях как таковых, но о прибылях банков, рассматривающих (вопреки неоднократно сформулированным главой государства национальным приоритетам) институт ипотечного кредитования не как способ решения жилищной и демографической проблемы, но как одно из направлений корпоративно-частного бизнеса.

Заметим, что выплаты материнского капитала сегодня считаются самой мощной, самой предметной и эффективной мерой поддержки материнства в нашей стране. Действительно, в ряде регионов люди признательны власти за эту новацию, а представители власти считают, что рост рождаемости – там, где он наблюдается, – вызван, в том числе или даже прежде всего, именно выплатами материнского капитала. С другой стороны, большинство социальных экспертов считают, что КПД материнского капитала на самом деле чрезвычайно низок.

С нашей точки зрения, сам механизм поддержки рожениц через выплаты материнского капитала изначально обладал целым рядом недостатков. И ключевые недостатки данной меры – это, во-первых, необходимость прохождения сложной бюрократической процедуры при оформлении маткапитала, во-вторых, как уже было сказано, слишком узкое поле его возможного использования, а в-третьих, высокая вероятность злоупотреблений – как и в случаях с любыми другими финансово-материальными средствами и способами господдержки, проходящими через руки коррумпированных чиновников.

Напомним, что весной 2013 г. полномочный Представитель Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе Александр Хлопонин обратил внимание на некоторые странности российской статистики и сообщил журналистам, что в регионе оказалось завышенным число новорожденных на 110 000 человек! Полагаем, что именно возможность обналичивания материнского капитала, а также его получения по фиктивным справкам, судя по всему, и стала тем фактором, благодаря которому в республиках Северного Кавказа дополнительно появились не рожденные 110 тысяч «новорожденных», которые, судя по всему, – на радость российским демографическим чиновникам – попали в официальную федеральную статистику, «подтверждающую» якобы положительную динамику рождаемости в Российской Федерации.

Напомним еще один факт. Так, в конце ноября 2013 г. в газете «РБК-дэйли» была опубликована статья о привлечении к уголовной ответственности первого вице-президента «ОПОРы России» Павла Сигала, который, по данным следствия, создал более 400 фирм, занимающихся обналичиванием материнского капитала с оставлением матерям всего от 20 до 50 % средств [3]. Г-на Сигала подозревают в обналичивании более 10 млрд руб., а его делом в течение полугода занимались более 800 сотрудников полиции, что также стоит колоссальных денег. И это не единственное дело в стране, касающееся злоупотреблений с материнским капиталом.

Масштаб махинаций в самой святой для граждан России сфере – материнства и детства – просто гигантский. Настолько гигантский, что это никак не вяжется с целями декларируемого российскими политиками «социального» государства. Впрочем, мы – не судебная инстанция и не можем определить степень вины, например, господина Сигала и ему подобных. Наша задача – в анализе подтвержденных фактов. В частности, мы считаем важным обратить внимание на тот факт, что, согласно официальной статистике, в 2013 г. материнским капиталом воспользовались всего чуть более 40 % тех женщин, которым этот капитал положен по закону (это ли не самый красноречивый факт непопулярности, а значит – неэффективности данной меры?) Заметим также, что из этих 40 % женщин, получивших маткапитал, далеко не все получили его в полном объеме (статистика умалчивает – в каком). В-третьих, даже те семьи, что воспользовались материнским капиталом, чаще всего вынуждены были «откатить» какую-то его часть (если верить следователям по делу господина Сигала, – до 50 % от полученной суммы) чиновникам, от которых зависит прием и оформление документов на осуществление выплат.

Итак, главный вывод, который мы можем сделать, наблюдая за процессом выплат материнского капитала в России как главной мерой государственной поддержки матерей с двумя и более детьми, состоит в том, что данная мера осуществляется в контексте приоритетного отношения лиц, осуществляющих в нашей стране государственную демографическую политику, прежде всего в интересах двух основных социально-экономических групп: коррумпированных чиновников, а также легального (осуществляющего ипотечное кредитование) и теневого (осуществляющего обналичивание материнского капитала) банковского и околобанковского бизнеса.

Из констатации данного факта следует убеждение, что в России необходимо срочно менять сами принципы и методы осуществления государственной демографической политики. Данные принципы и методы должны быть сориентированы:

– на минимизацию роли чиновника в осуществлении мер поддержки материнства, детства и института брака и семьи;

– резкое возрастание роли экспертной среды, участвующей в выработке мер решения в России демографической проблемы;

– переход от разного рода запретительно-наказательных мер и призывов (о наложении штрафов на мужчин за бездетность, о введении налога на разводы, об ужесточении ответственности за неуплату алиментов, о переводе на платную основу абортов и т. п.) к методам стимулирования и поощрения репродуктивной и иной демографической активности.

В данной статье мы обратили внимание лишь на одну меру стимулирования и поощрения репродуктивной активности населения – материнский капитал, выплаты которого, как мы видим, в действительности не являются реальным приоритетом государственной социальной политики, представляя собой, скорее, демонстрационные акции, порождающие атмосферу благодушия и самоуспокоенности в чиновной среде. С нашей точки зрения, демонстрационность социальной политики – одна из самых характерных черт современной российской государственной социальной политики, и это связано не только с нынеш-

ним состоянием в России политической среды (коррумпированность чиновников, курс на монетизацию социальной сферы, сверхолигархичность политической системы и соответствующего ей законодательства и т. п.), но также с характерным для постсоветской науки отсутствием серьезных и фундаментальных социологических исследований демографической проблемы и соответствующих экспертных разработок.

В частности, мы не можем назвать ни одного профессионального российского исследования, которое бы было посвящено, например, изучению механизма воздействия такой меры, как материнский капитал, на репродуктивное поведение российских женщин. И здесь возникает вопрос: как можно было вводить эту дорогостоящую меру в масштабах всего государства без серьезных исследований и реализации хотя бы пилотного проекта в наиболее депрессивных (в демографическом смысле) регионах России? Ведь главный недостаток технологии выплат материнского капитала состоит даже не в том, что она предполагает широкое поле злоупотреблений. Главная проблема – в том, что в большинстве регионов эта мера не выполняет основного своего назначения – стимулирования роста рождаемости, причиной чего стала, по нашему мнению, отсутствие у авторов идеи выплаты материнского капитала, а также у разработчиков данной технологии элементарного понимания не только особенностей различных типов российских семей, но и функционирования механизма мотиваций репродуктивного поведения населения России.

По мнению социологов, современные российские семьи можно подразделить на три основных типа (если иметь ввиду тип репродуктивного поведения): традиционные нуклеарные семьи (склонные иметь более двух детей в браке), «вестернизированные» семьи (с одним ребенком или без детей), и среднестатистические семьи, стремящиеся иметь не менее двух детей. Так вот: в южных и некоторых иных регионах России, для которых характерны в основном традиционные семьи, принято иметь второго, третьего и последующих детей и без материнского капитала. В этих регионах его выплаты бессмысленны и, в принципе, не нужны с точки зрения изменения модели репродуктивного поведения – хотя именно в этих регионах наблюдаются самые большие объемы выплат материнского капитала и соответственного его обналичивания и прочих злоупотреблений (спрашивается: зачем и с какой целью в этих регионах выплачивается материнский капитал?).

В свою очередь, в Москве, Санкт-Петербурге и многих других крупных городах и в ЦФО доминируют так называемые «вестернизированные» – инфертильные семьи (без детей) или неполноценные семьи с одним родителем, ориентированные не более, чем на одного ребенка, – и какие-то 450 тыс. руб. (для Москвы это, в принципе, несущественные деньги) не могут стать серьезным стимулом для того, чтобы в таких семьях появился второй и тем более третий ребенок.

Таким образом, выплаты материнского капитала должны быть сориентированы на среднестатистические и полноценные семьи, которые в своем желании родить второго или даже последующего ребенка часто не могут позволить себе это сделать исключительно по материальным соображениям. К сожалению, в государственных структурах сегодня полностью отсутствуют представления

не только об образе жизни, мотивациях и моделях поведения членов таких семей, но даже об их количестве и регионах сосредоточения.

С учетом сказанного полагаем, что механизм выплаты материнского капитала давно должен быть модернизирован во что-то принципиально иное, новое и эффективное. Обратим внимание, в связи с этим, на разработки Института ЕАЭС (бывшего ЕврАзЭС), специалисты которого, занимаясь преимущественно интеграционной проблематикой, одним из своих приоритетов видят решение в России и близких ей странах демографической проблемы (по мнению Центра изучения проблем народонаселения, демографии и здравоохранения Института Елены Красильниковой, «интеграционные процессы на постсоветском пространстве с участием России происходят сегодня в контексте цивилизационного развития. Воссоздание же на евразийском пространстве суверенной и конкурентоспособной цивилизационности во многом зависит от качества человеческого потенциала и количества проживающего на данной территории населения. Без положительной динамики роста населения российский цивилизационный проект попросту не состоится» [3]). В частности, в рамках Института разработана концепция «капитализации человеческого фактора» в современной России, одним из важнейших элементов которой является комплекс мер по стимулированию и поощрению репродуктивной активности населения России и, в первую очередь, среднестатистических семей. Основные положения данного концепта вошли, в частности, в «Стратегию социально-экономического развития Костромской области до 2025 года», а также в пилотные проекты ряда других областей ЦФО Российской Федерации.

Ключевыми разработками названной концепции (можно сказать, доктринального уровня) стали разработки:

– доктрина новой миграционной политики;

– система семейного страхования при заключении брака;

– система муниципальной сертификации семей с тремя и более детьми с предоставлением данным семьям соответствующих преференций на региональном уровне.

Список литературы

1. Бельский В. Ю. Демографическая политика России в современных условиях // Философские исследования и современность : Вып. 10. М. : ИПЛ, 2021. С. 17–24.

2. Новиков Е. Первый вице-президент «ОПОРА России» Павел Сигал задержан полицией // Газета. URL: http://rbcdaily.ru/economy/562949989658970.

3. Новости института ЕврАзЭС // URL: http://inst.eurasec.com/novosti/4106/.

4. Россия и глобальный кризис современности : материалы межведомственного круглого стола / [С. Р. Аблеев и др.] // Философские исследования и современность : Вып. 10. М. : ИПЛ, 2021. С. 202–255.

Беляева О. В.[1]***,***
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ РОССИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Несмотря на процветание гуманизма и толерантности, моду на «мир во всем мире» и массового разоружения, люди всегда находят, за что бороться. Они идут войной друг на друга из-за денег, территории и власти. Это доказывают вооруженные конфликты и войны, сопровождаемые неизбежными человеческими потерями, которые происходят в эту минуту. Да, люди все еще продолжают воевать. Но можно смело заявить, что отношение к войне сильно изменилось. Совсем недавно, чуть больше сотни лет назад, войну романтизировали: считали неизбежным и благородным занятием. Люди видели в войне единственный способ показать превосходство, укрепить государственность.

С течением времени изменилось не только отношение к войне в целом, но и к используемым средствам. Сабли и штыки сменились ядерным оружием и компьютерными технологиями. Инновации в сфере компьютерного программирования спровоцировали переход войны на информационный уровень, что повлекло формирование новых способов воздействия, в большей мере оказывающих влияние на мировоззрение, сознание людей, например, фальсификация истории той или иной страны.

Термин «фальсификация» рассматривается по-разному, но всегда означает некую подделку. Фальсификации могут подвергаться документы, ювелирные изделия, денежные средства, произведения изобразительного искусства и другие вещи, имеющие ценность. Отдельно существует и фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности (ст. 303 УК РФ).

В толковом словаре С. И. Ожегова фальсификация – это поддельный предмет, вещь, выдаваемая за настоящую, подделка. Профессор истории А. А. Данилов дает свое определение фальсификации истории. Он пишет, что фальсификация – это предумышленное, а порой и злонамеренное искажение исторических фактов и событий, истолкование их в угоду какой-то позиции [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что фальсификацией истории называется не что иное, как подделка исторических фактов, сведений и обстоятельств; сознательное искажение исторической истины и действительности прошлых лет.

Существует множество способов и методов ее непосредственной реализации. Методом называется совокупность рациональных действий, которые необходимо предпринять, чтобы решить определенную, сформированную задачу или достичь поставленной цели.

В ходе изучения понятия «фальсификация истории» необходимо понять, какие действия возможны для ее осуществления. Например, авторы, желающие переписать ход истории, могут не указывать источники, сведения из которых

[1] © Беляева О. В., 2023.

они преподносят как истинные, или могут ссылаться на несуществующие издания. Сегодня стало актуальным фальсифицировать историю как бы случайно, неосознанно. Данный способ характерен в большей мере для художественной литературы или кинематографа. Писатели и режиссеры в погоне за просмотрами и рейтингами изменяют историю, стараясь сделать ее «интереснее», тем самым привлечь зрителя. Чаще всего это реализуется с помощью сложных любовных историй или запутанных родственных отношений.

В качестве наиболее сложного, интересного и тонкого способа фальсификации выступает подделка первичных источников: «сенсационные» открытия, ранее «не публиковавшиеся» и «неизвестные» материалы, мемуары, дневники и т. д. В этом случае необходима специальная экспертиза для опровержения ложных данных.

Что касается причин фальсификации истории, они просты. Можно смело утверждать, что они схожи с причинами любых военных действий. Одной из банальных является желание завладеть богатствами или территорией другой страны. Могут иметь место и другие причины, но глупо отрицать, что во всех войнах всегда присутствует экономический интерес, даже если стороны конфликта говорят о других, более благородных целях.

Нельзя оспорить и тот факт, что современные конфликты подкрепляют жесткие политические интересы: стремление к господству на международной арене. Фальсификация истории, как проявление информационной войны, влияет на сознание, мировоззрение людей. Это тонкий психологический маневр. Люди склонны верить в то, что говорят, стоя перед камерой, авторитетные, популярные лица, не желая проверять достоверность их слов. Услышанное откладывается в подсознании и формирует мировоззрение, отношение к окружающему.

Причины, цели, поводы и мотивы исторических фальсификаций могут быть самыми разнообразным, например, закрепить за той или иной страной историческое право на определенную территорию, обосновать легитимность правящей династии или правопреемство государства по отношению к тому или иному историческому предшественнику. Что касается нашей страны, фальсификация истории России используется как средство принижения ее исторической значимости как гаранта стабильности в Евразии с целью ограничения ее влияния на мировые процессы. Фальсификаторы стараются разрушить стремление государств бывшего СССР к единению, проведению скоординированной внутренней и внешней политики.

Общая цель фальсификаций и искажений истории нашего Отечества, – представить Россию «империей зла», отнять у нее героическое прошлое, а у народа историческую память, сделать Российскую Федерацию изгоем мировой политики, лишить возможности развития как единого государства, по сути – оставить Россию без будущего [2, с. 47].

Фальсификация истории нашей страны появилась вместе с самой историей России. Она проявлялась во все исторические периоды, сопровождая каждую формацию, при всех режимах и при каждом правителе. Но в конце прогрессивного XX в. и теперь, в XXI столетии, она стала совершенно далекой от истины, агрессивной, вульгарно наглой.

Для примера можно сослаться на факт фальсификации истории России, появившейся в Сети не так давно. В 2020 г. были зафиксированы попытки США обвинить СССР в ядерных бомбардировках Японии. Заявление об этой фальсификации было распространено заведующим научно-методическим отделом Музея Победы в Москве С. Давыдовым. И хотя большинство людей заявили, что подобная дезинформация со стороны США не может быть никем воспринята всерьез только потому, что первое испытание ядерного оружия Советским Союзом произошло спустя четыре года после окончания Второй Мировой войны, другие уверенно заявляли, что уклон такого рода пропаганды делается на молодежь, на подрастающее поколение. Молодые охотно верят тому, что рассказывают взрослые, влиятельные люди, и тому, что пишут в их учебниках. Проведенные социальные опросы говорят о том, что две трети молодых респондентов убеждены в том, что ядерные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки сбрасывались по приказу руководителя СССР Сталина.

Доказательством того, что данные сведения – ложь, является факт: первое испытание ядерной бомбы в СССР случилось 21 августа 1949 г., а бомбу на Хиросиму и Нагасаки американцы сбросили 4 и 6 августа 1945 г.

Подобные заявления сильно влияют на отношение других стран к Российской Федерации. Запад воспринимает Россию как агрессора, а Япония – как виновника огромного количества жертв.

Существует огромное количество заявлений, искажающих действительность событий Великой Отечественной войны. Это объясняется тем, что некоторые фальсификаторы выполняют политический заказ реваншистских сил с целью принижения роли советского народа в победе над фашизмом. Особенно это касается предыстории второй мировой войны, где историческую правду заменяют ложь и абсурд. Например, Европарламент принял резолюцию, которая фактически ставит на один уровень и гитлеровскую Германию, и Советский Союз, намекая, что СССР является инициатором начала Второй мировой войны.

Необходимо отметить, что фальсификация событий и итогов Великой Отечественной войны всегда была важнейшей чертой современной западной военной историографии и пропаганды. Это объясняется желанием западных стран подорвать чувство собственного достоинства россиян, лишив самого главного, – гордости за свое Отечество, за наши великие свершения и вклад в мировую цивилизацию. Они преследуют цель запутать вопрос о причинах второй мировой и Великой Отечественной войн; оправдать правительства и финансовую олигархию ведущих мировых держав того времени – главных виновников произошедшего; представить в искаженном свете предысторию войн; исказить факты участия СССР в войне с Третьим рейхом, принизить вклад нашей страны в Победу над фашизмом [1].

Ярким примером, характеризующим фальсификацию современной истории России, являются события семилетней давности. 16 марта 2014 г. за присоединение полуострова Крым к территории Российской Федерации на референдуме проголосовали 97 % его жителей. Официальные власти Украины до сих пор не желают признавать результаты народного голосования и заявляют, что он был проведен под дулами автоматов российских военных. Они уверяют, что такого

решения власти Российской Федерации добились путем шантажа, вооруженного устрашения. Западные страны результаты референдума также не признали. Представитель американского внешнеполитического ведомства Дж. Псаки заявляла: «Мы не признаем попытку аннексии Россией и не сделаем этого. Призываем Президента России Владимира Путина прекратить оккупацию Крыма».

Такого рода публичные фальсификации опасны. Люди ограничены в получении информации и верят представителям своей страны. Слово «оккупация» явно неуместно при 97 % голосов «за». Явные, демонстративные искажения фактов порождают в сознании людей неправильное восприятие политической ситуации в мире.

В настоящее время президент США Джо Байден заявил, что власти их страны никогда и ни за что не признают присоединение к России полуострова Крым. Соответствующее заявление он выпустил 26 февраля этого года, в день сопротивления «оккупации» Крыма и Севастополя, который отмечают в Украине 26 февраля. Праздник был введен В. Зеленским, действующим Президентом Украины. По его мнению, возвращение полуострова – часть национальной идеи страны. Свои действия он осуществляет в рамках борьбы против «российской агрессии».

Таким образом, мы можем сделать вывод, что фальсификация истории России в современном мире действительно выступает как проявление информационной войны. «Фальсификация, манипуляция историческими фактами ведет к разобщению стран и народов, к появлению новых разделительных линий, формированию образа врага», – заявил В. В. Путин [4]. Бороться с фальсификаторами истории нашей страны сложно, но необходимо. Нельзя допускать формирования неправильного восприятия основ современного порядка у россиян и жителей иностранных государств.

Список литературы

1. Заварзин В., Иманалиев К. Противостоять попыткам переписать историю можно только аргументированной правдой // Российская газета. URL: https://rg.ru/2020/04/28/protivostoiat-popytkam-perepisat-istoriiu-mozhno-tolko-argumentirovannoj-pravdoj.html.

2. Кикнадзе В. Г., Изонов В. В. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Мифы и реальность: ч. 1 / под ред. В. Б. Зотова, И. И. Басика. М. : Юго-Восток-Сервис, 2010.

3. Криворученко В. К. Борьба с фальсификацией истории на постсоветском пространстве: история или политика? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 4. С. 121–130.

4. Фальсификация истории чревата огромными рисками, заявил Путин // РИА Новости. 2017. 20 апреля. URL: https://ria.ru/20170420/1492658951.html.

Васечко А. А.[1]**,**
заместитель начальника кафедры философии
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

На основе социально-философского, правового, религиозного, исторического анализа в статье проработан вопрос о средствах обеспечения духовно-нравственной безопасности. Обозначенная в статье проблема за истекшее десятилетие стала еще значительнее, чем прежде, а главное, она особо актуальна в контексте принятых в последние годы указов Президента Российской Федерации.

Во второй половине XX в., по окончании Второй мировой войны и разрешении холодной войны, в мире установилась относительно стабильная геополитическая картина. Сформировавшийся миропорядок был формально зафиксирован в ряде международных договоров, выполнение которых контролируется действующими международными организациями, в частности, ООН. Однако стремление к международной интеграции породило ряд процессов, которые послужили причиной нарушения геополитического равновесия, существовавшего на протяжении последних десятилетий. Главными причинами, послужившими изменению геополитической стабильности, стали борьба за ресурсы (начиная от природных и заканчивая человеческими), технологическая революция и информатизация общества, феномен глобализации, постепенная вестернизация и либерализация. Все эти явления в попытках создания однополярного мира сегодня поддерживаются политикой ряда западных стран во главе с США в стремлении к собственной гегемонии: можно говорить о «разбалансировке сил» на международной арене. США отводит себе роль единственной сверхдержавы, которая может и должна устанавливать мировые правила и контролировать жизнь всех на планете [3, с. 125]. Любые попытки сопротивления стран мирового сообщества единовластной роли США встречают агрессию, в том числе военного характера. В ряду других стран, таких как Югославия, Ливия, Ирак, Афганистан, попытавшихся заявить о своей самостоятельности и независимости, Россия, к сожалению, не стала исключением.

Трансформация российского общества, начавшаяся в 90-е гг. XX столетия, была во многом спровоцирована США и стала той движущей силой, которая привела к постепенному подавлению суверенитета России. Сегодня под ударом оказались социально-экономическая, социально-политическая, военная и культурно-историческая сферы. Однако если в военной сфере Россия противостоит диктатору, социально-экономической и социально-политической сферам также, вопреки ожиданиям недоброжелателей, удается выстоять, то культурно-историческая сфера, пожалуй, является на сегодняшний день наиболее уязвимой. История, духовные ценности, традиции сегодня являются сферой растущего интереса различных политических сил. При этом объектом посягательства

[1] © Васечко А. А., 2023.

становится самое ценное, что есть у любого народа – история, духовные начала, лежащие в основе его единства и развития – духовный суверенитет, который является важнейшей частью цивилизационного суверенитета в целом [2, с. 137]. Западные страны во главе с США делают упор не столько на физическое устранение конкурента, сколько на духовное уничтожение с использованием методов информационной и идеологической войны, видя целью поражения общественное и индивидуальное сознание.

Духовно-нравственные ценности занимают в структуре ценностей одно из важных мест. Это не случайно, ведь духовная сила человека и общества определяются, главным образом, их способностью сохранять нравственные ценности в любых социальных условиях, при любых, даже тяжелых испытаниях [1, с. 43]. Уровень защищенности духовно-нравственных ценностей является показателем духовного здоровья общества и фактором стабильности, устойчивости, прогрессивности его развития. Говоря о традиционных духовно-нравственных ценностях как объекте посягательства, необходимо сказать о понятии духовно-нравственной безопасности России и рассмотреть средства ее обеспечения.

В научной литературе выработано определение духовно-нравственной безопасности. В рамках традиционного подхода под духовно-нравственной безопасностью российского общества понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества в духовно-нравственной сфере от внешних и внутренних угроз. Защитная функция системы духовно-нравственной безопасности приводит в действие все возможные механизмы по сохранению фундаментальных ценностей России. Система обеспечения духовно-нравственной безопасности России располагает целым набором защитных средств, под которыми в данной статье понимается совокупность приемов, средств и методов, мероприятий по сохранению и воспитанию традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также выявлению, предупреждению, преодолению отрицательных явлений и негативному воздействию на российское общество. Характер мер, в свою очередь, предопределен спецификой угроз.

Защитная функция предполагает прежде всего наличие государственно-правовых мер защиты, под которыми понимаются охранительные правовые средства, применяемые в случае совершения правонарушения или наступления иных юридических фактов, преследующие цели предупреждения, пресечения, регулирования, восстановления, а также обеспечения безопасности. Государственно-правовые средства защиты традиционных духовно-нравственных ценностей нашли свое воплощение в российском законодательстве – разработаны нормы, определяющие понятие духовно-нравственных ценностей и смежные с ним понятия, их перечень, определены основы государственной политики в сфере сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей, реализации различных государственных программ по поддержке и воспитанию духовно-нравственных ценностей, а также нормы, устанавливающие ответственность за посягательства на духовно-нравственные ценности. Применение таких мер защиты возможно лишь при участии государственных органов.

Сегодня основными юридическими документами по защите духовно-нравственных ценностей являются, во-первых, Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который содержит реальное определение традиционных ценностей и через перечисление дает их перечень. Еще одним юридически значимым документом является Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», являющийся документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты. Данные указы явились своевременным ответом на острую проблему юридического закрепления нравственных категорий. Необходимость государственного вмешательства в сферу морали, этики и нравственности продиктована требованиями национальной безопасности и характером угроз. Судя по тому, что названные указы определяют лишь основные направления государственной политики в сфере защиты духовно-нравственных ценностей, содержат нормы-дефиниции и нормы-принципы, то можно говорить об их идеологическом характере, они выполняют роль идеологического инструмента по защите духовно-нравственных ценностей, что в принципе вполне отвечает характеру угрозы. Существующие сегодня документы стратегического планирования и нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней, регулирующие вопросы патриотического и духовно-нравственного воспитания, требуют внесения в них изменений с целью их унификации с принятыми указами.

Кроме того, участие государства в сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей подкреплено действием и других нормативно-правовых актов. Так, Президентом Дмитрием Медведевым был принят Указ от 15 мая 2009 г. № 549 «О создании комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории».

Однако одних только юридических средств защиты будет явно недостаточно, и они являются не единственным средством, способным обеспечить стабильность в обществе. Обратимся к религиозным средствам защиты. Мир, в котором мы живем, нередко именуется постхристианским и пострелигиозным. За этим термином кроется страшный диагноз духовно-нравственного состояния, в котором оказалось общество многих стран [8, с. 342]. Современное западное общество в стремлении занять лидирующие позиции в области информационных и нанотехнологий существенно искажает фундаментальные категории веры, справедливости, свободы, нравственности, достоинства, честности, патриотизма, семьи и других, являющихся общечеловеческими ценностями, размывая тем самым христианские представления о добре и зле. Сегодня все чаще говорят о том, что западное общество перестало быть обществом постмодерна, теперь это общество киберпанка, где отрицается классическое понимание духовности. Субъект такого общества – киберпанк-герой – противопоставляет и выделяет себя из людской массы. Он характеризуется асоциальностью, отсутствием должных духовных качеств, воспитания и образования. «Ему нет никакого интереса спасать мир, восстанавливать справедливость, открывать людям глаза

и тому подобное, он просто отстаивает свой собственный путь, свой выбор» [4, с. 145]. В этой ситуации единственным действенным способом защиты духовно-нравственных ценностей являются заложенные Богом в человеческую природу нормы морали и религии.

В 1054 г. произошло событие, получившее в истории название Великий раскол, после чего западные христиане стали именоваться католиками, а восточные – православными. И это не единственный случай, когда церковь в буквальном смысле разрывалась. Но один из самых страшных расколов происходит в XXI в. на наших глазах. Это объясняется тем, что в основе раскола православной церкви сегодня лежат не религиозные каноны, а политические заявления.

Так, в 2019 г. по инициативе Президента Украины Петра Порошенко и по решению Синода Константинопольского Патриарха была учреждена новая религиозная организация Украины – православная церковь Украины, основной задачей которой стало объединение всех православных конфессий в стране, за исключением канонической Украинской православной церкви. Цель создания такой религиозной организации, по словам профессора церковного права юридического факультета Аристотелевского университета в Салониках К. Кириазопулоса, – ослабление Московского Патриархата, а также создание союза между папистами и православными с подчинением папе. «Это структура будет действовать на основе одной-единственной политики – папской» [5]. Похоже, что националистические власти позабыли о единой вере и общих религиозных ценностях, которые некогда выступали объединяющей силой.

Тем временем в упомянутом ранее Указе Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в п. 6 религия признается неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, а особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию. В подобной ситуации необходимо вспомнить об особой ключевой миссионерской роли Руси. Идея «Москва – Третий Рим», сформулированная монахом Филофеем в XVI в. предполагает, что именно Российское государство является истинным христианским духовным царством. И сегодня в период духовного упадка общества роль Русской православной церкви состоит в том, чтобы терпеливо нести веру тем народам, которые о ней забыли. Не это ли является самым действенным средством защиты общечеловеческих духовно-нравственных ценностей.

Еще одной действенной группой средств защиты российских традиционных духовно-нравственных ценностей и необходимым условием сохранения национальной идентичности России являются историческое сознание и историческая память. Под историческим сознанием традиционно понимается совокупность представлений, присущих обществу в целом и составляющим его социальным группам в отдельности, о своем прошлом и о прошлом всего человечества. «Восприятие и переживание прошлого в процессе социальной рефлексии во многом формирует смыслообразующие ценности, направляющие вектор развития общества в целом» [6, с. 95]. Согласно данному высказыванию, историческое сознание, с одной стороны, является источником традиций, обычаев, ду-

ховно-нравственных ценностей, но в то же время и средством их защиты. Являясь мощной объединяющей силой, историческое сознание позволяет интегрировать свои собственные индивидуальные ценности в общее ценностное поле. Историческое сознание позволяет нам, во-первых, осознать и понять, кто мы и откуда, во-вторых, выделить основы нашей цивилизации на разных этапах ее развития, в-третьих, сформулировать те ценности, которые мы готовы оберегать. Историческое сознание формируется на основе исторических событий и исторических фактов [2, с. 139]. Именно исторические факты являются объектом многочисленных спекуляций. «Попытки исторической фальсификации (а точнее – идеологической диверсии) становятся все более жесткими, злыми, агрессивными» [7, с. 120]. Понятие исторического сознания тесно связано с понятием исторической памяти. В этом контексте историческая память является действенным защитным средством. Для сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей необходимо бережно относиться к исторической правде.

Еще одним направлением, где выработаны защитные меры, является культурно-просветительская сфера. Культурно-просветительская работа проводится совместными усилиями государственных органов, политиков, социологов, историков, философов и педагогов с целью повышения уровня современной культуры и образования, прежде всего, гуманитарного. Вопрос российского гуманитарного образования сегодня – это не столько вопрос престижа, сколько вопрос самовыживания [9, с. 235].

Главной проблемой современного российского гуманитарного образования становится отсутствие интереса к такому образованию [9, с. 265]. Хочется надеяться, что возникшая потребность в гуманизации общества приведет к возрождению российского гуманитарного образования.

В заключение можно сделать вывод, что защищать духовно-нравственные ценности необходимо на всех уровнях: государственно-правовом, религиозном, историческом, культурно-просветительском. Положительный результат возможен только в условиях комплексного подхода.

Список литературы

1. Бояк Т. Н. Содержание понятия «духовно-нравственные ценности» // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 14-1. С. 42–45.

2. Васечко А. А. Историческое сознание как необходимое условие сохранения национальной идентичности России // Идеологические координаты России: философские, исторические и государственно-правовые вопросы. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. С. 137–140.

3. Грищенко Л. Л. Современные угрозы национальной безопасности России // Академическая мысль. № 4 (21). 2022. С. 124–129.

4. Зезюлько А. В. Киберпанк как феномен духовной жизни // Научная мысль Кавказа. 2012. № 4. С. 144–147.

5. Кириазопулос К. Украинский эксперимент Ватикана и Фанара как этап объединения Православия с папизмом // Православие.Ru. URL: https://pravoslavie.ru/128136.html.

6. Пичугин В. Г. Аксиологические аспекты исторического сознания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. № 11. С. 94–101.

7. Пылев С. С. Традиции и новации духовно-нравственного и патриотического воспитания полицейского XXI века // Философские исследования и современность. Вып. 9. 2020. С. 120–134.

8. Чугунов А. М. К вопросу о формировании системы ценностей сотрудника ОВД // Философские исследования и современность. Вып. 5. 2016. С. 342–346.

9. Цивилизационный суверенитет России: глобальные угрозы и стратегические перспективы : материалы Всероссийского круглого стола / [С. Р. Аблеев и др.] // Философские исследования и современность. Вып. 7. 2018. С. 223–244.

Галанина Н. В.[1]***,***
доцент кафедры философии
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат философских наук

ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ В МИРОВОЗЗРЕНИИ РОССИЯН

Рассматривая человеческую жизнь в социальном пространстве, можно разглядеть не только индивидуальные стремления индивида, но и его включенность в коллективное, родовое поле. К. Г. Юнг, говоря о коллективном бессознательном, выделял бездонный пласт самости, которая самоотождествляется со всем человечеством. Гегель также писал о том, что личность – это тот индивид, который понимает себя как существо вечное, бесконечное и свободное. Каждый из нас так или иначе ощущает свое единение с целым сообществом, народом, нацией и т. д. Никому не хочется жить только в ограниченной среде эго, это не свойственно нашему виду, который является социальным по своей природе. Мы сознательно и бессознательно стремимся найти общие для социума программы, способные нас объединить и направить на путь всечеловеческого, для начала хотя бы всенационального единства.

Стремление только к личному благу не делает никого из людей по-настоящему счастливым. Только человек с больной психикой равнодушен к боли и нуждам окружающих его людей [5]. Идеология является внешней, выработанной государственной политической системой программой для объединения нации. При этом, если мы хотим, чтобы та или иная идеологическая программа заработала, она должна находить отклик в глубинных, родовых, бессознательных пластах психики, иначе народ не сплотится. Россия является правовым демократическим государством, почему же у нас в менталитете с трудом приживается идея о том, что право является фундаментальной ценностью, способной объединить индивидуальные стремления на всеобщее благо в рамках России? Почему же наши граждане, с трудом осваивают правовое пространство и правовую идеологию?

Мы с распадом СССР давно стоим перед непониманием того, кто мы есть и какова наша судьба. Спор славянофилов и западников актуален в нашей стране и по сей день. Сейчас время и события быстро вносят коррективы, и долго думать для нас, по какому политическому пути пойти, – смертельно и опасно для выживания как страны, так и народа.

У нас давно уже существует равнодушие к политическим идеям и идейному политическому творчеству. Нас приучили, что это удел избранных и немногих. Пожалуй, самая последняя великая идея, которая хоть и была утопической, но все же могла вдохновлять несколько поколений наших людей на трудовые и боевые подвиги, объединяла наш народ, была связана с построением коммунизма. Мы наблюдаем, что сейчас попытки реанимировать дух советских времен выглядят плакатно, фельетонно не современно. Разложение старых идей

[1] © Галанина Н. В., 2023.

в полуравнодушной массе – ядовито. Сейчас политические идеи в нашей стране большинство граждан воспринимает как потустороннюю реальность, не связанную с повседневной и практической жизнью человека. Свобода в идейном политическом творчестве у нас всегда находится под подозрением как со стороны официальной государственной идеологии, так и со стороны граждан-обывателей. Н. А. Бердяев отмечал, что в России никогда не было творческой избыточности, любили у нас лишь катехизисы, которые легко и просто применялись ко всякому случаю жизни [1, с. 80].

Наша исключительно русская идея о всеобщем спасении и жертвенности работает в критических ситуациях войн, революций, пожаров и т. д., но в повседневной жизни нужна свободная, творческая политическая мысль, способная найти отклик и значение для каждого индивида в государстве [2]. Творческая политическая мысль, которая динамична и способна быстро и эффективно решать задачи, связанные с государством и гражданским обществом.

Равнодушие русских людей к политической мысли и идеям глубинно связано с нашей российской ментальностью. Возможно, на это повлияли бескрайние просторы России, которые способствовали удаленности многих сограждан от политического центра, да и от государственности как таковой. До Бога высоко, а до царя далеко – данная пословица актуальна и по сей день. В основном лишь граждане двух исторических столиц (Москвы и Петербурга) являются носителями и устроителями правовой и государственной мысли и деятельности.

Возможно, крайняя централизация власти, жесткость и волюнтаризм государственного управления тоже повлияли на низкую степень самоопределения российских граждан, на их нежелание и страх участвовать в самоуправлении. Инициатива в России исторически давно уже была наказуема. Гражданские общественные организации имеют больше номинальный характер или образуются посредством и по воле государственных органов управления. Инициатива снизу – явление на русской почве редкое как в идейном, так и в практическом содержании.

Еще один фактор равнодушия к политическим идеям – это поиск русской правды, а не истины. «Русский человек ищет правду, которую мыслит то религиозно, то морально, то социально [1, с. 81]», – пишет Н. А. Бердяев. В этом есть некая самобытность и русская духовная традиция, но есть и опасность перед безоговорочным приятием народной мудрости. А в современных реалиях каждый уже должен научиться брать и нести личностную ответственность за государственные и правовые идеи, иначе будут снова причитания по поводу того, что от нас ничего не зависит.

О великой ответственности и дерзновении личного духа, без которого не может осуществляться развитие народного духа, писали П. Я. Чаадаев, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев. Вся же наша традиционная мысль, включая славянофилов, народников, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, искала спасения и смысл в стихийной народной мудрости, что так же сильно повлияло на русский аполитический менталитет, где сердце преобладало над умом и волей [4].

Роль личности в истории, государстве и политике в России никогда не ставилась во внимание, если только эта личность не царь, первый секретарь или

президент. Личностью пренебрегали и не дорожили, личность в русской моральной и правовой традиции затиралась и попиралась. А быть реальным субъектом истории, государства и права может только личность свободная от страха и произвола. Наша личностная мысль осталась закрепощенной, общинной, служебной. Страх перед самостоятельным мышлением в сфере правотворчества привел широкий круг русской интеллигенции к идейной бедности и отсталости. Идеи по поводу правовой идеологии, которые многим еще кажутся передовыми, в сущности очень отсталые идеи, не стоящие на высоте мировой современной мысли. Сторонники научного мировоззрения отстали от науки на полстолетия.

Далее, в связи с проблемой равнодушия русских в сфере правовой идеологии, необходимо упомянуть, что долгое время, начиная с 1990-х гг., стали насаждаться исключительно в позитивном ключе идеи Запада: меркантилизм, утилитаризм, прагматизм и гедонизм стали считаться нормой в жизни среднестатистического обывателя. Универсализм в культуре, индивидуальные желания быстрого обогащения и достижения максимального личного комфорта привели к равнодушию широких масс населения нашей страны к идеям и ценностям высшего общественного порядка. Наша гуманитарная интеллигенция осталась без поддержки, ее уже не слушали и пренебрегали ею, считали, что она выродилась и живет своими малопонятными народу идеями. Идеи правовой идеологии остались в кругу немногих, не стало спроса на них, не было заказа на русское идейное творчество, обходились остатками старых идей. Со стороны же народа было равнодушие к правовой идеологии, все занимались решением личных или семейных задач, которых, надо отдать должное, было у наших людей много [3].

Сейчас, в нелегкое для нашей страны время, вскрылась болезненность духовного состояния в сфере правовой идеологии нашего общества. Требуется все большее напряжение как материальных, так и духовных сил. Мы подошли к мировому противостоянию с запасом западных же идей и смыслов. Люди находятся сейчас в идейном смятении и страхе перед ликом исторической судьбы своего и не только своего народа. Все сдвинулось в мировом и российском сообществе с обычных мест, требуется совершенно новая творческая работа мысли, новое идейное воодушевление. Сейчас мы расплачиваемся за долгий период равнодушия к правовой идеологии. Русский народ должен иметь свои идеи, объединяющие нас в единство, благодаря которому мы, к сожалению, не все выжили и выживем. Мы должны не только государственно и общественно перестроиться, но вырасти духовно и идейно. Идейную отсталость мысли и равнодушие к политической идеологии необходимо заменить новым гражданским воодушевлением и идейным подъемом, ведь мы знаем, что в глубинах русского менталитета скрыты великие возможности, таланты и духовность.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Россия и новая мировая эпоха. М. : Эксмо, 2017.

2. Галанина Н. В., Золкин А. Л. Национальная культура как основа права в доктрине русского консерватизма и формирование современной цивилизаци-

онной концепции развития общества // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 15–18.

3. Массовое сознание в системе взаимодействия власти и общества / под ред. С. Р. Аблеева, П. П. Марченя (отв. ред.). М. : Соционет, 2017.

4. Треушников И. А. Правовые аспекты проблемы «Запад – Восток» в философии всеединства // Философия права. 2009. № 2 (33). С. 17.

5. Чернова И. Б., Галанина Н. В. Понимание социального субъекта в истории философии // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 11. № 5. С. 73–84.

Ермаков Е. Г.[1]*,*
доцент кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ОСВЕЩЕНИЯ В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ВУЗОВ РОЛИ НКВД СССР В ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Приближается очередная годовщина Великой Победы нашего народа. Как обычно, в преддверии праздника активизируются те, кто пытается его очернить.

Помимо уже привычных нам мифов про то, что мы победили фашистов только потому, что их «трупами забросали», про «генерала-мороза», про «одну винтовку на двоих», про «заградотряды, расстреливавшие своих» и т. д., в последние годы активно распространяется относительно новый черный миф – о злобных и жестоких советских партизанах и их безжалостных кураторах из НКВД СССР.

В свете этих событий возникает вопрос: что могут противопоставить учебники и учебные пособия по истории России подобным фальсификаторам и очернителям партизанского движения и НКВД в годы Великой Отечественной войны?

Удивительно, но единственным изданием, к которому в части, касающейся партизанского движения и роли органов НКВД в его организации, нет значительных претензий, является работа Е. Ю. Спицына «Россия – Советский Союз. 1917–1945 гг.» [11]. В ней подробно рассказывается о партизанском движении на занятой врагами территории, обосновывается его выдающаяся роль в годы Великой Отечественной войны, не замалчивается значение вклада НКВД в организацию партизанского движения, говорится об Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР и многом другом.

Положительной оценки заслуживает учебник В. В. Рыбникова и Г. М. Ипполитова «Отечественная история. От Древней Руси до XXI века», в котором партизанское движение подробно освещено, приводятся разнообразные факты, позволяющие говорить о значительной роли партизан в Победе. При этом, к сожалению, роль НКВД СССР в должной мере не отражена, хотя книга имеет отдельную главу, посвященную правоохранительным органам [9].

Одним из немногих изданий, где после достаточно подробного рассказа о народном сопротивлении на оккупированной территории прямо указано, что «партизанское движение и подполье стали одним из существенных факторов Победы», является учебное пособие А. П. Деревянко, Н. А. Шабельниковой и А. В. Усова «История Россия с древнейших времен до наших дней» [1]. К сожалению, и в нем ничего не говорится о роли НКВД в организации и руководстве партизанским и подпольным движением.

В учебнике А. С. Орлова, А. Ю. Полунова и Ю. Я. Терещенко «Основы курса истории России» авторы подробно и в целом объективно рассказывают

[1] © Ермаков Е. Г., 2023.

о партизанском движении [8]. При этом говорится о том, что на начальном этапе оно носило стихийный характер, хотя тут же упоминается, что одним из первых соединений был отряд председателя горсовета г. Путивля С. А. Ковпака, условия для деятельности которого создавались еще до начала войны. Как и в большинстве других учебных изданий в данном учебнике не отражена роль партийных органов и НКВД.

К сожалению, в подавляющем большинстве учебников и учебных пособий по истории России информации о роли НКВД СССР в организации партизанского движения не говорится вообще ничего! В значительной части учебной литературы для вузов представленные сведения не дают полного представления о партизанском движении, его целях, формах борьбы, состава отрядов, об участии коммунистической партии, военной разведки и особенно органов НКВД в его организации и многом другом [7; 10]. При этом иногда авторы вузовской учебной литературы некритически относятся к роли коллаборационистов, активно использовавшихся оккупантами в борьбе с партизанами [12].

Некоторые работы очень удивляют. Например, в учебном пособии Д. О. Чуракова «Новейшая история Отечества: Курс лекций: Часть II: Великая Отечественная война. 1941–1945 годы» [13] освещаются ключевые вопросы Великой Отечественной войны советского народа с немецко-фашистскими агрессорами, однако о партизанах в тексте имеется лишь одно упоминание (при раскрытии «Директивы о мобилизации» от 29 июня 1941 г. о необходимости разжигания во вражеском тылу партизанской войны) и один документ в приложении: «Записка В. Репина И. Сталину о партизанском движении» от 27 сентября 1941 г. (предложения по организации партизанского движения с кратким его анализом). Представляется, что для пособия по Великой Отечественной войне информации о партизанах, сыгравших огромную роль в этой войне, здесь крайне мало.

Особо следует остановиться на учебниках, которые игнорируют историю партизанского движения в годы войны.

Авторский коллектив учебного пособия под редакцией А. Х. Даудова «История Россия с древнейших времен до наших дней» посвятил Великой Отечественной войне одну главу, в которой партизаны вообще не упоминаются [4].

В аннотации к учебному пособию Б. Ю. Кагарлицкого и В. Н. Сергеева «История России. Миросистемный анализ» указано, что «авторы не просто описывают факты, а раскрывают причинно-следственные связи и помещают отечественные события в контекст мировой истории» [5]. Удивительно, но Великой Отечественной войне, включая партизанское движение, совершенно не нашлось места на страницах данного издания. Вот такой контекст мировой истории.

Совершенно тягостное впечатление оставляет учебник В. В. Касьянова, П. С. Самыгина, В. Н. Шевелева и С. И. Самыгина «История для бакалавров»: набор примитивных перестроечных штампов – «некомпетентность» командиров, «жестокие» заградотряды и т. д. Об НКВД ровно одно предложение: «по некоторым данным» (конечно, что это за «данные», авторы умалчивают – *Е. Е.*) генерал Кирпонос был застрелен приставленным к нему сотрудником НКВД, когда возникла угроза его пленения, о партизанах – ни единого упоминания [2, с. 371].

Следует отметить, что в вузах системы МВД пробелы в освещении роли НКВД СССР в организации партизанского движения в годы Великой Отечественной войны в значительной мере восполняются занятиями в рамках курса «Истории органов внутренних дел», преподаваемого для курсантов, обучающимся по всем преподаваемым специальностям, юридическим и неюридическим. В стенах вузов МВД курсанты узнают о том, что главную роль в организации партизанского движения, в формировании партизанских сил в тылу врага в первый год войны сыграл НКВД СССР [6, с. 143], о том, что первым в стране медаль «Партизану Великой Отечественной войны» I степени получил Е. И. Осипенко, руководивший до войны Сухиничским отделением милиции, и многом другом, не менее важном для патриотического воспитания учащейся молодежи.

В свете вышеизложенного представляется, что проблема освещения роли НКВД в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны в учебной литературе по истории России для вузов является в настоящее время крайне актуальной. Умалчивая о вкладе НКВД СССР в создание, становление и развитие партизанского движения, представляя предельно ограниченную информацию об этом, мы имеем дело с неверной, полной пробелов картиной нашей истории.

Список литературы

1. Деревянко А. П., Шабельникова Н. А., Усов А. В. История Россия с древнейших времен до наших дней : учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020.

2. История для бакалавров : учебник / [В. В. Касьянов и др.]. Ростов н/Д : Феникс, 2017.

3. История России : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / [А. С. Орлов и др.]. М. : Проспект, 2019.

4. История России с древнейших времен до наших дней : учебное пособие. 2-е изд., испр. / [А. Х. Даудов и др.] ; под ред. А. Х. Даудова. СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2019.

5. Кагарлицкий Б. Ю., Сергеев В. Н. История России. Миросистемный анализ : учебное пособие. М. : Ленанд, 2018.

6. Климов А. Ю., Потемкин И. А., Сальников А. С. Роль НКВД СССР в партизанском движении и подпольной работе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов : монография. М. : ДГСК МВД России, 2021.

7. Королев А. А., Алексеев С. В., Васильев Ю. А. Отечественная история с древнейших времен до наших дней : курс лекций. М. : Московский гуманитарный университет, 2012.

8. Орлов А. С., Полунов А. Ю., Терещенко Ю. Я. Основы курса истории России : учебник. 2-е изд. перераб. и доп., М. : Проспект, 2019.

9. Рыбников В. В., Ипполитов Г. М. Отечественная история. От Древней Руси до XXI века. М. : Щит-М, 2012.

10. Семин В. П. История России : учебник. 3-е изд. М. : КНОРУС, 2019.

11. Спицын Е. Ю. Россия – Советский Союз. 1917–1945 гг.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. III кн. М. : Концептуал, 2019.

12. Фортунатов В. В. История : учебное пособие. Стандарт третьего поколения. Для бакалавров. СПб. : Питер, 2019.

13. Чураков Д. О. Новейшая история Отечества : курс лекций: Ч. II: Великая Отечественная война. 1941–1945 годы : учебное пособие по дисциплине «Новейшая отечественная история». М. : Московский педагогический государственный университет, 2014.

Жуланов А. В.[1]*,*
доцент кафедры теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат педагогических наук

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ИСТОРИИ РОССИИ

Вопрос фальсификации истории сегодня очень актуален. Если еще в 2020 г. поднимался вопрос сохранения исторической памяти, относящейся к Великой отечественной войне, государственным праздникам, имеющим глубокие исторические корни, то сейчас многие историки и правоведы говорят о проблеме оправдания и реабилитации нацизма, что недопустимо не только с точки зрения уважения и дани памяти воинов, отдавших свои жизни в борьбе с данным общественным явлением, но и с позиции общечеловеческих ценностей, совершенно не совпадающей с данной идеологией, которую сегодня пытаются возродить на Украине, в Прибалтике и др.

В связи с этим поднимается вопрос внесения изменений в действующее законодательство с целью привлечения к ответственности за попытки исказить исторические события в ущерб нашей стране [1, с. 101–105].

К сожалению, когда Советский Союз в одиночку боролся с немецко-фашистскими захватчиками, найти союзников было очень сложно. Англия и Америка выжидали, когда Германия и СССР уничтожат друг друга. При этом историки отмечают, что, если бы второй фронт был открыт в 1943 г., кровопролитие было бы менее масштабным, разрушения не несли бы таких пагубных последствий.

В 1943 г. военное производство только Соединенных Штатов в 1,5 раза превышало военное производство Третьего рейха, Италии и Японии вместе взятых. Штаты только в 1943 г. произвели около 86 тыс. самолетов, около 30 тыс. танков и 16,7 тыс. орудий. Англия также наращивала военное производство. Великобритания вместе с доминионами имела в своих вооруженных силах 4,4 млн человек (не считая 480 тыс. человек колониальных войск и войск доминионов, которые были заняты внутренней обороной). Армия и флот США в конце 1943 г. насчитывали 10,1 млн человек. При этом союзники имели огромный флот и построили большое количество транспортов для перевозки войск, оружия и техники. Только в 1943 г. американцы построили 17 тыс. десантных кораблей, судов и барж [5].

Однако когда исход войны был практически предрешен, когда во второй половине 1943 г. стало понятно, что в случае победы СССР будет полностью перераспределены сферы влияния в Европе, 6 июня 1944 г. союзники Советского Союза по антигитлеровской коалиции наконец-то открыли долгожданный второй фронт.

Многие историки отмечают, что такое запоздалое открытие второго фронта по сути уже было и не нужно, поскольку Красная Армия уверенно и победо-

[1] © Жуланов А. В., 2023.

носно продвигалась вглубь Европы. Конечно же, 1,5 млн человек, сосредоточенных в Нормандии оказали существенную помощь РККА, однако сегодня данная военная операция преподносится как в США, так и в странах Европы как освободительная миссия именно этих стран, а роль миллионов советских солдат бессовестно замалчивается и игнорируется.

Практически такая же ситуация происходит и в бывших союзных республиках: Украине, Латвии, Литве, Эстонии. Прихвостни фашистов: бандеровцы, ОУН, РОА, дивизии СС в Прибалтике – сегодня национальные герои. Политика этих государств ведется таким образом, что история умышленно переписывается, исторические факты фальсифицируются, произошедшие события трактуются вразрез исторической истине.

Безусловно, нельзя закрывать глаза и на то, что советская идеология в свое время активно вмешивалась во все сферы жизни общества, иметь собственное мнение было опасно для жизни. Однако, в стране активно строился социализм и коммунизм, и все мероприятия были направлены на улучшение жизни граждан в стране, на повышение ее международного авторитета.

Однако не стоит путать явную фальсификацию с исторически спорными аспектами. Допустима личная позиция автора относительно того или иного общественного явления, однако выборочное цитирование и манипуляции с источниками с целью создания искаженного образа исторической реальности недопустимо [2, с. 37].

Сегодня в законодательстве Российской Федерации предусмотрена юридическая ответственность за фальсификацию исторической истины, в 1995 г. был принят Федеральный закон «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [7], запрещающий использование и демонстрацию фашистской символики. Ст. 20.3 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за данные деяния в виде наложения штрафа на нарушителей [3]. В 2020 г. в Конституцию Российской Федерации были внесены поправки, суть которых состоит в недопустимости умаления подвига народа в борьбе захватчиками и по защите Отечества [4].

Статья 354.1 УК РФ с изменениями, вступившими в силу 5 апреля 2021 г., предусматривает ответственность за разнообразные формы реабилитации нацизма в виде штрафа (его размер доходит до 3 млн руб.), либо принудительных работ на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо лишения свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. Если деяние совершается группой лиц или должностным лицом – размер штрафа исчисляется от двух до пяти млн руб., либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет [6].

Отметим, что к уголовной ответственности не могут быть привлечены юридические лица, средства массовой информации, допустившие размещение незаконной информации. Считаем, что данный вопрос должен быть дополнительно проработан.

Список литературы

1. Бредихин А. Л. Правовая регламентация борьбы с фальсификацией истории России // Экономика. Социология. Право. 2020. № 4 (20). С. 101–105.

2. Вяземский Е. Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С. 28–43.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (от 28.02.2023 № 48-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595.

5. Самсонов А. Открытие второго фронта. Почему хозяева Запада выжидали // Военное обозрение. История. URL: https://topwar.ru/158706-hozjaeva-zapada-vyzhidali-kogda-proizojdet-vzaimnoe-unichtozhenie-germanii-i-sssr.html.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

7. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // Российская газета. 1995. № 99.

Журов А. Н.[1]**,**
доцент кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕСТРУКТИВНОМУ ВЛИЯНИЮ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ СО СТОРОНЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В.

В процессе европеизации российской жизни, активно начавшейся с преобразований Петра I, в отечественную общественную жизнь все больше начинают проникать философские и политические учения, получившие широкое распространение в Европе в XVIII – начале XIX вв. Помимо вполне безобидных и даже прогрессивных идей и течений, попадали в страну и такие взгляды, которые шли вразрез с устоявшимися в России идеологическими воззрениями, традициями, ценностями. И прежде всего – с православием. Наибольшее распространение такие идеи приобретают в среде европеизированного российского дворянства.

В этом отношении очень характерен пример масонства. Как считается, масонство появилось в России еще при Петре I. В период правления Анны Иоанновны в стране создаются первые масонские ложи. Несмотря на их официальное закрытие при Екатерине II в 1783 г. из-за роста их влияния среди аристократии и подозрений в неблагонадежности, практически вплоть до 1822 г. масоны в России чувствовали себя достаточно вольготно.

Многие представители известных аристократических родов, государственные деятели, представители культуры были членами масонских организаций в конце XVIII – начале XIX вв. Так, в частности, в принадлежности к иллюминатам подозревался крупный российский реформатор М. М. Сперанский, которому впоследствии будет предъявлено обвинение в связях с Наполеоном и государственной измене, что приедет к его отставке и ссылке.

И это несмотря на то, что масонские воззрения серьезно расходились как с официальной идеологией, так и с православными традициями общественной жизни России. Как замечал исследователь масонства В. И. Сахаров, основополагающие идеи масонства выражались в том, что «самодержцы, верховные правители, жрецы, священники любой церкви – всего лишь узурпаторы, которые преступно посягнули на общую для всех людей политическую и духовную свободу... Любое национальное государство с масонской точки зрения является незаконным образованием, посягающим на целостность мира» [5, с. 149].

Деструктивный характер идеологии масонов выразился и в их попытках «реформирования» отечественного православия. По утверждению В. С. Брачева, «М. М. Сперанский действительно пытался преобразовать нашу православную Церковь на масонский лад, и первым шагом в этом направлении должно было стать широкое привлечение православных священников в масонские ложи... [1, с. 234–235]. Особенно опасной деятельность масонских организаций стано-

[1] © Журов А. Н., 2023.

вится в начале XIX в., в период обострения отношений с наполеоновской Францией. Зачастую действуя в интересах нашего противника, масоны подрывали основы отечественной государственности. Недаром их деятельность стала не менее опасной, чем шпионаж. Следует согласиться с мнением, что «в кризисные периоды русской истории масонство в целом выступало как прозападная политическая сила, направленная против национальных интересов России» [4, с. 2].

Несмотря на достаточно лояльное отношения к масонам со стороны Александра I на первом этапе его правления, задача контроля и в необходимых случаях противодействия масонству в России все же была поставлена перед отечественными правоохранительными органами. По сути это было отнесено к вопросам государственной безопасности.

С образованием в 1802 г. Министерства внутренних дел Российской империи «политические» дела, в том числе касающиеся масонства, передаются этому ведомству, чья вторая экспедиция («спокойствия и благочиния») осуществляла политическую цензуру и сыск.

Однако, 5 сентября 1805 г. было принято решение о создании еще одной структуры в сфере борьбы с политическими преступлениями, которой стал «Комитет для совещания по делам, относящимся к высшей полиции». Иначе он назывался еще Комитетом высшей полиции. В нем заседали министр внутренних дел В. П. Кочубей, министр юстиции П. В. Лопухин, военный министр С. К. Вязмитинов. Деятельность Комитета была направлена на «сохранение общественного спокойствия и тишины». Однако, у Комитета не было своей канцелярии, собирался он крайне нерегулярно, поэтому опыт его работы можно признать неудачным.

13 января 1807 г. создается еще один орган, призванный обеспечивать государственную безопасность и бороться с деструктивными идеологическим и политическими влияниями, – «Комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия», или иначе «Комитет общей безопасности». Причина образования этого ведомства заключалась в усилении международной напряженности и военной угрозы со стороны наполеоновской Франции, которая была заинтересована в подрыве государственной безопасности России как своего противника и конкурента. В документе прямо указывалось, что новый орган должен осуществлять пресечение «...замыслов внешних врагов государства через зловредные переписки, подсматривания (шпионство) и разглашения» [3]. Помимо императорского указа о создании комитета, его деятельность регламентировалась и секретной инструкцией, составленной Н. Н. Новосильцевым. Масонские ложи попадают в сферу интересов этого ведомства как потенциальные шпионы и пособники врага.

Состав нового ведомства был шире, чем предыдущего органа: кроме ключевых министров, в него вошли также тайные советники сенаторы А. С. Макаров и Н. Н. Новосильцев, принимали участие в его деятельности также А. Д. Балашов, А. А. Аракчеев, Н. И. Салтыков. Заседания Комитета происходило преимущественно один раз в неделю. Появление в Комитете общей безопасности бывшего еще при Павле I начальником Тайной экспедиции Сената А. С. Мака-

рова свидетельствует об определенной преемственности в деятельности отечественных органов, направленных на борьбу с политическими преступлениями.

При Комитете общей безопасности была создана Особенная канцелярия в составе двадцати трех сотрудников, которая осуществляла следственные мероприятия по государственным преступлениям. Было отмечено: «...при самом открытии злого намерения и измены сохранить строжайший порядок и благоразумную осторожность в производстве следствия по сему роду дел, где малейшая погрешность обратиться может или к притеснению невинности, или к закрытию преступления...» [3].

Общая полиция на местах имела право проводить предварительное дознание по данной категории дел с дальнейшей передачей материалов в Комитет для принятия по ним соответствующего решения. Как показывают архивные материалы, львиная доля рассмотренных Комитетом общей безопасности дел касались разоблачения французских шпионов, распространением порочащих власти слухов и пасквилей.

Комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия, действовал до начала 1829 г., однако создание в 1811 г. Министерства полиции Российской империи, которое получило функции политического сыска, снизило интенсивность и эффективность деятельности Комитета.

Орган особой секретной полиции действовал и во второй столице России – Москве. Это было обусловлено не только стратегическим положением города, но и традицией старой аристократии, несколько оппозиционно настроенной власти, переселяться в Москву. Секретная экспедиция при московском оберполицмейстере состояла из 27 сотрудников. «Долг сего таинственного отделения полиции, – указывалось в секретном предписании московскому оберполицмейстеру от 8 января 1807 г., – главней состоять будет в том, чтоб получать и ежедневно доносить вам все распространяющиеся в народе слухи, молвы, вольнодумства, нерасположение и ропот, проникать в секретные сходбища... Допустить к сему делу людей разного состояния и различных наций, но сколько возможно благонадежнейших, обязывая их при вступлении в должность строжайшими, значимость гражданской и духовной присяги имеющими реверсами о беспристрастном донесении самой истины и охранения в высочайшей степени тайны... Они должны будут, одеваясь по приличию и надобностям, находиться во всех стечениях народных между крестьян и господских слуг; в питейных и кофейных домах, трактирах, клубах, на рынках, на горах, на гуляньях, на картечных играх, где и сами играть могут, также между читающими газеты – словом, везде, где примечания делать, поступки видеть, слушать, выведывать и в образ мыслей проникать возможно» [4, с. 58]. В соответствии с данным документом, российская секретная полиция начала использовать такой способ расследования политических преступлений, как провокация. Хотя широкое использование этого способа относится больше ко второй половине XIX – началу XX в.

Наличие нескольких разнородных комитетов и иных структур, занимающихся обеспечением государственной безопасности и борьбой с политически-

ми преступлениями, отнюдь, не способствовало совершенствованию этой деятельности. А насущная потребность в укреплении внутренней безопасности страны была – надвигалась война с Францией, и на первое место выходила борьба со шпионажем. В конечном итоге в ходе очередной административной реформы в Российской империи было образовано Министерство полиции, которое стало курировать все вопросы внутренней безопасности, организовывало и осуществляло борьбу с политическими преступлениями.

В конце концов Указом от 1 августа 1822 г. деятельность масонских организаций в Российской империи была запрещена. Вступив на престол, новый император Николай I в 1826 г. своим указом подтвердил категорический запрет масонства в нашей стране.

Список литературы

1. Брачев В. С. Масоны и власть в России. М. : Эксмо, 2003.

2. Ермаков В. А., Андросов А. А. Исторические этапы формирования «масонского заговора» в России второй половины XVIII – начала XX вв. // Интерактивная наука. 2013. № 13. С. 22–34.

3. Именной указ, данный Сенату «Об учреждении особого Комитета для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия» от 13 января 1807 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXIX. № 22425.

4. Колпакиди А., Север А. Спецслужбы Российской империи. М. : Эксмо, 2010.

5. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. / под ред. В. И. Сахарова. М. : Эдиториал УРСС, 2000.

Золкин А. Л.[1]*,*
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
доктор философских наук, доцент

ПАТРИОТИЗМ И КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

У российского патриотизма есть глубокие исторические и духовные корни. Но они слишком запутаны: патриотизм Российской империи, затем Советского Союза, постсоветское понимание патриотизма. Задача сегодняшнего дня – рефлексивное осмысление этих ментально-социальных моделей патриотизма с целью преодоления ситуации неопределенности в построении культурной идентичности, вызванной кризисными явлениями как последних лет, так и конкретно событиями 2022 г.

Проблема этого кризиса проявляется прежде всего в обнаружении противоречий социокультурного развития человечества тектонического масштаба – самоопределение цивилизаций как субъектов многополярного мира, борьба с неоколониальным доминированием западного мира. Результатом этого процесса должна стать выработка культурной идентичности цивилизационного типа с соответствующим пониманием патриотизма.

Процесс этот сложен и не может сводиться лишь к формально-логическим дефинициям патриотизма и культурной идентичности. Основными видами отношения сознания к миру являются познавательное, ценностное и практическое. Соответственно и в осознании культурной идентичности можно выделить познавательные, ценностные и волевые элементы, из которых и складывается как индивидуальное, так и общественное сознание. Своеобразным комплексным образованием, включающим в свой состав и культурную идентичность, и патриотическое сознание, является национальная ментальность (менталитет).

Патриотизм – неотъемлемая часть российской культуры и идентичности на протяжении различных периодов ее развития. У российского патриотизма есть глубокие исторические и духовные корни. Эту мысль в свое время выразил И. А. Ильин: «В основе патриотизма лежит акт духовного самоопределения. Патриотизм может жить и будет жить лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, которая живым опытом испытала объективность и безусловное достоинство этого священного – и узнала его в святынях своего народа» [2, с. 241].

Одна их главных особенностей и проблем понимания российского патриотизма – цивилизационных характер российской государственности [1, с. 210]. Именно этот момент дистанцирует российский патриотизм от этноцентристского национализма и толерантного космополитизма. Однако ему свойствен и определенный универсализм и партикуляризм. Цивилизация – это социосистема, которая строится на основании фундаментального ценностного проекта понимания человеческого бытия как такового в конкретных геополитических и культурно-исторических условиях существования [1, с. 201]. Ядром россий-

[1] © Золкин А. Л., 2023.

ской цивилизации является не этнос великороссов сам по себе, а геополитическое государство, созданное великороссами с целью организации, упорядочения северо-восточной Евразии и превращения ее в жизненный топос – в место-развитие – пространство для человеческой жизни [5, с. 27].

Понимание этого процесса, его противоречий, результатов, трудностей и задач должно рассматриваться как основа культурной идентичности для человека, принадлежащего к российской цивилизации, а идентичность – быть основой патриотического мировоззрения. Культурная идентичность есть осознание принадлежности человека к той или иной культурной общности путем отождествления с ее культурными образцами. Культурная идентичность формируется в результате наложения разнообразных культурных влияний, которым подвержен отдельный человек. Если культурные влияния не вступают в противоречия, то происходит полная идентификация личности со сложившейся вокруг него культурой [4, с. 301].

Стратегия развития страны должна быть связана с культурным проектом, опирающимся на мировоззренческую интенциональность России как формы цивилизационного бытия человечества. Включенность гражданина России в этот проект – есть показатель его патриотической позиции. В этом случае культурно-патриотическая стратегия развития российской цивилизации должна быть направлена не на извлечение ресурса власти и богатства из страстей, грехов, страхов, обманутых ожиданий, пустых надежд и слабостей людей, в чем, надо признаться, вполне преуспели наши западные страны, а на духовно-личностное становление и синергию в контексте онтологического режима бытия природы, семьи, государства, церкви, национальной культурной традиции, красоты, истины, добра, а также значимых *Других* и *Иных*, поскольку они также делают свой выбор или избегают его.

Традиционная когнитивная стратегия, строящаяся на идее науки, разделяющей рациональное и иррациональное, уже недостаточна. Требуется духовное зрение, преодолевающее манипулятивный потенциал порочных дихотомий современной либеральной культуры. Применительно к государству, часто речь идет о бездушной машине бюрократии, о чиновничестве, о лукавстве формальных правил и процедур, позволяющих минимизировать ответственность, обезопасить себя в случае неблагоприятного стечения обстоятельств.

Тем не менее российский народ убедился, что государство – это прежде всего способ существования российской цивилизации [3, с. 253]. Крушение государства, какими бы недостатками оно ни было обременено, – это всегда зло, это пребывание народа на краю гибели, это угроза его исчезновения из истории. Не бюрократия, а духовно-государственное служение есть осуществление истины российской государственности, и вместе с ней – духовной миссии российской цивилизации.

Русский патриотизм есть прежде всего духовное служение, которое основывается на способности различать главное и второстепенное, истинное и ложное, формально-юридическое и духовно-политическое. Рационально провести эти границы непросто, скорее даже невозможно, поскольку только духовное зрение позволяет их увидеть. Либо человек берет ответственность на себя – как гово-

рится, взваливает на себя свой крест, либо ловко уклоняется от нее, используя букву закона. Угроза всегда виделась от несвободы (главное сбросить оковы, а потом разберемся). Настает иное время, время осознания ответственности за свободу.

Сегодня мы должны понять русский патриотизм как способ бытия личности и форму осуществления русского разума в наступающем новом мире. Русский дух проявил себя в истории прежде всего как нравственная сила и в то же время как своего рода практическое искусство жизни – сметливость и изобретательность, неагрессивная практичность и ладность жизненного уклада. Время требует актуализации потенциала русского духа. Эта актуализация вызвана тремя обстоятельствами, порожденными либерально-тоталитарной моделью мироустройства: деградацией индивида, распада европейского культурного проекта и кризис мирового порядка. Цель: заменить базовую либеральную концептуализацию отношения «человек – общество – человечество» на модель, воплощенную в русской культуре, но демонизированную и иррационализированную в условиях господства тоталитарной идеологии либерализма. Это не просто, поскольку русская модель мироустройства сама по себе имеет как сильные, так и слабые стороны, да и сами русские не всегда признают ее, полагая, что проще и эффективнее следовать западным образцам. Сама Россия неоднократно отрекалась от своей исторической судьбы, но ей приходилось возвращаться обратно. Законен вопрос: а может, хватит проявлять нерешительность? Ведь именно эта нерешительность приносит нам существенные потери и ошибки, которые приходится исправлять, нередко кровью.

Но не пустая ли это патетика и риторика? Парадоксальным образом русский человек выживал не через упрощение своей культурной модели, как это в свое время сделал протестантизм, а через ее усложнение, да еще и в ситуации ограниченности ресурсов северной страны. Европейская протестантская технология жизни – достичь индивидуального успеха и увидеть в этом гарантию религиозного спасения. Русская технология – это не протестантизм, а исихазм – обóжение человека через его приобщение к превосходящей его соборной реальности государства и Церкви, понятой как воплощение духовной истины. Человеку, и даже вполне русскому человеку, воспитанному в либеральной парадигме, это кажется странным и даже бессмысленным, но тем не менее, это тот самый путь, который прошла российская цивилизация. Наша цивилизация – это цивилизация классических консервативных ценностей, поэтому ей и не удается найти своего места в либеральном мире, которого, вполне возможно, очень скоро и не будет.

Кроме собственной цивилизационной функции, Россия наследует цивилизационную функцию Восточного Рима – функцию Катехона («удерживающий»). Впервые этот термин употребил апостол Павел в довольно узком смысле барьера для беззакония (прежде всего со стороны Нерона). Защита цивилизации от варварства – первая функция Катехона. Поэтому воплощение Христа Отцы Церкви связывали с рождением Империи при Августе. Катехон и Мессия оказываются ровесниками, они одновозрастны и совечны. Борьба с варварами – это не борьба с народами, не приобщенными к эллинской культуре, а победа

над антихристом силою Христа. Символом этой победы является конный император, попирающий символы хаоса – древнего змия (позднее Георгий Победоносец, Феодор Стратилат – конный воин с копьем). По той же причине нашествие Наполеона на Россию будет названо «нашествием двунадесяти языков» – то есть варваров.

Духовное понимание истории России, ее противоречий, результатов, трудностей и задач должно рассматриваться как основа культурной идентичности для человека, принадлежащего к российской цивилизации, а идентичность – быть основой патриотического мировоззрения. Культурная идентичность есть осознание принадлежности человека к той или иной культурной общности путем отождествления с ее культурными образцами. Культурная идентичность формируется в результате наложения разнообразных культурных влияний, которым подвержен отдельный человек. Если культурные влияния не вступают в противоречия, то происходит полная идентификация личности со сложившейся вокруг него культурой.

Для нового миропорядка Россия предлагает (но пока это отдельные элементы): международное право; денацификацию; возврат к традиционным ценностям, иными словами – возвращение миру человеческого облика; солидарную экономику, справедливость, общую архитектонику безопасности.

Но это пока – в общем виде, требуется проработка деталей. И необходимо решить главный вопрос – а кто будет субъектом всех этих объективно-необходимых изменений? Очевидно, что ни «эффективные менеджеры» либералов, ни «передовой класс» коммунистов решить эту задачу не могут. Остается последний резерв истории – русский человек, доказавший свою способность к имперскому мышлению, действию и творчеству.

Причем бытие русского человека – категория духовная, а не природная. Так, русским человеком был Иосиф Бродский – еврей по рождению, православный по крещению, поэт по профессии, изгнанник по обстоятельствам жизни, но русский имперец по мироощущению и по судьбе. Русский дух не может быть продуктом идеологии как формы массового сознания, русский дух производен от русского культурного пространства и от его мобилизационного духовного потенциала.

Сегодня надо осознать, что либеральное пространство образования со всеми своими «демократиями», «свободами и правами человека», создает манипулятивную культуру. Центральная задача сегодня – совмещение системы образования с русским культурным пространством с целью культивирования, воспитания, раскрытия русского духа.

Список литературы

1. Вызовы современного мира и цивилизационный выбор России : материалы межведомственного круглого стола / [С. Р. Аблеев и др.] // Философские исследования и современность : Вып. 9. 2020. С. 191–230.

2. Ильин И. А. Путь духовного обновления. М. : Даръ, 2017.

3. Общественные трансформации и цивилизационная идентичность России : материалы Всероссийского круглого стола / [С. Р. Аблеев и др.] // Философские исследования и современность : Вып. 7. 2018. С. 245–278.

4. Столетие Русской революции в контексте проблем социальной стабильности и безопасности : материалы Всероссийского круглого стола / [С. Р. Аблеев и др.] // Философские исследования и современность : Вып. 6. 2017. С. 292–322.

5. Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии / [С. Р. Аблеев и др.]. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2018.

Иванченко С. В.[1]**,**
доцент кафедры правовых дисциплин
Российского православного университета святого Иоанна Богослова,
кандидат юридических наук

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ-СИРОТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

За несколько последних десятилетий Россия сделала качественный скачок в области решения социальных проблем, одной из которых, причем далеко не самой последней, является сиротство детей. Под категорию детей-сирот попадает обильная прослойка социально незащищенных граждан, находящихся в самом уязвимом возрасте и в самом нестабильном положении. Дети-сироты – это лица в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель; дети, оставшиеся без попечения родителей (лица в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственного родителя или обоих родителей в связи с лишением их родительских прав, ограничением их в родительских правах, признанием родителей безвестно отсутствующими, недееспособными (ограниченно дееспособными), объявлением их умершими); лица до 23 лет, потерявшие в период обучения обоих родителей или единственного родителя.

Число детей-сирот и детей в России, оставшихся без попечения родителей, удалось за последние пять лет сократить на 34 %. За счет чего удалось добиться таких результатов? Конечно же, в первую очередь, потрудились государственные организации, их количество и качество их работы неуклонно растет. Но не следует забывать и про негосударственные организации. Они ведут юридическую, психологическую и педагогическую работу с семьями и детьми.

Благодаря налаженному диалогу между государственными структурами и негосударственными организациями, по всей России появляется все больше и больше некоммерческих организаций, которые разрабатывают свои программы помощи и адаптации детей-сирот. Такие программы помогают подготовить будущих выпускников к самостоятельной жизни, а их волонтеры участвуют в жизни детей-сирот в детских домах. Среди таких некоммерческих организаций выделяются те, что относятся к ведению Русской Православной Церкви (РПЦ).

На протяжении всей своей великой истории РПЦ не отделяла себя от проблем государственных и социальных. Зачастую, стоя в авангарде, Церковь принимала на себя первый груз ответственности и забот о духовном и социальном благополучии. Само принятие христианства на Руси в корне изменило отношение к ближнему своему, возведя благотворительность на новый уровень, а не просто к подаянию милостыни. Государственная власть теперь демонстрировала желание и необходимость заботиться о слабых жителях. Сам процесс усыновления нашел свою законную реализацию путем применения норм византийского права – «посредством церковного обряда «сынотворения», с вынесением особого акта, исходящего от церковной власти» [1, с. 317].

---

[1] © Иванченко С. В., 2023.

В различных историко-социальных источниках выделяется два основных периода социальной работы и помощи сиротам: допетровский период, когда государство принимало незначительное участие в помощи социально незащищенному населению, и петровский период, который продолжался вплоть до 1917 г.

Ярослав Мудрый учредил сиротское училище, в котором за свой счет содержал более трехсот юношей [2, с. 156]. Его дело продолжил внук – князь Владимир Мономах. В своем послании «Поучение Владимира Мономаха детям» он высказывает такую мысль: «Всего же паче убогих не забивайте, но... по силе кормите, снабдите сироту» [3, с. 57].

Иван Грозный на Стоглавом Соборе 1551 г. открывает приюты в монастырях и церквях, содержание которых возлагалось на Церковный Патриарший приказ. Их содержание обеспечивалось финансированием монастырских и церковных приходов.

Петр I сделал заботу о сиротах и «зазорных младенцев» делом государственной важности. А веком позже Приказ общественного призрения, подчиняющийся МВД и Сенату, объединил образовательные, медицинские, а также благотворительные учреждения. Но, несмотря на государственный размах, именно церковь, а точнее – монастыри, создавали детские приюты.

Екатерина II, Александр I, Павел I и Мария Федоровна поставили вопрос устройства детей-сирот иначе, развив сеть воспитательных домов. В них детям не просто предоставлялось временное убежище, но также образование, которое в дальнейшем помогало поступить в университет.

Немалый вклад в развитие приютов для детей-сирот внесли и частные деятели: П. Г. Ольденбургский, братья А. и В. Бахрушины, А. Демидов, барон Штиглиц и многие другие.

Октябрьская революция 1917 г. ликвидировала церковные приюты, а также частные благотворительные учреждения. Революция, Гражданская война, Первая мировая война, репрессии и голод привели к огромному всплеску беспризорных детей (по разным данным к 1921 г. беспризорников в стране было от пяти до семи млн человек) потребовал новых и решительных мер со стороны государства. С 1920 г. государство начинает масштабную работу по реорганизации сиротских домов и детских приютов в государственные детские дома, взяв заботу о них полностью на себя. Отделив церковь от государства, забрав земли и начав практику репрессирования, государство закрыло путь церковной благотворительности, в том числе и в отношении детей.

Третий Всероссийский съезд в мае 1930 г. объявил о решении, что детские дома закрепляются за заводами, предприятиями, колхозами. Все это положительно влияло на материальную базу детских домов, решало вопрос дальнейшего трудоустройства воспитанников и в том числе проблему обеспечения их жильем.

Традиции православных приютов в начале XX в. были нарушены социальными катаклизмами, которым подверглась страна. К их идеям теория и практика социального воспитания обратилась в 1990-е гг., когда возросли системные и индивидуальные риски для детей (отсутствие попечения родителей; воспитание вне семьи, содержание в учреждениях интернатного типа, жестокое обращение,

бездуховность, сексуальная и коммерческая эксплуатация, алкоголизация, вовлечение в преступную деятельность) [4, с. 7–12]. Лишь в конце XX в. в стране снова открываются детские православные приюты и детские дома, первый из которых открыт по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Если в предыдущие столетия причиной сиротства являлась смерть родителей в результате войн, болезней и других бедствий, то сейчас выявляется совершенно иная картина. Большинство воспитанников детских домов составляют социальные сироты – то есть дети, оставленные своими родителями, или те, чьи родители лишены родительских прав. Такая тенденция не может не пугать.

На сегодняшний момент, по данным православной службы «Милосердие», в России действует более 90 церковных детских приютов, в которых воспитываются более двух тысяч детей. При этом помощью конкретно именно детям-сиротам православные организации не ограничиваются.

Фундаментальная идея современных основ церковной помощи детям-сиротам – осознание приоритета семейного воспитания. Согласно утвержденному Синодом РПЦ документу «Основные принципы деятельности церковных приютов Русской православной церкви», главным направлением работы с детьми, оставшимися без попечения родителей, должно быть содействие сохранению родной семьи. В случае, когда сохранение родной семьи представляется невозможным, необходимо способствовать устройству детей в семью, готовую принять ребенка. Примером этого может служить центр семейного устройства, открытый священнослужителями в Марфо-Мариинской обители в Москве. В нем будущих мам и пап готовят к усыновлению, а потом их сопровождают.

В настоящее время статус всех православных приютов определен Типовым уставом, в котором подчеркивается, что приют является некоммерческой организацией, предназначенной для временного проживания, социальной реабилитации и духовно-пастырского окормления несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации. Такие приюты действуют на основе актуального законодательства Российской Федерации, обычаях и традициях РПЦ и Уставом. Учредителем Приюта является религиозная организация, но в нее принимаются все несовершеннолетние, лишенные родительского попечения, независимо от их вероисповедания.

Как и столетия назад, РПЦ снова идет вместе с государством, помогает ему в социальном развитии общества и несет свою ношу с верой и духовностью. Даже вне церковных приютов ведется огромная работа по курированию, духовному окормлению сиротских учреждений. К сожалению, такая практика никак не подкреплена юридически, а значит, может закончиться при любых разногласиях руководителя сиротского учреждения и настоятеля храма. В ближайшей перспективе представляется целесообразнее возвести этот вопрос на государственный или хотя бы муниципальный уровень, создав соглашение между региональными министерствами образования и епархиями для долгосрочного сотрудничества.

Сотрудничество церковных служителей и образовательных учреждений, развитие православных приютов и домов ребенка – крайне важная задача, ведь при таком воспитании, таком содействии дети воспитываются в духе патриотизма, любви и уважения к своему государству, к людям, и с заботой о ближнем.

Список литературы

1. Кулаева П. М. Призрение сирот в истории России: краткий экскурс // Вопросы студенческой науки. 2019. № 5–1 (33). С. 316–319.

2. Нагорнова А. Ю., Вагина Е. Е. Призрение и социальная защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России с древнейших времен до второй половины XX в. // История и современность. 2016. № 1 (23). С. 154–170.

3. Петрынин А. Г., Григорова В. К. Профилактика и преодоление девиантного поведения подростков в процессе коллективной творческой деятельности. М. : АПКиПРО, 2004.

4. Полоцкая Е. В. Социальное воспитание детей-сирот в православном приюте : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. Кострома : Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова, 2006.

Иванченко Ю. А.[1],
заместитель начальника кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Философы-просветители и их многочисленные последователи полагали, что преступность как явление порождается не изъянами человеческой природы, не экономическими, медицинскими и другими причинами, а прежде всего несправедливостью существующего общественно-политического строя. Они считали, что как только эксплуататорское общество будет заменено «правильным», исчезнут и предпосылки для существования криминала, а значит, и сама по себе преступность как таковая.

Означенное убеждение четко иллюстрирует высказывание советского историка религии и атеизма публициста М. Шейнмана: «Когда будет уничтожен капиталистический строй, тогда не будет и тех условий, которые порождают преступность. Не будет частной собственности. Общество рационально построит хозяйство, чтобы получать от каждого по способностям и давать каждому по потребностям. Безработица и непосильный труд отойдут в область преданий. Исчезнет почва для каких бы то ни было преступлений против собственности, ибо собственности не будет. Исчезнет разлагающая, гниющая, смердящая обстановка капиталистического общества, вместе с нею исчезнут проституция, разврат, пьянство, наркотизм. Исчезнет обстановка, создающая преступника. Ибо капиталистический строй из поколения в поколение создает преступника. Коммунизм сметет всю эту гниль. Коммунизм не будет знать преступности» [5, с. 76].

Как видим, автор приведенной цитаты искренне полагает, что само по себе низвержение капитализма приведет к установлению общественного строя, самими принципами своего устройства предопределяющего искоренение ряда негативных социальных явлений, в том числе и преступности. Характерно, что данные утверждения были опубликованы не в условиях безусловного господства так называемого «революционного романтизма», а спустя десять лет после Октябрьской революции. М. Шейнман являлся очевидцем, непосредственным участником потрясений в ходе становления большевистской политической системы, ужасов Гражданской войны, кровопролитий военного коммунизма, тяжелейшей криминогенной ситуации периода НЭПа. И тем не менее в приведенном случае никакие реалии не поколебали большевистской убежденности автора цитаты (как и многих его соратников) в неизбежном отмирании преступности в результате ожидаемого социального прогресса. При возникновении же каких-либо конфликтов, недоразумений таковые будут без труда разрешены непосредственно самими гражданами.

---

[1] © Иванченко Ю. А., 2023.

Соответственно, новые милицейские формирования создавались местными органами власти в соответствии с собственными представлениями и возможностями. В русле революционной стихии на местах обращались к самым разным способам и формам организации вооруженных отрядов. В ряде регионов одновременно продолжали действовать рабочая милиция, боевые дружины и Красная гвардия. Причем боевых дружин одном городе, уезде могло оказаться несколько, так как они зачастую формировались на предприятиях. При такой распространенности представлений о том, что народной вооруженная сила может быть только при условии непосредственного избрания из среды трудящихся и именно этим трудящимся подотчетная, сложность замены рабочих дружин организуемой как государственное учреждение милицией представляла существенную сложность.

При таком подходе зарождающаяся советская милиция не имела ни четких общих критериев, ни определенного статуса: с одной стороны, она осуществляла свои функции от лица и в структуре Советов депутатов, фактически являлась именно государственным органом. В то же время, согласно изначальному замыслу, милиция представляла собой массовую самодеятельную организацию трудящихся со всеми вытекающими из данного статуса последствиями. В результате «самодеятельного» статуса в начале своего существования советская милиция не наделялась ни сколько-нибудь определенной компетенцией, ни какими-либо оформленными принципами организации. Как следствие повсеместно возникали недоразумения, конфликты, вплоть вооруженных столкновений, между милицией и рабочими отрядами, рабочими отрядами и войсковыми подразделениями, между пролетарскими дружинами различных регионов. Учитывая, что замысел рабочей милиции не предполагал четкого определения компетенции, границ полномочий, порядка действий, контроля за практикой пролетарских формирований, вышеупомянутые издержки дезорганизации можно считать неизбежными.

Для полноты представления об угрожающем характере хозяйственной и должностной преступности необходимо учитывать и последствия явной недооценки опасности данных видов преступности начале становления Советского государства. Как отмечали современники: «Недооценка значения борьбы с хозяйственными и должностными преступлениями и отражение ее в следственной практике, «внутри», в самом распределении энергии следователя», – приводили к тому, что «в числе же дел, расследование которых откладывалось на задний план, чаще всего фигурировали более сложные дела о хозяйственных и должностных преступлениях» [3, с. 10].

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что разрастающаяся преступность все более и более превращалась в реальную угрозу не только безопасности граждан, но уже и большевистской политической системе. В числе прочего государство начинало терять монополию на применение силы. В ответ на разгул криминала по стране поднималась волна повсеместного самоуправного насилия. Отчаявшись дождаться защиты со стороны революционного государства, люди присваивали себе его полномочия, осуществляя суд и расправу над каждым, в ком видели криминальную угрозу. В итоге «милиционером имел воз-

можность представиться кто угодно – от претендующего на выделение бесплатного обеда мошенника до «крестьянского душегуба» (116 установленных убийств В. Котова). Не удивительно, что граждане не только теряли доверие к милиции, но и начинали прямо опасаться ее либо тех, кто действовал от ее имени» [1, с. 8].

Катастрофический характер ситуации предполагал соответствующее политическое решение, и весной 1918 г. руководство НКВД – ведомства, непосредственно ответственного за положение дел на местах, все же предпринимает попытки отхода от соответствующих положений марксистской идеологии и явно невыполнимых пунктов большевистской программы. Как отмечает в связи с этим Ю. П. Соловей: «Менее полугода потребовалось для того, чтобы убедиться в неспособности рабочей милиции служить надежной охраной нового политического режима» [4, с. 98].

При всей глубине кризиса в сфере противодействия преступности характер революционной эпохи проявился в сложном и затянувшемся процессе по отказу от явно не оправдавшей себя организационной формы. Инициаторами означенного процесса выступили представители НКВД. А именно в марте наркомом Г. И. Петровским в СНК был возбужден вопрос о необходимости организации советской милиции на штатных началах. На состоявшемся 21 марта 1918 г. заседании СНК было дано поручение НКВД подготовить положение о советской милиции. При этом принцип организационного построения милиции (штатная численность или добровольная основа) не указывался.

В апреле 1918 г. в «Вестнике Комиссариата внутренних дел» появилась статья одного из руководителей НКВД В. А. Тихомирнова «О милиции». В статье были сформулированы основания, фактически обосновывающие необходимость отказа от принципов концепции «отмирающей» преступности и «всеобщего вооружения народа» [2]. На I съезде председателей губернских Советов (30 июля – 1 августа 1918 г.) всеобщее вооружение населения было признано невозможным, а делегаты высказались за организацию Советской Рабоче-Крестьянской милиции как постоянного аппарата. Решения съезда можно рассматривать в качестве отправной точки по перестройке системы охраны общественного порядка на традиционных для этой сферы принципах.

Итак, с первых дней после победы революции жизнь стала опровергать идеологические утопии революционеров-демократов и их преемников – большевиков. Тем не менее Ленин и его последователи с трудом отказывались от представлений, которые исповедовали десятки лет. Так что начальный период реализации ленинской концепции можно характеризовать попытками организовать охрану порядка исключительно на основе несостоятельной идеи «всеобщего вооружения народа». Лишь явная угроза того, что размах нарастающего криминального насилия превзойдет масштабы насилия революционного, ввергнув тем самым страну в полный хаос, заставила правительство допустить возможность создания рабоче-крестьянской милиции как постоянного, специального органа.

Тем не менее, решение о постоянстве милиции так и не стало полным и окончательным. Показательно, что тем же Первым съездом председателей гу-

бернских Советов было высказано утверждение, что идея «всенародной» милиции все же будет воплощена в жизнь, только теперь уже после окончания периода обострения классовой борьбы. Мало того, ошибочное положение о том, что в справедливом, стремящемся к социализму обществе нет предпосылок для существования преступности, вопреки всем реалиям сохраняло свою силу на всем протяжении существования Советского государства.

Список литературы

1. Абдрахманов А. И. От «всеобщего вооружения трудящихся» к советской милиции // Служу Закону. 2018. № 8 (60). С. 8–9.

2. Вестник Комиссариата внутренних дел. 1918. 14 февраля. № 5. С. 14.

3. Громов В. Л., Лаговиер Н. Расследование хозяйственных и должностных преступлений. Практическое пособие для органов дознания и следствия. М. : Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1928.

4. Соловей Ю. П. Идея милиции и ее воплощение в советском государстве // Совершенствование и эффективность применения республиканского законодательства в борьбе с преступностью: Ч. 1. Омск : Высшая школа милиции МВД РСФСР, 1991. С. 95–106.

5. Шейнман М. Религиозность и преступность. М. : Безбожник. 1927.

Карнаушенко Л. В.[1]*,*
начальник кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России,
доктор исторических наук, профессор

ИДЕОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КООРДИНАТ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ВОСПИТАНИЯ

Современное российское общество испытывает на себе влияние масштабных трансформационных процессов, связанных с генезисом глобального информационного миропорядка. Под воздействием экономической и культурной глобализации, осуществляющейся главным образом посредством Интернета и информационно-компьютерных технологий, происходит распространение вестернизированных ценностей и установок, особой универсальной предпринимательской культуры, транслируется система представлений о жизненном успехе, морали и т. п. В этих условиях российское общество (как и другие, не принадлежащие к «ядру» западного мира) сталкивается с рисками потери национальной идентичности, утраты сформированных традиций, жизненного и профессионального уклада. В этой связи внимание ученых и представителей управленческих структур закономерно сосредотачивается на тех социокультурных институциональных механизмах, которые могут быть задействованы для эффективного противодействия возникающим рискам глобализации в условиях генезиса постиндустриального миропорядка. Одним из таких механизмов является идеология. В научном дискурсе позиционирование идеологии существенно менялось на протяжении последних десятилетий, начиная с конца 1980-х гг.

По мнению Г. П. Хориной, «в современном обществе роль идеологии оценивается неоднозначно, и время от времени распространяется представление о деидеологизации как процессе, характеризующем переход к новым стадиям общественного развития, следующим за индустриальным обществом. Однако общественная практика последних десятилетий отвергает истинность такого мнения» [5, с. 48].

С учетом значительной роли, которую играет идеология в процессе систематизации идей и представлений людей, особенно в процессе социализации и инкультурации, попытки деидеологизации несут в себе угрозы дестабилизации социокультурной системы в целом. С точки зрения В. А. Смирнова, «демонтаж советской идеологической модели не завершился формированием новой общегражданской интегративной идеологии, напротив, некогда единая идейная сфера распалась на множество конкурирующих между собой (как заимствованных извне, так и реанимированных из прошлого) идеологических доктрин» [4, с. 3].

В научном дискурсе представлено множество концепций идеологии. История научного анализа идеологии насчитывает сотни лет. Среди множества определений понятия «идеология» наиболее эвристически ценными применительно к со-

[1] © Карнаушенко Л. В., 2023.

временному обществу представляются те, которые акцентируют внимание на систематизации идей и убеждений индивидов, групп, общностей и т. п.

В частности, Н. А. Моисеева указывает, что идеология представляет собой «относительно систематизированную совокупность взглядов, существенной чертой которых является функциональная связь с интересами и стремлениями общества» [2, с. 21].

Как полагает Г. П. Хорина, в структуре идеологии присутствуют идеи и представления о «об общественном идеале, о путях развития социальной системы, о групповых (классовых) интересах, о природе, обществе и человеке (классе) и существует на уровне теоретического и обыденного сознания субъекта исторического действия, занимающего определенное место в системе разделения труда и обладающего определенной долей богатства» [5, с. 88].

Важность идеологии в процессе социализации и инкультурации весьма высока. В подростковом и юношеском возрасте крайне важно именно для личности произвести систематизацию различных идей и воззрений, которые они усваивают как в рамках образовательного процесса, так и за его пределами. В противном случае их лабильное сознание демонстрирует феномен, названный К. Манхеймом «хаосом антагонистических оценок».

Важность идеологии состоит в том, что, по мнению исследователей, она выступает своеобразным «проводником» духовной культуры в сознание личности. Так, «посредством идеологии как проекции культуры на современность будут транслироваться два среза ценностей: социокультурные и этнонациональные как регулятивы поведения. Идеология становится пространством, в котором актуализируются те культурные ценности, которые востребованы в данный исторический период в данном социуме» [2, с. 23]. В этой связи следует согласиться с мнением исследователей о том, что идеология представляет собой интегральный элемент системы культуры, который оказывает существенное многогранное влияние на сознание и поведение людей. Так, «идеология является неотъемлемым элементом системы культуры, оказывающим определяющее воздействие на другие ее элементы, в том числе на науку, философию, религию, искусство, мораль, право и испытывающим в то же время их обратное влияние» [5, с. 11].

Следует отметить, что по мере трансформации социальной системы и перехода от индустриального к постиндустриальному обществу идеология также претерпевает существенные изменения. Прежде всего, снижается политизация идеологии по мере уменьшения остроты противоречий, прежде всего классовых. Кроме того, кардинально изменились приемы и способы презентации идеологии в системе духовной культуры. Вместе с тем, как полагает В. А. Смирнов, «изменение культурных проявлений идеологии не лишает ее социальной значимости и полезности, поскольку в функциональном плане она не имеет альтернативы, выполняя важную задачу смыслообразования, за счет чего легитимируется весь социальный порядок общества» [4, с. 12].

Существование идеологии на протяжении веков закономерно привело к тому, что она интегрировалась в систему социокультурных координат как общества в целом, так и отдельной личности. В зависимости от типа политической,

социальной и духовной организации социума место и значение идеологии в системе культуры варьировалось, однако ее значимость не вызывала сомнений.

Стоит отметить, что идеологические и мировоззренческие комплексы личности детерминируют выбор норм и ценностей, формируя таким образом своеобразную матрицу социокультурных координат. В случае если идеологические механизмы функционируют эффективно, социум обладает достаточной мощью профилактических инструментов, сдерживающих девиантное поведение людей. Однако при утрате доминирующего влияния идеологической сферы, в том числе и по причине смены господствующий идеологий, набирающего скорость процесса деидеологизации, нарастает давление на правоохранительную систему, так как люди в массовом порядке перестают следовать социальным и юридическим нормам [1, с. 47].

Регулятивная роль идеологии как элемента системы культуры особенно явно проявляется в ходе социализации молодежи. Стоит заметить, что социализация представляет собой один из ключевых процессов преемственности и смены поколений в российском обществе, от которого зависит его стабильность и жизнеспособность.

Как полагает М. К. Селезнева, социализация – это «процесс становления личности, освоения ею социальных ролей с учетом требований общества, социальной общности и соответствующей социально-возрастной группы, включающий целенаправленное педагогическое воздействие (воспитание), процесс самовоспитания молодого человека в соответствии с его интересами, смысложизненными целями и ценностями, включая профессиональную, гражданскую ориентацию и выбор, а также стихийное воздействие факторов социальной среды» [3, с. 240].

От успешности процесса социализации зависит будущее общества – это не вызывает сомнений, так как именно молодежь призвана заместить уходящие старшие поколения и от ее облика зависит будущее российского социума, как и, безусловно, института государства. В случае успешности социализации такой эффект наиболее вероятен – в противном случае существенно возрастают риски дезорганизации социальной системы. В процессе социализации важность усвоения молодежью идеологии очевидна. Однако современный облик социализационных процессов во многом определяется стихийными факторами, связанными с интернет-коммуникацией и информационно-компьютерными технологиями. В таких условиях в процессе социализации начинают играть важную роль не контролируемые государством и обществом потоки информации, где присутствует множество деструктивных с точки зрения социализационного процесса элементов. Возникающие негативные эффекты отчасти способна компенсировать система воспитания.

Как отмечают исследователи, «роль целенаправленных педагогических воздействий системы воспитания в процессе социализации состоит в том, чтобы усилить воздействие одних, положительных, факторов и ослабить влияние отрицательных, которые считаются таковыми с позиции социокультурных целевых установок формирования личности» [3, с. 241]. Для отмеченных целенаправленных педагогических усилий вполне подходит и идеологическое воздей-

ствие. Следует заметить, что данный инструмент в современном российском обществе используется недостаточно.

Применительно к идеологии как элементу социализации и воспитания следует заметить, что на протяжении последних десятилетий наблюдались полярные тенденции – от курса на полную деидеологизацию до попыток возрождения советской идеологической системы. Стоит обратить внимание на то, что советская идеология была глубоко интегрирована в систему культуры, которую Л. Г. Ионин именовал «моностилистической». Такая культура в настоящее время не свойственна российскому обществу – это объективная реальность. Серьезным образом изменилась и молодежь за последние десятилетия (прежде всего как объект социализации и воспитания). В этой связи вполне закономерным представляется тезис о том, что в настоящее время в условиях трансформирующегося российского общества необходимо искать новые приемы и подходы в использовании идеологии как элемента социализации и воспитания молодежи.

Необходимо заметить, что при всей важности идеологии как элемента социализационного и воспитательного процесса она не может выполнять той роли, которая была в советском обществе (изменились как сама молодежь, так и облик общества, а также системы образования и др. значимых элементов социокультурной действительности). Следует обратить внимание на недостаточность использования именно первичной информации об идеологическом воздействии на молодежь, специфике восприятия идеологии российскими подрастающими поколениями. В научном дискурсе присутствует множество стереотипов относительно места и роли идеологии в социализационном и воспитательном процессе, которые необходимо преодолевать.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что идеология занимает ключевое место в системе социокультурных координат молодежи, как бы ни воспринимали этот элемент духовной жизни общества ученые и представители системы управления. Однако использование идеологии в процессе социализации и воспитания предполагает серьезную подготовительную работу, которая зачастую не проводится в современном российском обществе. Особенно ощущается недостаток эмпирических, практических исследований, посвященных тематике восприятия идеологии молодежью, интеграции молодежи в идеологическое пространство и т. п. За последние десятилетия восприятие идеологии в научном дискурсе, в том числе применительно к проблематике социализации и воспитания молодежи, неоднократно изменялось – от практически полного забвения идеологии, провозглашения курса на деидеологизацию до попыток возрождения советской идеологии и системы идеологического воспитания. В последние годы сформировалась потребность в детальном научно-практическом анализе возможностей идеологии как элемента системы социокультурных координат общества и личности. Как представляется, именно посредством мониторинговых эмпирических исследований (как с использованием количественной, так и качественной методологии) в настоящее время возможно объективно оценить потенциал идеологического воздействия на современную российскую молодежь, уровень идеологизированности подрастающего поколения и другие весьма важные в практике социального управления показатели.

«Копирование» опыта советской социализации и воспитания без учета состояния современного общества чревато серьезными ошибками. Именно активное использование уникальной первичной информации о роли идеологии в социализации и воспитании молодежи позволит верифицировать многие фундаментальные концепции исследователей по данной проблематике с учетом высоких скоростей социальной динамики российского общества за последние десятилетия.

Список литературы

1. Карнаушенко Л. В. Идеологическая составляющая системы социокультурного регулирования сферы правового поведения жителей России // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 1. С. 46–49.

2. Моисеева Н. А. Идеологическая и социокультурная система координат в пространстве макроидентичности // Вестник Российского нового университета. 2011. № 1. С. 19–25.

3. Селезнева М. К. Социализация молодежи в современном обществе // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2007. № 40. С. 239–243.

4. Смирнов В. А. Идеология в социокультурных практиках современного российского общества : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. Новгород : Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2008.

5. Хорина Г. П. Идеология в системе культуры : дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01. М. : Московский гуманитарный университет, 2005.

Красильникова Т. К.[1]**,**
доцент кафедры теории, истории государства и права,
общеобразовательных дисциплин
Всероссийского государственного университета юстиции,
кандидат юридических наук, доцент

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И КОРПОРАТИВНАЯ ПРИРОДА ПАТРИОТИЗМА

Современная эпоха глобализации экономики, политики не должна затронуть основу государственности, т. е. осознание самоидентичности, ассоциирования себя как части национальной общности, части Отечества.

Основой национального самосознания выступает чувство долга перед своим Отечеством, чувство любви к своему народу, к его традициям и обычаям, к родному языку. Речь идет о патриотизме, сущность которого как раз и проявляется в социально-групповом, корпоративном духе.

Содержание понятие «патриотизм» весьма подвержено изменениям. Появилась категория «патриотизм» не в связи с характеристикой чувств, уходящих в далекое историческое прошлое. В конце XVIII в., в ходе Великой Французской революции, «патриотами» называли тех, кто противостоял монархии, абсолютизму.

В ходе этой революции появилось и понятие «нация» – тогда оно связывалось с переходом подданных от верности королю к суверенитету народа. Все подданные, независимо от этнической принадлежности, становились нацией. Патриотизм французов и их представление о национальной суверенности основывались на утверждении единства и неделимости государства-нации, в противовес германскому патриотизму, основанному на утверждении нации исключительно как этнической группы. Английский национализм также является этническим, выполняющим интегрирующую, объединяющую функцию между разными этносами, проживающими в Великобритании.

Американцы рассматривают свою нацию как фактор, обеспечивающий единство штатов. Единство нации – ценность, которой в США придается особое значение. Однако длительное время негры не были включены в понятие «нация». Положение изменилось только в 1960-е гг. Тогда, после массовых народных выступлений, были приняты законы, запрещающие расовую дискриминацию. Активно пропагандируются идеи долга американцев насаждать свободу и справедливость в их понимании, то есть по американским меркам – другим народам. Свое государство и нацию они рассматривают как залог свободы и демократии.

Целесообразность утверждения в нашей стране нации-государства объясняется реакцией на сложившиеся международные и внешнеполитические связи. ООН утверждает, что нация – это право на самоопределение. И необходимость борьбы за самоопределение порой искусственно насаждается в сознании народов нашей многонациональной страны. Особую активность различные по-

[1] © Красильникова Т. К., 2023.

литические силы развили в период перестройки и развала СССР. Патриотическое сознание подменялось националистическими призывами. Считаем, что переход к понятию «нация – государство» будет способствовать стабильности государства, снимет повод, а возможно, и одну из причин национальной напряженности в многонациональной стране, где проживает множество народностей.

При всей убедительности данных утверждений нельзя, на наш взгляд, недооценивать значимость сложившихся традиций, национального самосознания, патриотизма. Кстати, не менее убедительны и утверждения о необходимости сохранения и развития языкового многообразия, национальной культуры, обычаев. Следует учитывать и уроки истории. Административное вмешательство в вопросы национальной идентификации не раз приводили лишь к обострению межнациональных проблем. Как мировая, так и отечественная история не раз доказывали, что скоропалительность решений в национальной сфере чревата печальными последствиями.

Для России в качестве условий образования нации не подходят западные образцы формирования духовности в области национальных отношений через укрепление националистического сознания. Однако это вовсе не предполагает пренебрежительного отношения к опыту других, в том числе западных стран.

Теперь о роли патриотического воспитания. Программной в этом отношении является статья Президента Российской Федерации Владимира Путина «Россия: национальный вопрос». Она, по сути, направлена против поспешности в решении национального вопроса, отвергает копирование чужого опыта. Констатируя кризис как политики «большого котла», так и мультикультурализма, характерных для Запада, автор обращается к опыту нашей страны. «У нас есть исторический опыт, которого нет ни у кого», – подчеркивает В. В. Путин [1, с. 128]. Он характеризуется как «уникальный». Наиболее ярко проявляется это в общенародном содержании патриотизма. «Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими. Освоение огромных территорий, наполнявшее всю историю России, было совместным делом многих народов» [1, с. 128]. «У нас есть мощная опора в менталитете, в культуре, в идентичности, которой нет у других», ибо «народности осознают себя единой общностью – одним народом» [1, с. 128].

Исторически сложилось так, что в России утвердились принцип нации-этноса [3, с. 56]. В сознании народа элементы этнического патриотизма видятся в единстве с патриотизмом государственным, гражданским. Русские былины славят богатырей – защитников Отечества. Походы за трофеями, завоевания других народов не воспеваются. Они чужды русскому народу. «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели земли русской», «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище» призывают к единству. Патриотизм понимается как осознание ответственности человека за родную землю, стремление к единению Руси.

Жертвенность и сострадание – черты российского менталитета, которые сформировались под влиянием нашествия и ига монголо-татар. Это оказало влияние на формирование российского патриотизма, исключающего идеи национальной исключительности.

С завершением процесса формирования единого государства в патриотизме утверждаются идеи взаимосвязи патриотизма и государственности. Только патриотизм народа позволил отстоять независимость страны, сохранить ее государственность в период смуты и нашествия поляков и шведов в начале XVII в. Сусанин, Минин и Пожарский стали символами, напоминающими о преданности Отечеству.

На Руси защита Отечества рассматривалась одновременно и как борьба за веру.

В первой половине XIX в. идеологическая основа российской государственности была выражена в формуле теории официальной народности – «самодержавие, православие, народность», вокруг которой строился российский патриотизм. Важнейшим направлением воспитания будущих офицеров было формирование верности монархии, любви и уважения к военной службе. В кадетских корпусах, военных и юнкерских училищах патриотическое воспитание было тесно связано с религиозным и нравственным воспитанием [2, с. 299–300]. Как гласила «Инструкция по учебной части для юнкерских училищ» 1901 г.: «Каждый юнкер должен достойно нести звание защитника Престола и Отечества, быть готовым жертвовать им всем, не исключая жизни» [2, с. 300].

На протяжении столетий традиции свято соблюдались в среде офицерского корпуса русской армии, которая поражала своих врагов чудесами мужества на полях сражений. За офицерами тянулись и солдаты, которые никогда не бросали своего командира в бою.

В начале XX в. либеральные и нигилистические идеи, охватившие общество, проникли в армейскую среду, вместе с массовым появлением в годы Первой мировой войны офицеров, вышедших из разночинной интеллигентской среды, это привело к размыванию традиционного патриотизма [3, с. 239]. Русская армия поддержала революцию, и Российская империя в феврале 1917 г. рухнула в одночасье.

На данный момент в России понимание нравственности и важнейших моральных ценностей достигло критически низкого уровня. При этом если у советского поколения в сознании по-прежнему остались принципы патриотизма и любви к Родине, которые прививались родительским, школьным и государственным воспитанием, то современная молодежь в основной своей массе не имеет даже четкого представления о самом понятии «патриотизм».

Основной причиной этого является то, что на рубеже 80–90-х гг. XX в. дети рождались в совершенно новой стране, в которой не успели сформироваться основные идеологические и духовные ориентации. Пока постсоветская Россия шла по пути политического становления, была приостановлена и практически разрушена система гражданского и патриотического воспитания [4, с. 9]. Таким образом, общепринятые в Советском Союзе нравственные нормы утратили свою актуальность, и на смену им пришла деморализация: на первом плане ока-

зались принципы эгоизма, насилия и безнаказанности, материальные ценности вытеснили духовные.

Сейчас одной из важнейших задач России является выработка так называемой национальной идеи, отвечающей современным тенденциям развития государства. Общество, утратившее традиционные морально-нравственные принципы, но имеющее огромный нереализованный духовный потенциал, накопленный многовековой славной историей нашей страны, нуждается в формировании четких социальных ориентиров. Некая моральная опустошенность молодежи нередко становится причиной алкоголизма, наркомании, распространения насилия, террора, приверженности религиозным сектам. Противникам России выгодно подобное положение дел.

Важнейшими инструментами в создании патриотического общества являются семья, образовательные учреждения и государство. Семейные традиции и ценности – это первый шаг человека к умению понимать и уважать традиции и ценности общества, государства в целом. Величайшая культура и традиции всегда были достоинством российского народа, крепким стержнем национального духа. Нельзя забывать про государственных, военных, религиозных и научных деятелей, прославивших Россию.

Главная задача государства – привлечение внимания всех структур государства и общества к развитию новой системы патриотических ценностей, поскольку советская система разрушена, а новая еще окончательно не сформирована. Патриотическое воспитание, прививающее любовь и преданность Родине, является одной из важнейших задач в развитии государства.

Список литературы

1. Дмитриев О. А. Общенародное и общечеловеческое в содержании патриотизма // Роль истории в формировании патриотизма и толерантности / отв. ред. Д. К. Сабирова. Казань : Казанский государственный технический университет, 2007.

2. Патриотизм и национализм как фактор российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.) / отв. ред. В. В. Журавлев. М. : Росспэн, 2015.

3. Патриотизм как объединяющая национальная идея / под ред. С. В. Осипова. Ульяновск : УлГТУ, 2016.

4. Традиции патриотизма в культуре и истории России / отв. ред. А. Н. Вырщиков. Волгоград : Панорама, 2007.

Кузина О. Е.[1]***,***
преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин
Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ

Проблема искажения истории остро обусловлена современными внешнеполитическими реалиями. Чем значительнее историческое событие в международном масштабе и чем меньше его свидетелей остается, тем больше появляется соблазнов для подтасовки и фальсификации исторических фактов. Такой намеренный отказ от истинного описания прошлого особенно актуален в условиях ожесточенной информационной войны, когда многие государства заинтересованы в героизации собственного народа для продвижения определенной идеологии и политики, а порой и в создании образа внешнего врага – для отвлечения людей от внутренних проблем. При этом современные информационно-коммуникационные технологии, глобально медиатизируя общество, также создают множество различных способов для манипулирования в политическом дискурсе. Таким образом, навязанные ложные мнения могут не только привести к искажению реальных исторических фактов, но и способствовать подрыву национального самосознания и безопасности государства, а также основ многополярного мирового порядка.

С проблемой искажения истории извне сталкивается и современная Российская Федерация ей, как преемнице СССР, нередко предъявляют различные претензии из-за исторических событий с целью возмещения ущерба. Кроме того, достижения и вклад нашей страны в мировую историю часто обесценивается и замалчивается. В таких условиях активизации исторической политики Россия не может бездействовать, а инструменты публичной дипломатии способны защитить и донести историческую точку зрения до зарубежной общественности, выстроив доверительные межгосударственные отношения.

В соответствии с концепциями внешней политики Российской Федерации за 2013 и 2016 гг., публичная дипломатия России осуществляется в рамках «мягкой силы». Согласно автору неолиберальной концепции Дж. Наю, «мягкая сила – это способность получить то, что вы хотите получить, через привлечение, а не через подавление или некие «проплаты» [11, с. 18]. Такое привлечение основывается на культуре, политических ценностях и внешней политике государства. Перечисленные источники мягкой силы обладают самыми разнообразными ресурсами для убеждения и влияния на граждан других государств, что позволяет достичь взаимопонимания и сотрудничества в межгосударственных отношениях, сокращая использование затратных методов «жесткой силы» [11, с. 31–43]. Трансформация ресурсов в необходимый результат происходит согласно механизму: «ресурсы – инструменты политики (качества) – профессионализм в области превращений – ответная реакция объекта (позитив-

[1] © Кузина О. Е., 2023.

ная/негативная) – результаты (конкретные или общие)» [12, с. 177–178]. При этом от выбора использованных средств будет зависеть результат: если государства атакуют ценности других стран с целью снижения их привлекательности и ослабления, то осуществляется отрицательная «мягкая сила» [20], а публичная дипломатия (как государственная политика в рамках неолиберальной концепции), сведенная к пропаганде и манипуляциям, уничтожает «мягкую силу» [21].

В указанных концепциях внешнеполитические задачи российской «мягкой силы» не отмечены. Тем не менее, в обоих документах выделена направленность инструментов мягкого влияния на создание положительного образа России за рубежом, соответствующего ее авторитету, защиту ее соотечественников, а также на обеспечение доведения до широких кругов мировой общественности полной и точной информации о российской политике, достижениях культуры и науки [5, с. 39–40]. Соответственно, в ответственность институтов «мягкой силы» России также входит противодействие фальсификации ее истории за рубежом.

Институты «мягкой силы» России организуют различные программы по противодействию фальсификации истории. Федеральное агентство по делам Содружества Независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному сотрудничеству (Россотрудничество) инициирует проекты по сохранению историко-мемориального наследия и исторической памяти Великой Отечественной войны. Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова, привлекая гражданский сектор, приглашает зарубежную молодежь к участию в научно-образовательных мероприятиях. Информационные и новостные агентства Russia Today и Sputnik, используя иностранные языки, информируют аудиторию за рубежом о разных точках зрения на международные события. Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, содействует публикации исторических исследований на иностранных языках. Фонд «Русский мир» предоставляет площадки для обсуждения исторических событий (например, Историко-культурный Форум Русского мира). Кроме того, организации осваивают цифровые возможности для передачи исторической информации.

Несмотря на разнообразный формат программ институтов публичной дипломатии России, им не удается сократить количество исторических фальсификаций, особенно активизирующихся в преддверии памятных дат. Такая дискредитация и пересмотр российской истории не остались без внимания экспертов, предлагающих решения проблемы в условиях информационной войны.

Мнения отечественных исследователей относительно причин неудач «мягкой силы» России в противодействии фальсификации разделились.

Некоторые эксперты говорят о зарубежном информационном отторжении России. При этом необходимо смягчение обвинений в агрессивной пропаганде, а это требует новых методов, способных минимизировать дезинформацию, фальсификацию и преуменьшение роли России в исторических событиях [9, с. 155–160].

Другие ученые скептически оценивают имеющиеся наработки для «мягкого влияния» России. Прежде всего указывается бессистемность и фрагментарность российской «мягкой силы», способствующая отсутствию у организаций публичной дипломатии координирующего органа для общих задач, стратегий и механизмов позиционирования за рубежом [1, с. 134; 2, с. 197; 3, с. 27–29; 6, с. 47]. Наконец, ряд экспертов отмечает недостаточное внимание государства к исторической политике. Речь идет о качестве исторического образования и воспитания молодежи, объективности научных исследований и дискуссий, привлечении граждан к историческим акциям и мероприятиям [8, с. 24; 14, с. 101–103; 15, с. 10–12].

В свою очередь зарубежные эксперты критикуют мягкую силу России из-за неправильного выбора инструментов во внешней политике, в результате которого активизируется «жесткая сила» и контрпродуктивная пропаганда [166, с. 35; 19; 22]. Примечательно, что согласно обзору Глобального рейтинга «мягкой силы» («Мягкая сила 30»; The Soft Power 30) за 2019 г. указывается аналогичная причина недоверия к России международной общественности [24]. Кроме того, потенциал институтов публичной дипломатии России не может быть раскрыт в полной мере из-за их непоследовательного и неравномерного развития [17, с. 12–15, 23–25]. В совокупности все это не способствует противодействию искажению истории России за рубежом.

Отмеченные аргументы исследователей по-своему убедительно доказывают причины недостаточно значимых результатов деятельности институтов публичной дипломатии в противодействии фальсификации истории России. Однако представляется целесообразным также указать на некоторые умозаключения.

Во-первых, публичная дипломатия может быть нацелена на вовлечение как внешних, так и внутренних целевых групп. В данной связи имеется в виду особый потенциал диаспор и мигрантов в сложившихся обстоятельствах. Интенсификация взаимодействия институтов публичной дипломатии со всем разнообразием диаспор на территории России поспособствует не только укреплению межгосударственных отношений, но и передачи российских ценностей и представлений [18, с. 59–62]. То есть в процессе такого живого межкультурного диалога могут обнаружиться новые моменты понимания. Кроме того, российские эмигранты могут выступать в качестве «добрых послов» государства, минуя проблемы недоверия и недостоверности информации во взаимодействии с зарубежной общественности [4, с. 86–87; 7, с. 152; 13, с. 88–89]. Именно поэтому институтам публичной дипломатии следует быть также заинтересованным в участии внутренних целевых групп в мероприятиях, посвященных историческим событиям.

Во-вторых, для решения проблемы искажения истории России представляется целесообразнее использовать конструктивистскую концепцию «стратегический нарратив» Л. Розелле, А. Мискиммон, Б. О’Лоуфлин в качестве дополнительной теоретической основы публичной дипломатии. Так, признавая актуальность «мягкой силы» в новых условиях, авторы указывают на ее преимущественный акцент на ресурсах и их активизации, без упора на условия, при которых «мягкое влияние» сработает. Соответственно, авторы вводят понятие

«стратегический нарратив», называя его еще одним значительным источником «мягкой силы». В действительности же в современном мире идет ожесточенное противоборство различных нарративов. При их стратегическом использовании важно следить не сколько за их формированием и проекцией, сколько за восприятием и интерпретацией, так как именно здесь возникает смысл, влияющий на привлечение, вовлечение и убеждение других посредством ресурсов культуры, политических ценностей и внешней политики [23, с. 74–75]. То есть нарративы как формируют акторов, так и формируются от них, следовательно, подчеркивается важность принятия дискурсов для идентичности другого, что приводит к более равноправному взаимодействию субъектов и объектов «мягкой силы» в международной системе. При этом существует три взаимосвязанных уровня нарративов – международный (устройство мира), национальный (ценности, цели и история государства) и проблемный (действия актора по решению определенной проблемы для легитимности политики) [23, с. 75–77].

В результате, для решения проблемы искажения истории России при помощи институтов публичной дипломатии необходимо установить и согласовать все три уровня собственных нарративов и публично и аргументированно разоблачать несоответствия между нарративными уровнями своих оппонентов (например, представление о России как о «правопреемнице «агрессивной тоталитарной системы», с которой «демократически настроенным» странам ничего общего иметь нельзя» [10, с. 60–61], умаляющее заслуги советского народа в борьбе против нацизма). Примечательно, что как только Russia Today стала разоблачать такие несоответствия, деятельность новостного агентства была ограничена в Соединенных Штатах Америки, хотя и взята на вооружение аналогичными американскими организациями.

Таким образом, деятельность институтов публичной дипломатии способна содействовать решению проблемы искажения истории России извне. Помимо рекомендаций экспертов относительно российской исторической политики и развивающейся «мягкой силы», представляется важным расширить «мягкую силу» России идеями о вовлечении не только внешних, но и внутренних целевых групп, а также о нарративном понимании «мягкого влияния».

Перспективы дальнейшего исследования проблемы рассматриваются в установлении имеющихся нарративов и корректировании собственных в соответствии с предложенной методологией концепции «стратегический нарратив».

Список литературы

1. Бобыло А. М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2013. № 14. С. 129–135.

2. Будаев А. В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 48. С. 189–205.

3. Гарбузарова Е. Г. «Мягкая сила» как инструмент блокирования фальсификации российской истории за рубежом // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 5–1. С. 24–30.

4. Иванова Н. А. Присутствие России в культурной жизни Казахстана и стран Прибалтики: сравнительный анализ // Вестник РГНФ. 2014. № 3 (80). С. 80–88.

5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г.) // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/.

6. Лебедева О. Развитие публичной дипломатии как приоритетное направление деятельности дипломатических представительств // Международная жизнь. 2017. № 2. С. 39–49.

7. Лошкарев И. «Мягкая сила» диаспоры // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 2 (53). С. 141–154.

8. Лушин А. Н. Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 21–25.

9. Мельникова О. Средства и методы обеспечения информационного сопровождения внешней политики государств // Международная жизнь. 2017. № 5. С. 155–168.

10. Морозов Ю. В. Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 1. С. 50–63.

11. Най Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск : Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. 206 с.

12. Най Дж. С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. М. : АСТ, 2014.

13. Тонян А. А. Диаспора как инструмент публичной дипломатии Индии // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. С. 86–96.

14. Хусаинова А. Х. События Великой Отечественной войны: конкретность истины и информационная война рубежа XX–XXI веков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и Социальные науки. 2016. № 1. С. 98–104.

15. Ястремский А. М. Отстоим нашу Победу: борьба с фальсификацией истории Великой Отечественной войны в современной России // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2015. № 3 (19). С. 6–14.

16. Herpen M. H. Putin’s propaganda machine // Baltic Rim Economies. 2016. № 4. P. 35.

17. Laruelle M. The “Russian Worlds”. Russia’s soft power and geopolitical imagination. 2015 // URL: http://globalinterests.org/wp-content/uploads/2015/05/FINAL-CGI_Russian-World_Marlene-Laruelle.pdf.

18. Leonard M., Stead C., Smewing C. Public Diplomacy. London : The Foreign Policy Centre, 2002.

19. Nye J. S. Can Russia Be Great? // Project Syndicate. URL: https://www. project-syndicate.org/commentary/can-russia-be-great.

20. Nye J. S. The New Public Diplomacy // Project Syndicate. URL: https://www. project-syndicate.org/commentary/the-new-public-diplomacy.

21. Nye J. S. Information Warfare Versus Soft Power // Project Syndicate. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/cyber-warfare-weakens-russia-soft-power-by-joseph-s--nye-2017-05.

22. Petro N. N. Russia's Orthodox Soft Power // Carnegie Council for Ethics in International Affairs. URL: https://www.carnegiecouncil.org/publications/ articles_ papers_reports/727.

23. Roselle L., Miskimmon A., O'Loughlin B. Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power // Media, War & Conflict. 2014. Vol. 7 (1). P. 70–84.

24. Russian Federation: [electronic accesses] // The Soft Power 30. URL: https:// softpower30.com/country/russian-federation/.

Левкина Е. С.[1]**,**
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ПРИРОДА ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В НАЧАЛЕ XX В.

Одной из приоритетных задач современного демократического государства является закрепление в законодательстве института прав и обязанностей человека и гражданина. Эффективная реализация норм, закрепляющих права и обязанности, зависит от качества нормативного правового регулирования, от результативности деятельности органов, обеспечивающих соблюдение и защиту прав и свобод граждан, а также от наличия гражданского общества. Процесс закрепления в законодательстве прав, свобод и обязанностей граждан (подданных) был длительным и сложным. В Российском государстве говорить о полноценном формировании данного института возможно лишь в начале XX в. В отечественной юридической науке сложилась национальная, отличная от западных учений, система взглядов на роль и место государства в обеспечении и регулировании прав и свобод подданных, которая учитывала реалии российского социально-экономического и политического развития, а также соответствовала отечественному менталитету. М. М. Сперанский, размышляя о проблеме правового статуса личности, считал, что «подлинный социальный порядок в государстве существует, когда население получает свободу и моральные права» [1]. Государствовед Б. Н. Чичерин подчеркивал, что при анализе сущности государства, а также права необходимо раскрытие понятия свободы [4]. Мало того, он считал свободу одним из элементов государства. Чичерин полагал, что политическая свобода может иметь несколько степеней, то есть быть различной в зависимости от потребностей государства и общества: «для разных отраслей государственной деятельности нужна неодинаковая способность в гражданах, призываемых к участию в делах. Степень способности, достаточная для низших сфер, может быть совершенно недостаточна для высших. Вследствие этого политическое право граждан может ограничиваться участием в суде, в местном управлении, или же простираться до участия в верховной государственной власти» [4, с. 75]. Чичерин указывал, что обеспечение личных прав возможно и без политической свободы, однако наличие политических прав у населения венчает все «юридическое здание» государства [4, с. 42].

Основной исторической предпосылкой формирования института прав, свобод и обязанностей российских подданных явились события первой русской революции. Модернизация политического строя повлекла за собой законодательное оформление данного института, который являлся неотъемлемым элементом общего процесса формирования конституционных отношений в Российском государстве. Начало формирования института прав и свобод российских подданных

[1] © Левкина Е. С., 2023.

было положено указом 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». На Комитет министров возлагалась обязанность «озаботиться изысканием мер для водворения законности, расширения свободы слова, веротерпимости, местного самоуправления, устранения излишних стеснений инородцев и всяких исключительных законов».

Следующим шагом, сделанным верховной властью, явилось издание 18 февраля 1905 г. Рескрипта «О возложении на Совет министров, сверх дел, ему ныне подведомственных, рассмотрение и обсуждение поступающих на имя наше от частных лиц и учреждений видов и предложений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния», согласно которому население получило право обращения к императору с петициями и ходатайствами. Реакция со стороны общества была незамедлительной: по всей стране прошли сотни собраний, на которых были составлены прошения на высочайшее имя, содержащие предложения по реформированию различных сфер общественной и государственной жизни.

17 апреля 1905 г. Указом «Об укреплении начал веротерпимости» любому совершеннолетнему российскому подданному было даровано право исповедовать любое христианское вероучение и были отменены все прошлые, не соответствующие новому постановлению законы. Были значительно расширены права старообрядческих и сектантских общин, не носивших «изуверского» характера. Среди кругов либеральной общественности указ был встречен положительно и на страницах газет ему была дана оценка, как «первой серьезной уступке в деле свободы духа» [5].

Формирование субъективных избирательных прав происходило на основе серии актов, изданных в период с августа по декабрь 1905 г., что дало возможность населению принять участие в государственном управлении. Избирательные права были дарованы весьма ограниченному кругу лиц, но это вполне укладывалось в западноевропейские каноны: отстранение от участия в выборах женщин, учащихся, лиц, не имеющих определенного места жительства, маргинальных слоев населения.

Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» знаменовал собой веху в процессе становления прав и свобод российских подданных, закрепив политические права и свободы, прежде никогда не существовавшие в России. По мнению А. С. Тумановой, Манифест 17 октября 1905 г. «как акт, ликвидировавший политическое рабство» возможно сравнить с Манифестом 19 февраля 1861 г., «отменившим гражданское рабство» [3, с. 278]. Манифест предоставил населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [6]. Лейтмотивом этого документа в области прав и свобод можно признать то, что права носили внесословный характер.

Принципы, закрепленные Манифестом, получили свое законодательное оформление в серии Временных правил. 4 марта 1906 г. были изданы два указа: «О Временных правилах об обществах и союзах» и «О Временных правилах о публичных собраниях». Издание в один день этих актов не являлось делом

случая, ведь союзы и собрания имели родственную юридическую природу, так как являлись выразителем общественного духа, но различались между собой по временным параметрам: союзы имели постоянный характер, тогда как собрания были объединением временным. Также Временные правила об обществах и союзах были призваны решить, в первую очередь, экономические задачи, связанные с деятельностью профессиональных союзов.

Существование и функционирование политических союзов (партий) регламентировалось не только Временными правилами, но и законодательными актами о выборах в Государственную думу. Еще одной важной юридической особенностью Временных правил об обществах и союзах являлось то, что это был по сути комплексный межотраслевой нормативный акт, который содержал в себе нормы административного, государственного, гражданского и уголовного права, в частности, им устанавливалась административная или уголовная ответственность за нарушение его предписаний.

Согласно Временным правилам, вводился явочный порядок создания обществ, если же предполагалось приобретение статуса юридического лица, а также если имелись отделения, то общество подлежало обязательной регистрации в губернских (городских) по делам об обществах присутствиях, которые могли и отказать в регистрации. Губернатору (градоначальнику) было предоставлено право приостанавливать деятельность обществ. Закрывались общества решением губернских (городских) по делам об обществах присутствиях. Общества должны были ставить в известность местные власти об изменениях в своем составе, устройстве общих собраний, организации отделений. Временные правила об обществах и союзах подверглись критике со всех сторон. Либеральная общественность посчитала их положения декларативными, консерваторы, наоборот, слишком революционными. По мнению А. С. Тумановой, «несмотря на отдельные ограничительные нормы Временных правил, следует признать, что создание обществ и союзов из особой милости правительства, предоставляемой отдельным лицам по своему усмотрению, превратилось в законное и законодательно закрепленное право граждан» [3, с. 201].

Проведение массовых мероприятий регулировалось, в первую очередь, Указом «Об установлении временных мер в дополнение действующих постановлений о собраниях» от 12 октября 1905 г. и Указом от 4 марта 1906 г. «О Временных правилах о публичных собраниях».

Указ от 12 октября 1905 г. в полной мере можно считать временным актом, так как он был принят в кратчайшие сроки, фактически без обсуждения, без экспертного мнения, которое обычно высказывали представители различных министерств и ведомств: основным назначением его являлось демонстрирование общественности, что решение по давно назревшему вопросу скоро будет принято. Он не устанавливал понятийного аппарата, не закреплял полномочия властей в сфере организации и проведения массовых мероприятий, его содержание сводилось к закреплению права подданных свободно собираться. Вмешательство властей было возможным, если собрания открыто носят незаконный характер, либо их проведение нарушает нормы уголовного и административного законодательства.

Указ «О Временных правилах о публичных собраниях» 4 марта 1906 г. уже удовлетворял требованиям, предъявляемым к законодательным актам, как в плане разработки, так и в плане содержания. А. И. Елистратов указывал, что «Временные правила 4 марта 1906 г., в противоположность старому законодательству с его безусловно отрицательным отношением к “сходбищам”, “скопищам” и “сообществам”, так или иначе признают в России начало свободы собраний и обществ. Но это совершенно новое для нашей административной практики начало еще с великим трудом укладывается в русскую жизнь» [1, с. 165].

Подвел своеобразную черту под законодательным закреплением прав и свобод российских подданных Свод Основных государственных законов Российской империи в редакции 23 апреля 1906 г. Впервые за все время существования Основных государственных законов в них появилась отдельная глава (гл. 8) «О правах и обязанностях российских подданных», в которой провозглашались и гарантировались личные и политические права и свободы населения России. Целый ряд историков и правоведов считали, что с его изданием права и свободы российских подданных наконец-то были введены в российское законодательство [6].

Рассмотрев закрепленные в ряде нормативных актов права и свободы российских подданных необходимо остановиться и на их обязанностях, тем более что в редакции Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. перечисление обязанностей предваряет список прав и свобод.

К обязанностям российских подданных были отнесены:

– защита «Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население, без различия состояний, подлежит военной повинности согласно постановлениям закона»;

– уплата «установленных законом налогов и пошлин, а также отбывать повинности согласно постановлениям закона» [6].

Кроме этого, российский подданный должен соблюдать постановления законов и «никто не может отговариваться неведением закона, когда он был обнародован установленным порядком».

Б. А. Кистяковский писал: «повиновение законам есть первая и наиболее общая обязанность граждан. В конституционном государстве эта обязанность приобретает особое значение и нравственную санкцию благодаря принципу господства права. На основании его обязанность повиновения законам является взаимной; повиноваться законам обязаны не только граждане, но и все власти и даже сам глава государства; притом каждый должен повиноваться законам и исполнять их в той сфере деятельности, которая ему предоставлена» [2, с. 563].

Таким образом, природа прав российского подданного в начале XX в. определялась как некие социальные возможности, реализация которых позволит полноценно и всесторонне ему развиваться.

Идея о предоставлении прав и свобод населению была крайне популярна в российском обществе и научном сообществе, но с определенными ограничениями. Подобный подход объяснялся, во-первых, тем, что уровень само- и правосознания основной массы населения России был крайне низкий, во-вторых,

опыт западных государств также свидетельствовал о выборочном наделении правами, особенно политическими, ставя их объем в зависимость от имущественного статуса лица.

Список литературы

1. Елистратов А. И. Административное право. М. : Типография товарищества И. Д. Сытина, 1911.

2. Кистяковский Б. А. Государственное право (общее и русское). М. : Московская типо-литография, 1910.

3. Туманова А. С., Киселев Р. В. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2011.

4. Чичерин Б. Н. Москва 40-х гг. М. : Издательство Московского университета, 1997.

5. Шингарева Н. В. Роль МВД Российской империи в разработке и реализации законодательства о веротерпимости и свободе совести во второй половине XIX в. – феврале 1917 г. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М. : Московский университет МВД России, 2006.

6. Яцкова А. П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М. : Московская академия МВД России, 2001.

Матиенко Т. Л.[1]***,***
профессор кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

КОНЦЕПЦИЯ «ОБВИНИТЕЛЬНОГО РОЗЫСКА» И. Я. ФОЙНИЦКОГО: К ВОПРОСУ О ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Проблема организации и правового регулирования досудебного производства привлекает внимание ученых в России более полутора века, и каждая реформа российского уголовного судопроизводства – 1860–1864 гг., 1922–1924 гг., 1958–1960 гг., 1991–2002 гг. – подогревала интерес к истории форм и институтов уголовного процесса и активизировала теоретические дискуссии о его прошлом, настоящем и будущем.

Особенностью научно-теоретических и научно-практических дискуссий, вызванных подготовкой и итогами реформы 1991–2002 гг., стала их сосредоточенность на проблеме института дознания [1; 2; 4; 7]. Недостаточность разработки концепции дознания конкретизировалась в его отдельных реорганизациях путем внесения изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ был увеличен срок производства дознания до 30 суток; Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ введено дознание в сокращенной форме и проч. Приобретенная в итоге шаткость правового регулирования предварительного расследования привела к продуцированию из среды ученых-процессуалистов предложений как о введении новой формы дознания – «прокурорское дознание» [3], так и инициатив о его упразднении как уголовно-процессуального института [5; 6; 7; 10].

Обращение к научному наследию крупнейшего представителя российской юридической науки Ивана Яковлевича Фойницкого в разработке историко-правового обоснования предложений по совершенствованию организации и правового регулирования дознания не случайно. Российская юридическая мысль второй половины XIX – начала XX в. активно обсуждала проблемы организации и правового регулирования предварительного расследования, возникшие в результате реформы уголовного судопроизводства 1860–1864 гг., «матрицей» которой послужила, как известно, континентальная (французская) модель, воплощенная во французском Кодексе уголовного расследования 1808 г.

Жаркие споры теоретиков и практиков уголовного процесса были сосредоточенны на критике главных недостатков этой модели, основные из которых: противоречие принципу состязательности судебного расследования и следственно-розыскных начал предварительного расследования; двойственность процессуальных полномочий судебного следователя (по меткому выражению В. К. Случевского, судебный следователь был обязан одновременно «собирать

[1] © Матиенко Т. Л., 2023.

... доказательства вины и невиновности и сосредоточивать в себе функции не только судьи, но также обвинения и защитника» [9, с. 272]); отсутствие в составе российской полиции специального субъекта дознания – судебной полиции; наконец, слабость полномочий прокурора («власти обвинительной») по отношению к органу дознания, то есть общей и специальной (жандармерия) полиции.

На этом фоне обсуждение вопросов о дознании отличалось вялостью дискуссий, комментаторы Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС) и теоретики уголовного процесса не выходили за рамки закона и солидарно понимали дознание как предметно-практическую негласную деятельность полиции под надзором и руководством прокурора, направленную на раскрытие преступления, а также, ссылаясь на ст.ст. 256–259 Устава, как производство неотложных следственных действий в указанных законом случаях. Взгляды И. Я. Фойницкого в этом ряду составили исключение. Он уделил проблеме дознания отдельное внимание, в отличие от других ученых-процессуалистов и практиков своей эпохи стремился к теоретическим обобщениям и разработал концепцию «обвинительного розыска», представляющую неотъемлемую часть его общего учения об уголовном процессе.

В работах И. Я. Фойницкого, как справедливо утверждает М. А. Чельцов-Бебутов, теория уголовного процесса как механизма реализации уголовного права получила классическое выражение [14, с. 816]. В изложении Фойницкого уголовный процесс – это «юридически определенный порядок производства уголовных дел в видах осуществления права наказания» [11; с. 2]. Он подчеркивал, с одной стороны, непосредственную и неразрывную связь уголовного права и уголовного судопроизводства [12, с. 3], а с другой – устанавливал и отстаивал самостоятельность уголовного процесса и, как следствие, автономность отрасли уголовно-процессуального права [12, с. 7]. Более того, как крупный ученый и практик, Фойницкий подчеркивал неразрывную связь уголовного процессуального и полицейского права, а также уголовно-процессуальной и полицейской деятельности: «меры предупредительные и тяжесть их соображаются с мерами уголовной репрессии и процессуального принуждения»; «уголовный процесс в весьма значительной степени определяется полицейскою деятельностью» [11, с. 4].

Идея «обвинительного розыска» И. Я. Фойницкого была тесно связана с его учением о публичном (уголовном) иске и о «личном начале» в уголовном процессе. Публичный иск он считал эффективным средством усиления начал состязательности в уголовном процессе: «Публичное или уголовное исковое прошение должно указывать лицо, обвиняемое в нарушении закона, и вменяемое ему преступление. Судебные действия ограничиваются исследованием виновности лица и преступления, именно обозначенного в исковом прошении» [13, с. 289]. Развивая учение о «личном начале» в уголовном процессе, Фойницкий заключил, что оно «требует полного выяснения личной вины, не допускает механического применения наказания, отстаивает права обвиняемого как личности (презумпция невиновности)» [14, с. 812].

Концепцию «обвинительного розыска» И. Я. Фойницкий выстраивает в противопоставлении с моделью дознания, сложившейся по УУС 1864 г. Опираясь

на историко-правовой метод, он прямо указывал, что российская модель дознания – рудимент инквизиционного процесса («наше дознание – это точное воспроизведение старогерманского ing. generals» [12, с. 356], то есть общего исследования в инквизиционном процессе). Другими главными недостатками дознания по УУС ученый считал: множественность его субъектов (например, оценивая значение Закона от 9 июня 1878 г. «Об усилении средств уездной полиции и временном положении о полицейских урядниках», он писал, что этот правовой акт «имеет в виду не определение природы дознания, а лишь прибавление полицейских органов, которые, между прочим, предназначаются и для целей дознания» [13, с. 320]); размытость правовых границ между предварительным следствием, которую российская юридическая мысль и законодательство относили к «деятельности судебной», и дознанием («наши судебные уставы ... недостаточно резкими чертами отделяют деятельность полиции от деятельности судебной» [13, с. 319]); слабость непосредственной процессуальной зависимости полиции при производстве дознания от прокурора («под некоторым лишь наблюдением прокуратуры» [12, с. 356]).

В разработке теории дознания И. Я. Фойницкий основывался на сравнительно-правовом анализе положений Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., Кодекса уголовного расследования Франции 1808 г., Устава уголовного судопроизводства Германской империи 1877 г. и практике российского правоприменения. Фойницкий, не возражая против общепринятой в российской науке процессуального права трактовки дознания с точки зрения его целей и задач в духе УУС, тем не менее, на период 1878–1879 гг. его назначение понимал иначе: «Теоретически, дознание есть деятельность не судебная; она имеет своею задачею собрать материал, необходимый для вчинания уголовного дела судебным порядком; дознание производится не в помощь суду, а в помощь лицам, возбуждающим судебное преследование, т. е. в помощь прокуратуре, и потому должно быть подчинено всецело прокурорскому надзору, давая ему материал, необходимый для предъявления уголовного иска» [13, с. 319–320].

Данная теоретическая конструкция дознания получила развитие и детализацию с 1888 г. в знаменитой работе И. Я. Фойницкого – «Курс уголовного судопроизводства», выдержавшую несколько изданий как на рубеже XIX–XX вв., так и в наши дни. Автор исходит из различения состязательного и инквизиционного судебного процесса по их базовым, сущностным характеристикам и представляет читателю две соответствующие им формы «несудебного исследования по горячим следам» [12, с. 356] – «обвинительный розыск» и дознание. И если в решении главной задачи – раскрытие преступления, «обнаружение виновника и его виновности» – они совпадают, то по всем остальным характеристикам различаются. Так, субъект «обвинительного розыска» прокурор, как публичный обвинитель, поэтому деятельность подчиненной ему «судебной полиции» (имеющей, собственно, своей задачей оперативное раскрытие преступления) «определяется волей и энергией обвинителя», а не «безличной волей закона через посредство различных органов, его исполняющих» [12, с. 356].

Обосновывая точку зрения о том, что руководство «обвинительным розыском» должно находится в руках прокурора, как обвинителя, И. Я. Фойницкий

пишет: «сосредоточиваясь в руках обвинителя, стоящего отдельно от суда и не составляющего низшей ступени его, розыск может продолжаться, несмотря на начатие по тому же делу судебного исследования. Нередко то и другое ведутся рядом, параллельно, и такая параллельность оказывается весьма полезной для целей правосудия» [12, с. 316]. Нетрудно заметить, что автор концепции проводит мысль о процессуальной самостоятельности прокурора и его роли, как субъекта уголовного процесса, принимающего решение о выдвижении публичного иска (обвинения), без чего не может быть начато и предварительное следствие. Более того, поскольку в основу обвинения положены исключительно результаты, полученные судебной полицией в ходе раскрытия преступления, то и предварительное следствие имеет пределы «как в отношении лиц, в нем указанных, так и в отношении вменяемых им деяний; за эти пределы следственный судья выступить не может» [12, с. 361]. Процессуальная независимость судебного следователя в этой конструкции обеспечивается принадлежащим единственно ему правомочием решать «судебный вопрос»: «Кто и в чем виноват?» Поэтому, как пишет Фойницкий, в ходе «обвинительного розыска» «приходится действовать в разных направлениях, изменять их и нередко в корне отступать от путей, первоначально избранных» [12, с. 361]. Здесь следует заметить, что именно об «обвинительном розыске», а не дознании (как это принято считать нашими современными авторами) Фойницкий писал, что «по существу своему это – деятельность несудебная, не формальная, и чем меньше она формальна, чем больше инициативы и самодеятельности принадлежит руководителю его, т. е. лицу, выполняющему функцию обвинения, тем более обеспечен успех ее» [12, с. 361].

Следует заметить, что концепция «обвинительного розыска» – это реверанс ученого в сторону германской модели предварительного расследования, введенной Судебно-уголовными кодексами Германской империи 1877–1878 гг., причем прямо он об этом не пишет ни в одной из работ, что может быть объяснено напряженностью отношений между Германией и Россией с 1879 г., когда в Европе после заключения Австро-Германского союза развернулась антироссийская информационная кампания. По германскому уголовно-процессуальному кодексу дознание было полностью сосредоточено в руках прокуратуры и находившейся в ее полном распоряжении судебной полиции, единственной задачей которой было раскрытие преступления. Прокуратура в Германской империи была единственным органом предъявления уголовного иска. Прокурор сам или при помощи вспомогательных органов полиции собирал все доказательства по конкретному уголовному делу и принимал процессуальное решение о привлечении подозреваемого на скамью подсудимых.

Перспективу эволюции российского предварительного расследования в направлении упрочения состязательности И. Я. Фойницкий усматривал в трансформации дознания в «обвинительный розыск», то есть в усилении полномочий прокуратуры по руководству деятельностью органами полиции при производстве дознания. Исходя из этих положений возникает соблазн отождествить концепцию «обвинительного розыска» Фойницкого с моделью «прокурорского дознания», выдвигаемой современными учеными-процессуалистами

и практиками предварительного расследования. Однако важнейшим и непременным условием практической реализации концепции «обвинительного розыска» Фойницкий считал реформу органа дознания, а именно создание в системе российской полиции его специального субъекта – судебной полиции: «Без судебной полиции невозможен надлежащий ход предварительного производства, идея же судебной полиции принадлежит к идее организации обвинительной власти и предполагает учреждение местных ее представителей, которые бы непосредственно руководили делом розыска, имели в своем подчинении низших чинов судебной полиции и выступали бы в качестве обвинительной стороны, под надзором более высших представителей обвинительной власти...» [11, с. 485–486].

Полагаю, что эта малоизвестная часть научного наследия И. Я. Фойницкого – концепция «обвинительного розыска» – может послужить современным авторам и исследователям ориентиром в их научных изысканиях в части разработки концепции предварительного расследования.

Список литературы

1. Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Критика современного УПК РФ: обоснованность, научность, прикладной характер // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 16–22.

2. Гаврилов Б. Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. С. 22–28.

3. Гирько С. И. Перспективы восстановления «прокурорского дознания» в уголовном судопроизводстве России // Colloquium-journal. 2019. № 17 (41). С. 104–109.

4. Джамиев М. Р. Правовая форма и содержание досудебного производства по уголовному делу: образ желаемого будущего // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 186–190.

5. Кузнецова М. С. Реформа предварительного расследования: перспективы развития // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 80–83.

6. Малышева О. А. О необходимости отказа от дознания как процессуальной формы расследования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9 (118). С. 80–92.

7. Семенов В. А. Проблемы совершенствования дознания как формы предварительного расследования // Общество и право. 2011. № 4. С. 257–262.

8. Сергеев А. Б. Проблема понимания сущности дознания в науке уголовного процесса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 5. С. 57–61.

9. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1892.

10. Супрун С. В. Дознание – сокращенное следствие? // Российский юридический журнал. 2010. № 5 (74). С. 138–142.

11. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. 2-е изд., пересмотр. Т. I. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1896.

12. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. 3-е изд., пересмотр. и доп. Т. II. СПб. : Сенатская типография, 1910.

13. Фойницкий И. Я. На досуге. Сборник юридических статей и исследований с 1870 г. Т. II. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1900.

14. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб. : Альфа, 1995.

Медушевская Н. Ф.[1]**,**
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ПОДВИЖНИЧЕСТВО И ПОДВИГ В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

В настоящее время мы находимся в состоянии переосмысления своих корней, ставим вопрос о необходимости формирования государственной идеологии, хотя в ст. 13 действующей Конституции Российской Федерации отмечается, что никакая идеология не может быть признана в качестве государственной, поскольку в России должно существовать идеологическое разнообразие. Вместе с тем в свете последних политических реалий актуализируется вопрос о необходимости идеологии, которая имела бы объединяющий характер и отражала потребности тех геополитических вызовов, в условиях которых сегодня находится наша страна. Мы слишком часто сосредоточивали свое внимание на исторических ошибках, что рождало у россиян чувство неуверенности и неуважения к себе, своей культуре, способствовало безоглядному эпигонству, появлению ощущения неуверенности в своих силах. Как отмечает Я. Д. Садовский, «одна из главных причин наших бед – это неуважение к себе, неуверенность в своих силах и с ними связанное слабоволие» [6, с. 539].

У нас сложилась привычка опираться на чужую мысль и опыт западной жизни. В 90-е гг. прошлого столетия это привело к нивелированию чувства патриотизма и нравственных ориентиров не только в верхних слоях нашего общества, в нашей элите, но и среди обычных граждан.

Но духовно-душевная жизнь каждого человека всегда основана на национальной психике, она же в свою очередь способствует формированию национального характера. Человек только тогда в полной мере может познать самого себя, когда он способен приобщиться к своей национальной культуре, своему языку, традициям, символам, истории. Поэтому в настоящее время самой настоятельной задачей становится выработка мировоззрения, основанного на осмыслении самобытной национальной культуры.

Обращение к историческому прошлому, его переоценка необходимы в связи с новым контекстом. Нельзя повторить то, что уже ушло из нашей жизни, прошлое невозможно реставрировать. Но обращение к историческому наследию, традиции способно наполнить его новым смыслом. Поэтому идеология может вдохновиться примерами из древности, переосмысленными в соответствии с современным нарративом.

Наша конференция посвящена памяти ученого, педагога, гражданина и патриота Артема Викторовича Давиденко, творчество которого подсказало название темы статьи. Во многих работах Артема Викторовича, в его педагогической деятельности перманентно присутствует обращение к героизму, подвигу наро-

[1] © Медушевская Н. Ф., 2023.

да, который на протяжении обретения своей цивилизационности вынужден был защищать свою страну, отстаивать ее независимость, защищать границы.

Вот некоторые из них: монография «“Содействовать против всех вражеских замыслов и покушений...”: труды и подвиги российской полиции в эпоху 1812 г. Очерки», статьи «Если мы забудем о победе, потомки забудут о нас», «Подвиг Бобруйской крепости», «Об исторической правде, героях и злопыхателях», «Воспитательный гражданско-патриотический потенциал исторической информации о вкладе полиции в спасение Отечества и подвигах российских полицейских в 1812 г. (в двух частях)» и др.

Рождение всякой национальной культуры происходило в определенном географическом ландшафте и под огромным влиянием религии. Народ, разбросанный на обширной территории, могла консолидировать только «идея сакральной государственности» [3, с. 228]. И в этом значимая особенность российской государственности и правовой традиции. Не вызывает сомнения тот факт, что Европа оказала существенное влияние на формирование российской цивилизации. Но еще Н. С. Трубецкой отмечал, что, если русские люди будут продолжать преклоняться перед европейской культурой и видеть в ней идеал и образец для подражания, она никогда не сможет найти своего самобытного пути развития и отделиться от Европы с целью создания самобытной культуры [8, с. 55]. Он пишет: «Евразийство отвергает безапелляционный авторитет европейской культуры» [7, с. 80]. Евразийцы утверждали основные принципы новой идеологии – это государственность, религиозность и патриотизм.

Итак, отсутствие идеалов, нивелирование духовности, возвышение материальных ценностей в угоду удовлетворению материальных потребностей сопровождается разрушением национальной самоидентичности, незаинтересованностью в труде, падением нравственности, правовым нигилизмом и неразвитостью юридического мировоззрения. Кризис ценностно наполненной жизни сопровождается утратой традиций национальной культуры, своих корней.

Выше отмечалось, что основой отечественной культуры и собственной правовой традиции является православная религия, оказавшая фундаментальное влияние на отечественное национальное самосознание, психологию народа. В этом смысле обращение к истокам, к традициям исихазма будет способствовать возрождению духа нации. А. М. Величко пишет, что «в условиях умирающей Византийской государственности монашествующие исихасты стали *единственными* носителями христианских традиций во всей их полноте, и победа исихастов предопределила на ближайшие века не только особенности церковной политики константинопольских патриархов, но и позволила сформировать группу лиц, несущих исихастские традиции по всем странам Востока, включая Древнюю Русь» [1, с. 127].

Исихазм возник в византийской теологии в IV в. как практика умного делания, уже в том время он обратил внимание на утверждение библейского понимания целостности человека. Еще Владимир Мономах в своем «Поучении» призывал «беспрестанно» и «втайне» молиться Богу: «Научитесь быть верными людьми, благочестиво все делать, евангельскими словами говорить, глазами

управлять, язык сдерживать, ум смирять и тело порабощать, помыслы добрые иметь, на добрые дела подвизаться ради Господа» [3, с. 30].

Христианство впервые глубоко проникло во внутреннюю жизнь индивида, одним из экзистенциалов которой является свобода. Бог даровал человеку свободу воли, которая не означает власть и господство произвола. Исихазм проповедует отказ от своеволия ради утверждения свободы духа путем обретения кротости и смиренности. Для принятия благодати Святого Духа человеку следует вести аскетический образ жизни, совершить подвиг, старание, проявить любовь. Любовь и свобода воли – однопорядковые понятия, притом свобода пестует ответственность человека как за содеянное, так и за и помысленное.

Единение души и тела ведет к целостности индивида, которое осуществляется в противоборстве страстям, поэтому формирование самосознания с самоанализом и умением управлять своим сознанием лежит в основе понимания человека, которое формируется в исихазме. Человек – творческое существо, он творит прежде всего себя, осмысливает свои цели, жизненное предназначение, и это всегда подвиг, борьба с самим собой. Как отмечает С. С. Хоружий, «подвиг – это и делание как таковое, процесс деятельности, практика (обычная и духовная), но это и особая установка, которая порождает данный процесс» [9, с. 72].

В исихазме подвиг связан с теозисом. Христианская аскеза в отечественной традиции синонимична подвигу, поскольку воздержание, самоотречение, отказ от страстей, борьба со своими инстинктами, пост и бдение, нестяжание имущества, умеренность, довольство малым требуют от человека огромного напряжения внешних и внутренних усилий, мужества и стойкости. Своеволие есть попустительство страстям. Главным условием прохождения подвига является искреннее смирение, без которого нет спасения.

В исихазме жизнь человека освящается всепроникающими Божественными энергиями, нужно лишь открыть свою душу навстречу Фаворскому свету, и уже тогда человек сможет ощутить несказанную радость Богообщения. Божественная энергия, приобщение человека к Божественному свету сообщает личности способность к любви, поскольку истинная любовь к Богу сопряжена с любовью к ближнему [4, с. 81–100].

Автор не ставит задачу подробно рассмотреть исихазм. Для нас он важен с точки зрения анализа подвигоподвижничества, формирования мужества, стойкости, героизма русского человека, которые характеризуют отечественную историю и аксиологию русской государственности. Следует подчеркнуть, что даже в безрелигиозные годы советский человек являл примеры удивительного героизма, мужества и патриотизма, корни которых уходят в далекое прошлое страны.

Православная традиция, сформировавшая характер россиянина, способствовала закаливанию физических и духовных сил. Исихазм проявил себя в деле укрепления российской государственности, которая имела для него политико-религиозный смысл единения славянства и соборности. Нил Сорский, говоря о почве подвигов, называл сердце и разум, мысль, а не тело, причем целью этих подвигов провозглашается самоусовершенствование.

Влияние исихазма на отечественную культуру неоспоримо, он способствовал формированию таких ценностных установок, как дисциплинированность, сдержанность, неприятие произвола, ответственность, приоритет духовного бытия.

Итак, благодаря православию в отечественной истории и историческом сознании формируется подвигоподвижничество. Подвиг как служение справедливости и правде способствовал укреплению российской государственности и нашел отражение в отечественной древнерусской литературе. М. В. Шахматов пишет: «Государство правды – *правление героя, подвижника, великомученика.* Где нет героя на престоле, хотя бы в представлении народа, там нет и правды, а только ее подделка» [10, с. 470]. Русский народ в течение веков ждал от власти самопожертвования и подвига.

Подвиги князей отражают глубокое содержание православной жизни, обязанности власти по сохранению единства и независимости. Эти подвиги связаны с очищающим страданием, они способствуют тому, к чему стремился исихазм – к теозису. Властитель подражает Христу в его страдальческом подвиге. Святая Русь придавала особое значение подвигам страстотерпцев. И в этом отношении практически первое упоминание о подвигах страдания мы находим в «Сказании об убиении Бориса и Глеба» начала XI в., которые пали от вероломной руки своего брата Святополка, замыслившего захватить земли своих братьев. Не желая кровопролития и междоусобной войны, Борис и Глеб приняли смерть от воинов дружины Святополка.

Особую значимость подвиги князей-страстотерпцев приобрели во времена татаро-монгольского ига. В памяти народной сохранился подвиг князя Михаила Черниговского, который, как пишет М. В. Шахматов, «решился на тяжкий подвиг страдания за веру Христову и за «люди Божиа», переменив «мимотекущее» на «присносущее» [10, с. 455].

Особо следует обратить внимание на подвиг великого князя Ярослава Всеволодовича и его тверских потомков. В 1318 г. великий князь Михаил Ярославич Тверской принял мученическую смерть за свою «дедину и отчину». Его сын Александр, внук Феодор окончили свои земные дни в Орде, приняв смерть за свою землю и русский народ.

Московские князья тоже не остались в стороне от подвигов страдания за родную землю. Как отмечает М. В. Шахматов, «вообще вся Куликовская битва велась, в противоположность битве при Калке, с определенным сознанием мученического подвига. Его сознавал не только сам князь, но и все соратующие с ним воины» [10, с. 458]. Дмитрий Донской – князь-подвигоположник, который объединил вокруг себя и своего подвига почти всю русскую землю. В Царственной и Степенной книгах получает развитие учение о подвигах князей-страстотерпцев. Отмечается, что возвышение Москвы напрямую зависит от княжеских подвигов.

Идеал подвига не исчезает из памяти народной, он связан с защитой страны от бесчисленных неприятелей, постоянно покушавшихся на целостность и суверенитет нашей страны. Этот идеал свидетельствует о добровольной направленности свободы воли на служение, справедливость и правду. В XVII столетии у русских

людей вера в Бога сливается с верой в государя, в этом ощущается влияние византийской теологии и ее доктрины сакрализации императорской власти.

Подводя итог, следует отметить, что кристаллизация традиционных ценностей, характерных для отечественной культуры и государственности, непосредственно связана с идеалом подвига, который имеет религиозные контуры и говорит о сакральном отношении к русскому миру в целом. Эти идеи должны составить суть воспитательных парадигм и образовательных программ, научить молодое поколение умению противостоять влиянию недружественных стран, выработать стойкую позицию и мужество ее защищать. И в этой связи нельзя не вспомнить слова А. В. Давиденко, который в своей диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук в 2001 г. писал: «Государство сейчас вспомнило о необходимости быть в глазах граждан сильным политическим агентом, обладающим достаточными властными ресурсами для поддержания оборонной мощи, защиты национальных интересов на мировой арене, утверждения «диктатуры закона» и общественной стабильности внутри страны. Но при этом государство призвано обеспечивать и защищать условия, необходимые для свободы законной экономической и политической активности своих граждан» [2, с. 255].

Список литературы

1. Величко А. М. Исихазм в праве и политике. М. : Вече, 2019.

2. Давиденко А. В. Эволюция правомонархических концепций политического устройства России, 1900–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Хабаровск : Хабаровский государственный педагогический университет, 2001.

3. Исаев И. А., Золотухина Н. М. История правовых учений России : хрестоматия. М. : Юристъ, 2003.

4. Медушевская Н. Ф. Интеллектуально-духовные основания российского права. М. : СГА, 2011.

5. Пащенко В. Я. Идеология евразийства. М. : МГУ, 2000.

6. Садовский Я. Д. Оппонентам евразийства. Письмо в редакцию // Евразийство: Исход к Востоку. СПб. : Лимбус Пресс, Издательство К. Тублина, 2022. С. 531–552.

7. Трубецкой Н. С. Мы и другие // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М. : Наука, 1993. С. 77–89.

8. Трубецкой Н. С. «Русская проблема» // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М. : Наука, 1993. С. 49–58.

9. Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. М. : Издательство гуманитарной литературы, 1998.

10. Шахматов М. В. Подвиг власти. Опыт по истории государственных идеалов России // Евразийство: Исход к Востоку. СПб. : Лимбус Пресс, Изд-во К. Тублина, 2022. С. 451–472.

Мельник Е. В.[1]*,*
доцент кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА В УСЛОВИЯХ ПОДГОТОВКИ К ВОЕННОМУ ПРОТИВОСТОЯНИЮ С ЗАПАДОМ (НА РУБЕЖЕ 1920–1930-Х ГГ.)

Рубеж 1920–1930-х гг. выбран не случайно. Это время, когда разразился мировой экономический кризис, названный впоследствии Великой депрессией. Именно в этот период решались судьбы многих государств, в том числе и Советского Союза. И хотя экономический кризис и его последствия прямо не затрагивали Советское государство, угроза для него не только не уменьшалась, а наоборот, в разы возрастала. Капиталистический мир поворачивал на военный путь решения проблем.

Завершив восстановление народного хозяйства после разрушительных событий Первой мировой и Гражданской войн, Советское государство решало для себя главный вопрос – выстоять очередной раз под натиском враждебного капиталистического окружения. Дискуссии по поводу дальнейшей модернизации Советского Союза показали, что не все понимали сложность момента, который заключался в том, что скачок в развитии надо было сделать за очень короткий промежуток времени. Будучи более практиком, чем теоретиком, И. В. Сталин совершенно точно обозначил остро стоявшую проблему: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [15, с. 38]. Исходя из этого, был сделан выбор в пользу ускоренной модернизации Советского государства.

Таким образом, доминирующим фактором, определявшим развитие системы органов внутренних дел в целом в рассматриваемый период, становится всемерное повышение обороноспособности и мобилизационной готовности. Состояние «осажденной крепости» было вызвано сначала увеличением числа мелких и крупных антисоветских провокаций, а со временем и объявленным Западом в 1930-е гг. «крестовым походом» против коммунизма. Темпы и масштабы глубочайших социально-экономических преобразований – коллективизации и индустриализации – обуславливались именно угрозой нападения на Советский Союз.

Задачи, которые ставило перед собой Советское государство, требовали привлечения к их решению основной массы населения и жесточайшей экономии бюджетных средств.

Это нашло отражение и в работе советского уголовного розыска.

В одном из докладов начальника Отдела уголовного розыска (ОУР) РСФСР за 1928 г. отмечалось, что «приемы царского сыска оставили следы в милиции советской республики до 1921 г.». Начало планомерной организации уголовно-

[1] © Мельник Е. В., 2023.

разыскных учреждений относится к апрелю 1922 г., когда было создано самостоятельное Управление уголовного розыска республики, подчиненное непосредственно НКВД РСФСР. Такая централизация уголовного розыска дала единство построения органов борьбы с уголовной преступностью [14]. В 1923 г. был создан Отдел уголовного розыска Центрального административного управления (ОУР ЦАУ) НКВД РФСФР, а Управление расформировано. На протяжении всего периода своего существования ОУР ЦАУ с органами НКЮ и ВЧК (потом ГПУ и ОГПУ) имел довольно неопределенные взаимоотношения, которые постоянно уточнялись. В декабре 1927 г. вместо ЦАУ были созданы три отдела: милиции, уголовного розыска и административного надзора. Начальник милиции возглавил отдел милиции, а начальник отдела уголовного розыска стал его заместителем.

В июле 1930 г. ОУР НКВД РСФСР был преобразован в Управление уголовного розыска (УУР) НКВД РСФСР. В состав последнего вошли: активная группа, секретная часть, Бюро научно-технической экспертизы и Центральное регистрационное бюро.

Поскольку преступность продолжала расти, требовались меры по борьбе с ней на уровне регионов. С августа 1930 г. в структуру Управления вошли отделы: административно-организационный, милиции, уголовного розыска, мест заключения и принудительных работ.

По предложению И. В. Сталина 15 декабря 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О ликвидации наркоматов внутренних дел союзных и автономных республик» [13]. При Совнаркомах союзных республик были образованы Главные управления милиции и уголовного розыска, а в краях и областях соответствующие управления при исполкомах местных Советов. Одновременно ЦИК и СНК СССР приняли Постановление «О руководстве органами ОГПУ деятельностью милиции и уголовного розыска» [9, с. 280–281], которое стало первым шагом по преодолению децентрализации милиции. Согласно данному документу подразделения ОГПУ СССР на местах получили право формировать кадровый состав милицейских подразделений.

Для реализации этих функций в структуре центрального аппарата ОГПУ СССР была создана Главная инспекция по милиции и уголовному розыску, а в территориальных подразделениях ГПУ – особые инспекции по милиции и уголовному розыску. Под контроль ОГПУ передавалась деятельность не только штатных сотрудников милиции, но и агентурной сети уголовного розыска. Однако, несмотря на фактическое подчинение органов внутренних дел ОГПУ, надзор последнего за деятельностью милиции оставался негласным до конца 1931 г.

В докладной записке 1929 г. в СНК РСФСР говорится о значительном сокращении штатов уголовного розыска и что такое «ослабление аппарата ставит под угрозу всю его работу, самоочевидным становится минус, который неизбежен в работе Угрозыска, не располагающего достаточными людскими резервами» [2].

Советским руководством ставилась задача изучить на практике способы привлечения общественности, для выработки и придания местам единообразных методов работы. Для реализации данного курса было принято Положение «Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска» (Осодмил)

в 1929 г. [10]. Следует отметить, что в многочисленных обсуждениях и заключениях по проекту данного Положения говорилось об усилении взаимодействия Общества с Уголовным розыском, обращалось внимание на то, что в основном деятельность Общества касается милиции. Впоследствии члены Осодмила стали своеобразным резервом для пополнения кадрового состава милиции и уголовного розыска. Спустя три года, в 1932 г., СНК РСФСР постановил реорганизовать общества содействия органам милиции и уголовного розыска в бригады содействия милиции (Бригадмил) [11].

Помимо вовлечения общества в работу правоохранительных органов, ставился вопрос о выработке наиболее оптимальных решений по осуществлению контроля над уголовно-розыскными учреждениями.

Еще с конца 1920-х гг. в документах постоянно звучало, что «необходимо организовать при помощи секции горсоветов систематический контроль над работой милиции и ввести регулярную отчетность органов милиции и уголовного розыска перед населением» [8]. Для контроля за уголовно-розыскными учреждениями утверждались планы по обследованию их деятельности и устанавливались графики проверок [3].

Из отчетной документации по итогам проверок губернских уголовных розысков следовало, что были «вскрыты целые панорамы преступлений». Из актов проведенных проверок следует, что «наиболее характерными и тождественными для всех «пораженных» розысков является: тесная связь личного состава розыска с преступным миром, взяточничество систематическое использование проституции и т. п.» [16]. Проверяющие приходили к выводу, что во многих случаях «отсутствовала грань между розыском и преступным миром в такой степени, когда трудно было отличить первого от последнего» [16].

Тревожные сообщения исходили также от заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды, который в декабре 1928 г. писал: «в целях своевременной ликвидации со стороны НКВД выявляющихся нездоровых явлений в аппарате уголовного розыска и недопущения в будущем положения, подобного создавшемуся, в Смоленске, Твери, Костроме и др. местах, прошу Вашего согласия на издание НКВД и ОГПУ совместного циркуляра, проект которого прилагаю... Необходимо принимать все меры, для быстрого оздоровления аппарата... О всех преступлениях сотрудников уголовного розыска незамедлительно сообщать в Центр» [7].

Обращает на себя внимание также и то, что в проводимых социалистических соревнованиях среди уголовных розысков РСФСР в 1929 г. среди объектов оценки их деятельности как обязательный стоял пункт «служебные преступления и дисциплинарные проступки работников Угрозыска» [6]. Работа милиции и уголовного розыска в области борьбы с преступностью, несмотря на значительные достижения, не может быть признана вполне удовлетворительной; при повышении процента раскрываемости, процент нераскрытых дел продолжает оставаться высоким. Так, в 1927 г. раскрыто –53,8 %; в 1928 г. – 59,4 % [1]. Высокий процент является лишь кажущимся, на самом деле в число раскрытых попадают те дела, где розыска фактически не было. Для уменьшения процента нераскрытых преступлений работники не производят регистрацию за-

явлений, по которым розыск будет неудачным; вместо прекращения дела за недостаточностью улик – направляют в суд для оправдания; в случае крупных хищений вместо поиска преступников привлекают к ответственности должностных лиц за неправильное хранение и т. д. [5] Большинство преступлений в рассматриваемое время совершается не рецидивистами, а людьми случайными, борьба с которым значительно легче. Таким образом, уголовному розыску было над чем поработать.

В марте 1931 г. особым приказом ОГПУ всем сотрудникам госбезопасности в центре и на местах предписывалось проводить активные мероприятия по чистке личного состава милиции и уголовного розыска. Из докладной записки начальника секретно-оперативного управления ОГПУ Г. Г. Ягоды от 20 октября 1932 г. : «из милиции 30 000 вычищено, ряды усилены кадрами ОГПУ, РККА, мобилизованными коммунистами» [4].

Переподчинение милиции и уголовного розыска ОГПУ в начале 1930-х гг. объективно способствовало дальнейшей профессионализации ее деятельности и повышению правового статуса работников внутренних дел. Кроме того, усилилась ответственность милиции за результаты своей деятельности.

Постановлением ЦИК и СНК СССР 3 февраля 1931 г. милиция была приравнена в отношении важнейших льгот и преимуществ к военнослужащим. Вместе с тем повышался и спрос за результаты ее работы, усиливалась воспитательная работа с личным составом.

В декабре 1932 г. было создано Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) при ОГПУ СССР [12]. Начальник ГУРКМ становился заместителем председателя ОГПУ. Это решение должно было повысить эффективность борьбы с преступностью.

В марте 1932 г. в составе Оперативного отдела ОГПУ создано Общесоюзное научно-техническое отделение (НТО), которое включило в себя НТО ГУМ и УР при СНК РСФСР. Вскоре Общесоюзное НТО стало центром криминалистической экспертизы в стране и организатором научной работы по криминалистике в милиции.

Итогом всей этой преобразовательной деятельности стало создание союзно-республиканского наркомата внутренних дел СССР в июле 1934 г. В состав этого учреждения вошло Главное управление государственной безопасности, бывшее ОГПУ, Главное управление милиции (ГУМ), Главное управление пограничных и внутренних войск, Главное управление пожарной охраны, Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений, отдел записи актов гражданского состояния. Уголовный розыск вошел в состав ГУМ на правах отдела.

Согласно Постановлению ЦИК, НКВД СССР 13 июля 1934 г. издал приказ «Об организации органов НКВД на местах», по которому во всех союзных республиках, кроме РСФСР, вновь создавались республиканские НКВД. В РСФСР вводился институт уполномоченных НКВД СССР.

В заключение можно отметить, что в рассматриваемый период началось превращение «России лапотной» в могучую индустриальную державу, что сопровождалось столь же ощутимыми результатами по наведению порядка. Ар-

хивные материалы показывают, что для этого приходилось преодолевать значительные трудности, корнями уходившие в предшествующие годы, поэтому достичь заметных результатов, что называется в одночасье, было невозможно.

Список литературы

1. Доклад НКВД РСФСР о состоянии и работе милиции и уголовного розыска 1929 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 83. Д. 2. Л. 38–48.

2. Докладная записка в СНК РСФСР за 1929 г.// ГАРФ. Ф. 393. Оп. 83. Д. 1. Л. 206.

3. Докладная записка начальника ОУР народному комиссару внутренних дел 27/VII –... // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 78. Д. 66. Л. 24.

4. Из докладной записки начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ Г. Г. Ягоды секретарю ЦИК СССР А. С. Енукидзе о состоянии и работе РКМ Союза (к XV-летию ее существования) от 20 октября 1932 г. // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1413. Л. 2–19.

5. Информационная сводка за время с 1-го по 16-е сентября, октября, ноября 1921 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 23 а. Д. 17. Л. 44–52.

6. Объекты социалистического соревнования для уголовных розысков // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 83 Д. 7. Л. 91.

7. ОГПУ Ягода ОУР 8 декабря 1928 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 83 Д. 6. Л. 169–170.

8. Письмо в Президиум ВЦИК от 8 сентября 1928 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 78. Д. 15. Л. 548.

9. Политбюро и органы государственной безопасности : сборник документов. М. : Кучково поле, 2017. 800 с.

10. Положение об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска (ОСОДМИЛ) 1929 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 83. Д. 2. Л. 7.

11. Постановление СНК РСФСР о реорганизации обществ содействия органам милиции и уголовного розыска от 29 апреля 1932 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1932. № 38. Ст. 173.

12. Постановление ЦИК и СНК СССР об образовании Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР от 27 декабря 1932 г. // Правда. 1932. № 358.

13. Постановление ЦИК и СНК СССР о ликвидации Народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик от 15 декабря 1930 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1930. № 60. Ст. 640.

14. Предложения по докладу начальника отдела уголовного розыска 1928 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 78. Д. 14. Л. 58–61.

15. Сталин И. В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М. : Госполитиздат, 1951. С. 29–42.

16. Циркулярное письмо краевым, областным, губернским и окружным прокурорам 1928 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 78. Д. 77. Л. 132.

Михалев С. В.[1]**,**
доцент кафедры философии
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат философских наук

ЗАДАЧИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Если задуматься о будущем человека и общества, невольно встает вопрос о главном: чем это будущее будет определяться? Общественная жизнедеятельность людей задается ценностной ориентацией, по принципу что мыслим, то и являем. В той связи уместно высказывание А. Эйнштейна: «В жизни важен не успех, а смысл».

Одно из основных духовных состояний человека – это патриотическая направленность, то есть патриотизм. Именно это состояние и определяет будущее нашего отечества. Патриотизм, это *«выводное»* состояние, представление человека о своем предназначении в жизни, которое соотносится с базовыми нравственными принципами.

Современное общество в настоящее время отчетливо демонстрирует агрессию и ненависть. Как противодействию этому Российская Федерация проводит Специальную военную операцию (СВО) на территории Украины для последующей коррекции общественных отношений в формате базовых духовно-нравственных ценностей. Цели СВО, которые безусловно будут достигнуты, задают уверенную перспективу как международных, так и межличностных отношений.

Складывающаяся обстановка в России в настоящее время активно определяет патриотический вектор граждан России. В то же время можно выделить ряд факторов, которые не способствуют адекватной мотивации человека, формирующего патриотизм и жертвенность.

Классический вопрос – в каком состоянии человек находится постоянно? Ответ – в состоянии ограничения! Человек должен являть свою идею, через адекватное ее (идеи) понимание. Через научение сознательному ограничению, человек являет свою идею. Простой пример – «в чем смысл жизни человека» – это вопрос? Увы нет. Смысл жизни заключается в единственном – стать человеком, воплотить в себе идею человека.

Потребности человека достаточно субъективны. Это финансовое благополучие, достаток и социальный статус. Интересы – это способ, которым человек удовлетворяет потребности. Цели – это планы на жизнь, можно сказать, мечта, к которой стремится человек, и именно то, для чего мы живем. Есть, к сожалению, множество мнений о том, в чем заключается смысл жизни человека на земле. Сколько существует людей, столько и мнений. Тут как нельзя кстати подходит фраза К. Маркса: «Бытие определяет сознание» (материалистическая

[1] © Михалев С. В., 2023.

концепция). То есть, именно окружающая нас действительность определяет наши потребности и цели.

Но вместе с тем, онтологическая сущность человека должна найти свою реализацию только в идеи человека, а не в том, что придумывает сам человек. Это догма, которая должна войти в нашу жизнь. Это, пожалуй, и есть главное самоопределение личности по жизни. Либо мы это воспринимаем, либо нет (феномен свободы выбора), что в конечном счете служит главным вектором мотивации человека.

Если мы этого не понимаем, сам человек не определяется в главной ценностной ориентации, и при этом запускается процесс «расчеловечивания», «...между тем существует вполне реальная угроза расчеловечивания. Сегодня многие говорят об антропологической революции, которую иногда понимают как антропологическую катастрофу» [2, с. 6].

Еще одним из факторов, определяющих неадекватную мотивацию человека, является отсутствие настоящей религиозности. Религия – это связь человека с Богом, по большому счету с «причиной» человека. В советское время религия мыслилась как «опиум для народа» уводящего индивида от правящей идеологии. Непонимание «религии», как важнейшего атрибута нашего общества порождает неспособность человека понимать самого себя, в конце концов – развиваться вне образовательного, национального, культурного контекста, развиваться по своей сути.

Хотелось бы привести высказывание Иисуса Христа в Евангелии от Матфея: «И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» *(Мтф. 4: 19)*. Уникальная фраза – *«сделаю вас ловцами человеков»*. Вся система образования и воспитания должна стать главным методом становления человеческого в Человеке, через адекватное представление о смысле бытия человека, на основе духовно-нравственных ценностей.

К следующему фактору можно отнести *непрописанность* духовно-нравственных критериев образовательного и воспитательного процесса.

Кризис современного образования в Российской Федерации в значительной мере касается аспектов организации обучения студентов в высшей школе [5, с. 86]. Автономия высшего образования в определенной мере поспособствовала утрате единства в подходах к организации образовательного процесса, понимания его субъектами ключевых принципов, на которых строится парадигма высшего образования. В беспрецедентных условиях развития внешней среды, когда Российское государство вступило в борьбу с недружественными силами за новый мировой порядок, во главе которого, помимо многополярности уклада, должны лежать традиционные ценности, диалог и уважение культур и религий [9], одной из первоочередных задач общественного развития и содействия государственной политики выступает устранение проблем и противоречий внутри страны, в особенности в системе образования, которая призвана воспитывать ответственных и осознанно ведущих себя граждан – фундамента будущей устойчивой и всесторонне развитой государственности, носителей и хранителей общероссийских ценностей, традиций, культуры. Примечательна мысль немецкого философа, представителя философии жизни О. Шпенглера

о том, что «история без нравственного целеполагания – это окончательный закат Европы» [10, с. 11]. На наш взгляд, данное замечание применимо ко всем странам, в том числе и к Российской Федерации.

Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» дает возможность образовательным учреждениям самостоятельно выстраивать образовательный и воспитательный процесс. Однако, образовательные учреждения высшего образования при выстраивании этого процесса иногда не дают четких формулировок в подходах к профессионально-нравственным критериям по формированию духовно-нравственных качеств личности.

Безусловно, студенты определенных специальностей, направлений подготовки изучают этику как раздел философии, как особую учебную дисциплину, в частности, погружаются в историю и современность этических учений. Некоторые дисциплины базовых и специальных курсов подготовки содержат разделы о профессиональной этике, пропедевтике нарушений этических норм и правил.

Однако, руководствуясь объективной оценкой состояния морали и нравственности в молодежной среде, можно констатировать, что одного лишь изучения этических дисциплин, тем более, разделов в учебных курсах, формирующего фрагментарные и поверхностные знания, для радикального улучшения нравственного состояния российской молодежи недостаточно.

Безусловно, студенчество как период осознанного и системного взросления, остается сложным периодом становления личности молодых российских граждан. За студентами исторически закрепились ярлыки бунтарей и вольнодумцев, и деструктивное в целом участие студенческой молодежи в кризисных социально-политических процессах современности подтверждает актуальность проблематики. Именно студенты становятся социальной основой некоторых радикальных движений, в том числе базой участников (от сочувствующих до активных членов) запрещенных организаций; студенческая молодежь зачастую составляет костяк присутствующих на несогласованных, незаконных массовых мероприятий, проводимых недружественными силами [1].

Соответствующие обстоятельства вовсе не отражают реальных симпатий студенческой молодежи – как показывает исторический опыт и в соответствии с актуальными представлениями в области возрастной психологии [8], по мере взросления у многих молодых граждан сформируются более адекватные представления об окружающем мире, общественно-политических процессах и своем месте в них. Однако до прихода к такому пониманию нередко доводится пройти длительный путь, в том числе через пробы и ошибки, которые для некоторых юношей и девушек могут оказаться роковыми.

Важно понимать, что нравственные аспекты, формируемые в процессе получения высшего профессионального образования, имеют как универсальный (общечеловеческий), так и профессиональный компонент, характеризующий этические установки в получаемой профессии и, порой, имеющий значительные вариации. Усиленные требования к профессиональной этике предъявляются в системе образования, медицинской деятельности, а также, например, в области государственной службы, в том числе – и в особенности – к личному со-

ставу правоохранительных органов Российской Федерации, призванному не только соблюдать жесткие морально-нравственные ценности, пронизывающие все ключевые аспекты профессиональной деятельности, но и выступать *безусловным этическим ориентиром в современном обществе.*

Помочь не допускать ошибок, учиться и воспитываться на позитивных примерах, трансформировать социальную группу, именуемую студенческой молодежью в осознанных граждан, продуктивно влияющих на государственное развитие в его сложнейший период, – это важнейшие задачи организации образовательного и воспитательного процесса в современной системе высшего профессионального образования в Российской Федерации.

Представляется целесообразным укреплять и развивать *профессионально-нравственные критерии в образовательном процессе* в системе высшего профессионального образования в России.

Как отмечено в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [7], *образование* – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, *являющийся общественно значимым благом* и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства.

В системе профессионального образования в учреждениях органов МВД России особое значение приобретает профессионально-нравственное воспитание, которое основывается «...на принятых в российском обществе нравственных принципах, ценностях, лучших профессиональных традициях органов внутренних дел Российской Федерации» (Приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 [4]. Соответствующий принцип следует распространить на все процессы высшего профессионального образования в Российской Федерации, и в особенности на вопросы профессиональной подготовки студентов по тем специальностям, где будущие профессии характеризуются повышенными и многогранными этическими требованиями.

В контексте внедрения (закрепления, в том числе, нормативного, и последующей устойчивой реализации) профессионально-нравственных критериев в образовательном процессе представляется исключительно важным уточнить аспекты оценки данного процесса с позиций этических требований (как универсальных, так и отраслевых, профессиональных, в совокупности составляющих этический универсум профессиональной подготовки в системе высшего образования в России).

Критерии профессионально-нравственного воспитания обучающихся, предлагается сформулировать следующим образом [6]:

– *основной критерий коллектива* – его способность выполнять поставленные задачи. Речь идет как о педагогическом коллективе учреждения высшего профессионального образования, так и – особенно – о коллективе (группе) студентов, то есть об универсальном критерии группового оценивания студентов с позиций профессиональной этики;

– *критерий образовательного процесса* – осознанное стремление обучающегося к получению нового знания (индивидуальный критерий этического оценивания);

– *критерий отношения человека с человеком* – способность жертвовать своими интересами ради ближнего, проявляющаяся по всем аспектам профессиональной подготовки, межличностных отношений, а также в быту;

– *критерий профессиональной деятельности* – проявление творческой инициативы. Инициатива должна охватывать все аспекты инноваций, при этом особо важно выделять этические аспекты инновационной профессиональной деятельности на всех этапах ее осуществления;

– *критерий интеллектуального развития человека* – осознанно видеть свои недостатки и стремиться к их устранению;

– *критерий руководителя* – способствовать развитию талантов подчиненных – в малых группах, в ситуационных условиях (деловые игры студентов) – как залог будущей результативной профессиональной деятельности с деонтологических позиций;

– *критерий категории «понимания (е)»* – внутреннее, позитивное изменение личности; может оцениваться с позиции позитивных изменений, профессионально-нравственных установок у студента как будущего профессионала, ответственного гражданина и сотрудника.

Подтверждением перечисленных выше тезисов может служить Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, утверждающий обновленную Стратегию национальной безопасности Российской Федерации. Особенностью Стратегии является определение девяти стратегических национальных приоритетов. Ключевой из них – «сбережение народа России, *развитие человеческого потенциала*, повышение качества жизни и благосостояния граждан» [6]. Под развитием «человеческого потенциала» следует понимать становление *духовной личности*, с адекватной мотивацией жизни в обществе.

Если формулировать *критерий воспитательного процесса* обучающихся, то ответ на это дает ст. 5 Указа Президента Российской Федерации № 809 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей», которая определяет «приоритет духовного над материальным».

Именно эти Указы Президента Российской Федерации задают вектор патриотического воспитания личности в контексте защиты традиционных духовно-нравственных ценностей.

Список литературы

1. Гражданский активизм студентов: риск деструктивных проявлений в Поволжском регионе / [В. В. Щебланова и др.] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 595–610.

2. Лекторский В. А., Щедрина Т. Г. Время философствует // Вопросы философии. 2022. № 9. С. 5–13

3. Михалев С. В. К вопросу о профессионально-нравственных критериях в организации образовательного процесса // Путеводитель предпринимателя. 2022. Т. 15. № 4. С. 79–80.

4. Приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» (документ опубликован не был).

5. Тульчинский Г. Л. Университетская этика и этикет в условиях цифровизации // Ведомости прикладной этики. 2021. № 58. С. 86–90.

6. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 7980.

7. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

8. Шаповалова И. С. Явления социальной девиации в рефлексии российской прогрессивной молодежи // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. 2021. Т. 76. № 1. С. 174–176.

9. Шарков Ф. И. Эскалация коллективным западом конфликта с Россией: информационные истоки и динамика развития // Коммуникология. 2022. Т. 7. № 1. С. 8–17.

10. Шпенглер О. Закат Европы. Гештальт и действительность: очерки морфологии мировой истории. М. : Эксмо, 2006.

Москаленко С. Г.[1]*,*
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат исторических наук, доцент

ФЕНОМЕН ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Фальсификации всемирной истории, национальных историй, в том числе истории России трансформировались в последнее время из области академических исследований и дискуссий в важнейшее направление агрессивных политических программ, в так называемую «политику памяти», утилитарно обслуживающую интересы военно-пропагандистских аппаратов недружественных России государств. Особо концентрированным нападкам фальсификаторов подвергается история России во все эпохи своей исторической эволюции, агрессивно деформируются целые пласты фактографии, связанные с историей государства, права, культуры религии нашего Отечества. Для решения задач государственного самосохранения России как никогда ранее необходимы академические реконструкции собственного прошлого, отвечающие самым высоким исследовательским стандартам. [5, с. 132; 3, с. 4–7].

Такая ситуация, по своему характеру являющаяся искусственной и инспирированной центрами недружественной России части мира, помимо традиционной и хорошо известной из эпохи холодной войны пропагандистской практики манипуляций фальсифицированным историческим материалом, поступательно и последовательно вытесняет академические исторические исследования из числа доминирующих государственных целей. Фальсифицирование истории за последние полвека существенно изменило статус, роль и функции в массиве средств государственного давления на Россию и на наших глазах превращается в колоссального монстра, вырастающего из попыток локально-фрагментарных искажений фактографии, осуществляемых в ходе реализации «политики памяти» в тотальное наступление на научное знание, в ходе которого более или менее систематизированные инкрустации фальсификатов трансформируются в грандиозную фальсификационную переработку всей массы фактов, концепций, нарративных представлений о всемирно-исторических процессах и особенно о роли и месте в этих процессах России. [1, с. 132–133].

В практику тотального фальсифицирования включаются миллионы профессионально обученных именно для подобных задач специалистов. Возникает нечто, напоминающее ватиканские конгрегации пропаганды в период расцвета католицизма в Европе. Это сложно структурированные институты с эффективной межведомственной координацией, связями с политическими центрами, занятые исключительно созданием ангажированной, подчиненной политическим установкам, фальсифицированной картины истории.

Таким образом, можно констатировать, что практика создания и распространения фальсифицированных картин истории приобрела в современном ми-

[1] © Москаленко С. Г., 2023.

ре черты тотального монолита, паразитирующего на результатах академических исследований, инспирируемого и внедряемого всеми средствами директивного манипуляционного принуждения государством и включенными в кооперационные связи с ним частными корпорациями в интересах текущих государственно-эгоистических интересов.

Картины прошлого, формируемые на основе восстановленной фактографии по традиционно-академическим критериям, поддающиеся верифицируемым интерпретациям, при любом несоответствии с фабрикациями институционализированных фальсификаторов, работающих под «куполом» государственного целеполагания и ресурсного обеспечения, подвергаются клеветническим атакам, дискредитированию в средствах массовой информации. Суждения, так или иначе связанные с историей, формулируются представителями вовлеченной в тотальное фальсифицирование части научной среды, политиками-популистами, актерами, музыкантами, спортсменами, что приводит к неизбежной банализации любых попыток неангажированных разговоров о верифицируемой истории.

Но чаще всего фальсификационный монолит оттесняет исторический академизм в зону полного игнорирования. После таких приемов борьбы с научной исторической мыслью престает быть необходимым прямое директивного подавление, хотя, конечно, не исключено и его применение в крайних ситуациях. Эти угрожающие условия находятся в центре внимания российского ученого сообщества, всесторонне анализирующего угрозы, исходящие от фальсификационного торнадо последних лет [6, с. 33].

Неподготовленному специально человеку трудно и подчас невозможно отличить тотальное жонглирование стилизованным под «прошлое» материалом в текущих политических интересах от верифицируемых результатов академических профессиональных историков. Более того, неподготовленным потребителем плодов деятельности организованных фальсификаторов предпочтение как правило будет отдаваться именно манипуляционным деформированным картинам прошлого, так как они создаются с обязательным развлекательным или потрясающим воображение обывателя «хоррорным» элементом. Тотальное фальсифицирование приобрело характер рациональной планомерно-целеполагающей технологии фабрикации, распространения и потребления фальсификационного контента широчайшими слоями людей в любой стране мира. Применительно к современной России сейчас, после формирования и распространения карикатурного образа всех эпох ее истории, мы видим грандиозную попытку перехода к удалению любых упоминаний о России из памяти человечества.

Приобретение технологией фальсифицирования глобального характера радикально сужает возможности противодействия фальсификациям средствами академической научной полемики. Активные наступательные формы борьбы с фальсификациями и фальсификаторами могут быть реализованы только в случае приобретения ими статуса государственной задачи. Для государственного и культурно-исторического выживания современной России требуется эффективная кооперация усилий академического сообщества историков и по-

литиков высшего ранга, необходимо разработать и применить систему нетривиальных ответов на самые серьезные вызовы в данной области.

Фальсифицирование истории России внутри мировой деэволюции исторического знания также претерпело существенную трансформацию, резко усилившуюся за последние несколько лет. Фальсифицирование истории России оказалось демаскировано мировым фальсификационным монстром, истинные цели этого грандиозного процесса перестали скрывать, начались открытые демонстрации военного, в сущности, характера процесса тотального фальсифицирования истории нашего Отечества. Теперь уже всем очевидно, что своими «исследованиями» истории России участники «фальсификационной революции» из стран коллективного Запада отнюдь не приближались к истине с помощью научных дискуссий или межкультурных коммуникаций, а посредством манипулирования историческим материалом добивались деградации, деинтеллектуализации и деморализации населения России.

Характер и последовательность событий специальной военной операции на Украине, как вынужденной чрезвычайной акции по демилитаризации и денацификации этой соседней страны, в рамках информационного освещения западных средств массовой информации демонстрируются без всякого камуфляжа по правилам информационной составляющей пропагандистских войн, в результате чего становится абсолютно очевидным, что отношение к прошлому России утратило последние атомы его научного понимания.

Фальсифицирование прошлого можно разделить на два типа: неизбежный так называемый «естественный» тип фальсификаций и злонамеренный, сознательный тип, разрастание которого и образует, к сожалению, основной аспект интеллектуальных усилий в сфере исторических знаний в странах коллективного Запада. Для достижения успехов в информационной войне, ядром которой является процесс глобализированного, тотального и наступательного фальсифицирования, необходимо превращение задач борьбы с фальсификациями в государственные цели, так как без такой трансформации противодействие злонамеренному (негативному) типу фальсифицирования не будет продуктивным и эффективным [4, с. 21; 3, с. 4–7]. Степень распространения естественного фальсифицирования, определяемого внутренней ограниченностью природы человеческого познания, эффективно снижается средствами неуклонного поступательного развития академической культуры исторических исследований.

Приходится с полной уверенностью утверждать, что негативная фальсификация истории России в современном гипертрофированном глобальном и тотальном статусе центральной части пропаганды, политики и практики холодной войны против Российской Федерации со стороны недружественных государств мира, уже неодолима инструментарием академической науки. Фальсифицирование истории России требует атрибутирования как вид ведущей к деградации страны разновидности военных действий в информационном поле.

Глобализированные и институционализированные в фальсификационный технологический монолит агрессивные деформации истории России, активно применяемые против России коллективным Западом, со всей очевидностью перестали быть одним из информационно-манипуляционных средств холодной

войны и трансформировались с одной стороны в информационное оружие массового поражения, а с другой стороны – в вариант прямых диверсионно-подрывных действий.

Трансформированное таким образом фальсифицирование вызывает разрушение культурно-исторических и культурно-психологических связей граждан страны с процессами и фактами истории России, делает невозможной естественную самоидентификацию на основе гордости подвигами предков, на чувстве причастности к великой исторической эволюции своего отечества. В результате такого информационного оболванивания в итоге, как искомый результат, формируется заниженная гражданская и психологическая самооценка, распространяется и фиксируется порочный карикатурный образ всей истории родного государства и всех его институтов.

Несомненно, что фальсифицирование истории не может не быть признано серьезнейшей угрозой национальной безопасности Российской Федерации, фактором деморализации и деинтеллектуализации ее граждан. Стратегия и тактика борьбы с тотальным фальсифицированием истории России не может обойтись без включения в комплекс средств противодействия средств и возможностей как академически-научного, политико-правового, так и силового отпора вплоть до подавления производителей, распространителей и реализаторов результатов деятельности профессиональных фальсификаторов.

Любой гражданин должен быть в такого рода условиях вооружен основными сведениями о специфике выработки научно-исторических знаний и представлений, владеть азбукой исследовательско-аналитических ресурсов классической, модернистской и постмодернистской научно-исторических традиций, различать фактографическую историю и интерпретационно-гипотетическую, уметь обнаруживать естественный фальсификационный компонент в академических трудах и злонамеренную фальсификацию в популярной исторической литературе, фильмах, компьютерных играх.

По отношению к тотальному фальсифицированию как мощной угрозе не следует преждевременно самоуспокаиваться. Массированная тотальная фальсификация предшествует в современном мире этапу практической реализации задачи военного уничтожения крупной и культурной страны, потому что именно с распространения и фиксации фальсификатов в сознании граждан назначенной на роль уничтожаемой жертвы страны начинается доведение населения до интеллектуальной деградации и деморализации. Фальсификационная картина истории фиксируется в сознании жертв отнюдь не добровольно, она директивно навязывается через находящиеся в монопольном распоряжении коллективного Запада средства массовой информации.

Коллективный Запад не просто создал эту колоссальную сферу глобального фальсифицирования, государства этого сектора мира осуществляют разворачивание деятельности фальсификационной сферы, направленной на государства, назначенные на роль жертв, как важнейшей части своей государственной практики в мирное и военное время. Затраты на функционирование этой сферы сопоставимы с ресурсами, поглощаемыми некоторыми секторами военной промышленности. В разработке технологий фальсифицирования и методов распро-

странения результатов деятельности этой сферы западной государственности, заняты так или иначе ведущие научные и финансовые центры, регулярно функционируют миллионы профессионалов, способных внешне наукообразно фальсифицировать что угодно, в любых масштабах и с любым результатом.

Мрачное значение формулы «контролирует будущее тот, кто контролирует прошлое» из романа Дж. Оруэлла «1984» уже несколько десятилетий не является просто фразой из художественной антиутопии. В современном глобализованном мире это не просто отлично понимают, но и реализуют в глобальных масштабах как одну из функций современной государственности.

Специальная военная операция на Украине, нацеленная на демилитаризацию и денацификацию этой бывшей союзной республики СССР, развившейся в феномен «Анти-Россия», стала поводом для демонстрации коллективным Западом принудительно-директивного установления исторического небытия России. Согласованные информационные атаки западных стран стали возможны только потому, что осуществляются на фундаменте тщательно разработанной и согласованной предварительно фальсификационной картины всемирной истории, где роль России от предельной минимизации и карикатуризации сведена к небытию.

Показателен в этой связи пример с термином «Русь». В рамках общей глобальной и тотальной фальсификации, сами являясь ее закономерным продуктом, одиозные украинские профессиональные фальсификаторы попытались наименование «Русь» присвоить не русскому народу, а украинскому. Подготовленный к профессионально-фальсификаторской деятельности австро-венгерскими кураторами «украинский» профессор Михаил Грушевский соединил термины «Украина» и «Русь» в один в названии своего многотомного сочинения («История Украины-Руси»), а современные шовинистические фальсификаторы истории Украины и России лишают русских и их государства права называться «Русью» и воспринимать «украинский» Киев как органическую часть истории России и центр древнейшей эпохи русской истории.

И это при том, что украинский язык в современном виде появился только в 1917 г., уже в ходе создания украинского государства на излете Первой мировой, на штыках германской и австро-венгерской армий, сначала УНР, затем Гетманщины, петлюровщины-Директории, махновщины и т. д. вплоть до бандеровщины. В советский период истории в рамках украинизации пытались экспериментально с социальными льготами научить несколько поколений южнорусских крестьян (а это десятки миллионов человек) новому искусственному городскому литературному языку, отличному от русского и от польского. На этом пути усиленной украинизации в разных формах достигли только двуязычия большинства регионов Украины.

Стремительная эволюция украинского шовинизма в радикальный нацизм и экстремизм, возникновение на рубеже веков странного ретронацистского государства предельно трансформировали угрозы Российскому государству вплоть до инспирации мирового кризиса и балансирования на грани термоядерной войны.

Проблема обострения неонацистских угроз со стороны Украины и ее коллективная поддержка западными государствами отнюдь не случайны: именно они выдвигают беспрецедентное фальсифицирование российской истории и текущей политики российского государства на передний край с точки зрения крайне опасных последствий для всех областей государственной жизни, для культурной, гражданской и индивидуально-психологической идентификации граждан России. Инспирированные коллективным Западом и осуществляемые украинскими идеологами масштабные фальсификации уже мутировали до состояния не просто образа мыслей или эмоциональной заряженности, а до уровня злонамеренных политических практик, пропитанных тотальным угрозами российскому государству, крайне заразными с точки зрения распространения предельно негативной самоидентификации граждан России с неустойчивыми мировоззренческими позициями.

Когда мы утверждаем, что роль России вычеркивается из всемирной истории, тем самым мы охватываем только часть целей и последствий современного тотального фальсифицирования. Современным западным профессионалам в области циничного злонамеренного фальсифицирования истории России и их украинским приспешникам этого уже мало. Перед грандиозным монстром фальсификационных технологий ставится задача приписать культурные, научные, военные, экономические достижения России за все эпохи ее истории другим народам и государствам, которые директивно будут вписаны в грядущую политкорректную версию всемирной истории вместо России. Становится хотя бы отчасти понятной беспредельная дерзость и цинизм украинских фальсификаторов, поскольку именно ретронацистскому государству «Украина» обещано место России в грядущем всемирно-историческом процессе. Именно киевские нацисты стремятся быть в первых рядах при реализации задачи damnatio memoriae – «проклятие памяти» – по отношению в прошлому русских и россиян, настоящему и будущему этого великого народа, созданного им огромного уникального государства со всемирным культурно-созидательным потенциалом. Фальсификаторы стремятся довести процесс искажений, игнорирования и прямых вымыслов до такого количественного вала, что в не столь отдаленном будущем даже следы реальной истории России, ее государственности и культуры можно было бы разыскать только с помощью построения сложных гипотез, включая логико-математические, чтобы хотя бы только предположить, что несколько столетий существовало огромное сильное государство с великой культурой мирового значения, игравшее ключевую мировую роль в решающие эпохи всемирной истории.

Закономерным следствием развития механизмов тотального фальсифицирования в современном мире становится возрастание доли негативной фальсификации над естественным фальсифицированием в общем объеме исторической информации. Этот тип фальсифицирования при своем доминировании неизбежно подтолкнет российское государство к коррекции средств борьбы с фальсификаторами и фальсифицированием. Не оставляя в необходимых случаях ученой аргументации, привлечения усилий академического исторического сообщества, требуется все же не столько переубеждать злонамеренных фальси-

фикаторов, сколько принуждать их к лояльности и пресекать функционирование в глобальном механизме фальсифицирования средствами государственной власти Российской Федерации, так как перед нами не невольные заблуждения профанов, а деструктивная, манипуляционная профессиональная деятельность, представляющая фактически военную опасность для нормального функционирования государственных институтов Российской Федерации и существования ее граждан.

Резюмируя восприятие, понимание и оценку состояния фальсифицирования истории России в современном мире, следует особо подчеркнуть, что фальсифицирование истории глобального и тотального характера, примененное в России, давно уже полностью вышло за пределы статуса одного из средств холодной войны и превратилось в разновидность прямых диверсионно-подрывных и психотеррористических действий. Эти действия, как и любой тип диверсионно-подрывной работы против Российской Федерации, приводят неизбежно к разрушению естественных культурно-психологических идентификационных связей граждан страны с событиями и процессами истории России, на их деморализацию, деинтеллектуализацию и дегуманизацию, на формирование в итоге предельно заниженной самооценки, злобного гротескного образа истории государства и его институтов. В этом качестве фальсифицирование истории должно быть признано серьезной угрозой национальной безопасности Российской Федерации, а противодействие ему должно включить в себя самый широкий комплекс приемов и средств вплоть до возможностей политико-правового и силового подавления источников инспирированной коллективным Западом массированной профессиональной фальсификации.

Проблема преодоления разрушительного воздействия фальсификаций истории по степени опасности является приоритетной для решения на всех уровнях государственной жизни, противодействие фальсификациям и фальсификаторам в контексте сохранения важнейшего культурно-исторического наследия [2, с. 115] интенсифицировались на протяжении последнего десятилетия и стало приносить позитивные результаты.

Список литературы

1. Лещев Е. Н., Харитонова Н. И. Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России: политический аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 6. С. 132–141.

2. Ливцов В. А., Пожидаев А. С. Проблема фальсификации истории в контексте реализации государственной политики сохранения историко-культурного наследия // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 5. С. 108–115.

3. Листов Я. И. Противодействие попыткам фальсификации истории России: научные и законодательные аспекты // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://duma.gov.ru/media/files/JAozx4tyAa5iVPVXEGD3Pe0IftlwNgew.pdf.

4. Лушин А. Н. Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России). // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 23. С. 23–25.

5. Москаленко С. Г. Противодействие фальсификациям истории российской государственности: теоретико-методологические проблемы // Философия права. 2022. № 2 (101). С. 132–136.

6. Ханин С. В. Фальсификация истории как инструмент подрыва национальной безопасности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 33–35.

Мурсалимов К. Р.*[1]*,
доцент кафедры
экономических и финансовых расследований
Высшей школы государственного аудита
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
кандидат юридических наук, доцент

ЗАЩИТА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ – ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ПРАВООБРАЗУЮЩИЙ АСПЕКТ

Преодоление современных кризисных процессов в социально-экономической и политической сферах российского общества, обусловленные давлением некоторых стран Запада и США, возможно посредством достижения стратегических целей и важнейших условий обеспечения национальной безопасности: повышения качества жизни российских граждан, удовлетворения их материальных, социальных и духовных потребностей [1].

В настоящее время сложилась ситуация, когда, с одной стороны, духовный иммунитет российского общества значительно ослаб, а с другой – количество источников духовных опасностей и угроз российскому обществу неуклонно возрастает. Поэтому необходимо возрождение нравственно-идеологических ценностей российского общества на основе модернизации духовно-культурной и государственно-правовой систем.

И здесь на первое место наряду с другими социальными институтами выходит институт государственно-правовой идеологии, имеющий серьезный исторический опыт духовно-нравственного влияния и способствующий более активной социализации населения в критические и переходные для общества периоды.

Общенациональная идея порождает четкие суждения о добре и зле в существующем мире. Идеология сама по себе способна играть решающую роль в поведении людей. За многие столетия своего существования идеология направляла развитие общества и служила решением социально-психологических проблем людей, побуждала их к полноценному служению обществу.

В современных условиях государственно-правовая идеология должна заполнить духовно-нравственный вакуум, образовавшийся в сознании россиян после исчезновения СССР. К этому предрасполагает не только складывающаяся политическая и экономическая ситуация в стране, но и историческая память российского народа, стремящегося к национальной самоидентификации в постоянно меняющемся мире.

По стечению обстоятельств именно сегодня российскому государству в наибольшей степени необходимо единение с гражданским обществом, как никогда нужны общенациональные силы, порожденные самим обществом, действующие во благо общества и отстаивающие интересы общества во взаимодействии с органами государственной власти.

---

[1] © Мурсалимов К. Р., 2023.

Консолидация гражданской позиции российских граждан необходима прежде всего для ускорения экономического и политико-правового роста России на международной арене. Современные интеграционные процессы диктуют необходимость переосмысления роли государства в мировом сообществе, прежние представления об этом общественном институте не утратили своего значения, однако требуется их существенная переоценка.

Глубинная трансформация международного сообщества детерминирует гомогенизацию мирового пространства, формирование единой государственности. Уже сегодня большинство стран придерживается одних стандартов ценностей, следует единым обычаям и нормам поведения. Причем происходящая в настоящее время унификация государственно-правовой сферы обусловлена не объективными потребностями интеграционного общественного развития, а целенаправленным воздействием стран «золотого миллиарда» на национальную государственность остальных стран. Фактически формируется единое международное пространство под давлением самых могущественных стран и транснациональных корпораций, при этом практически сводится на нет такая основополагающая составляющая государственности, как суверенитет. Государство-левиафан стремится ограничить самостоятельность во внутренних делах и независимость во внешних сношениях стран, не входящих в мировую экономическую элиту.

Сегодня цивилизационные факторы лежат в основе сближения гражданского общества, сохранения российской государственности, ее самобытности. На стадии перехода к консолидированному гражданскому обществу российское государство гарантом сохранения и развития культуры различных этносов.

Результатом современного процесса интернационализации должно явиться создание мирового сообщества, в котором приоритетным будет гуманитарное развитие. Экономический потенциал и возможности научно-технической революции станут основой формирования полноценного, духовно, культурно богатого человека; установления гражданского мира, согласия и сотрудничества между государствами.

При этом значительную роль в определении приоритетного значения духовно-нравственных начал в сфере государственного и международного развития отводится правообразующему процессу. Именно благодаря праву устанавливаются основополагающие всеобщие непреходящие ценностные духовные начала. Весьма показательным является принятие «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809, направленных на реализацию «стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» в части, касающейся защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2].

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (Ч. II). Ст. 212.

2. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019/.

Никитин А. Н.[1]***,***
профессор кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор

Никитина М. А.[2]***,***
старший научный сотрудник
ВНИИ МВД России

РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМАЦИОННОГО И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДОВ К ИСТОРИИ

1917 год был, несомненно, переломным в истории России. Некоторые исследователи считают, что в тот год произошла Великая русская революция. Это утверждение объединяет два эпохальных события, направленных на достижение диаметрально противоположных целей. Февральская революция должна была содействовать дальнейшему развитию капитализма в экономике, способствовать утверждению либерализма в идеологии, установить либо парламентскую монархию, либо демократическую республику.

Октябрьская революция такую перспективу отвергла, но что предложила взамен – до сих пор остается непонятно. Считается, что она положила начало движению страны по социалистическому пути. Однако при внимательном анализе данного утверждения с учетом событий, произошедших в конце XX в., причем как в контексте формационного, так и цивилизационного подходов к истории, возникают сомнения в его бесспорности.

Первым, как известно, применил формационный подход к Октябрьской революции В. И. Ленин. Руководитель большевистской партии еще до 1917 г. утверждал, что в России сформировался монополистический капитализм, такой же, как и в развитых странах. Правда, Россия является слабым звеном в цепи империализма из-за своей отсталости, но это только благоприятствует мировой революции – в России ее будет легче начать. Ленин не сомневался, что европейский пролетариат продолжит начатое русскими рабочими и, победив свою буржуазию, поможет им построить социализм в России.

Курс на построение социализма закрепил XIV съезд большевистской партии, состоявшийся в 1925 г. Уже в середине 1930-х гг. было официально объявлено о том, что в СССР построены основы социализма, а в конце 1950-х гг. – о полной и окончательной его победе. Провозглашенный в 1961 г. XXII съездом партии курс на развернутое строительство коммунизма после отставки Н. С. Хрущева был скорректирован, ставилась долгосрочная задача – совершенствовать развитой социализм. Однако в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в СССР и социалистических странах Европы произошло то, чего марксистская теория не рассматривала и к чему не были готовы ее сторонники, – реставрация капитализма.

[1] © Никитин А. Н., 2023.
[2] © Никитина М. А., 2023.

Этот феномен и сегодня объясняют субъективными причинами – либо предательством М. С. Горбачева, либо ошибками всего советского руководства, начиная с Н. С. Хрущева.

Цивилизационный подход позволяет дать иное объяснение, почему в СССР и социалистических странах Европы произошла реставрация капитализма, а главное – иначе объяснить причины Октябрьской революции. Следует подчеркнуть, что первым указанный подход к Октябрьской революции, объяснению причин, ее вызвавших, использовал опять-таки Ленин в последних письмах и статьях, написанных им в конце 1922 – начале 1923 гг. К этому времени ему окончательно стало ясно, что непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению оказался непосильной задачей и если не отступить, не ограничиться более мелкими задачами, то Советской власти угрожает гибель.

Более того, Ленин был вынужден признать коренную перемену всей точки зрения на социализм. По его мнению, перемена состояла в том, что если раньше центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти, то теперь центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную культурную работу, на «культурничество».

Поставить во главу угла культурную работу Ленину пришлось, во-первых, потому, что надежды на близкую победу мировой революции не оправдались, во-вторых, он был вынужден согласиться со своими оппонентами, заявившими, что России не хватает цивилизованности, чтобы в одиночку перейти к социализму. Последнее обстоятельство заставило Ленина иначе, чем прежде, объяснить причины Октябрьской революции. В 1923 г. он заявил: «И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистскую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?» [1, с. 380]

Цивилизационный подход изменил понимание Лениным того, каким будет социализм в России и как надлежит его строить. Вождь большевистской партии убеждал своих сторонников: строй цивилизованных кооператоров, то есть крестьян, торгующих по-европейски, культурно, при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма, а до победы мировой революции – а в ее неизбежность Ленин продолжал верить, – он предлагал развивать тяжелую промышленность, которая позволит удержаться не на уровне мелкокрестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне поднимающейся неуклонно вперед и вперед крупной машинной индустрии.

В конечном счете Ленин, во-первых, окончательную победу социализма в России стал отождествлять с победой мировой революции, во-вторых, понял, что развитие промышленности, особенно тяжелой, необходимо для того, чтобы сохранить Советскую власть.

После смерти Ленина в советском руководстве развернулась борьба по вопросу о возможности построения социализма в одной стране, конкретно в СССР. Троцкий считал, что подлинный подъем социалистического хозяйства

в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы, то есть в результате победы мировой революции. Более того, он указал на опасность буржуазного перерождения партии и государственного аппарата в случае ее задержки.

Лидеры «новой оппозиции» Зиновьев и Каменев утверждали фактически то же самое – строить социализм в одной стране можно, но построить его без победы мировой революции нельзя.

Сталин, ссылаясь на последние статьи Ленина, настаивал на том, что в СССР имеются все данные, необходимые для того, чтобы построить полное социалистическое общество. Более того, он заявил, что в противном случае «нечего было брать власть в октябре и устраивать Октябрьскую революцию. Ибо если возможность и необходимость построения полного социалистического общества исключается по тем или иным соображениям, то тем самым теряет смысл Октябрьская революция» [3, с. 117].

Свой вывод Сталин усилил следующим положением: тот, кто отрицает возможность построения социализма в одной стране, тот должен обязательно отрицать правомерность Октябрьской революции.

Следует подчеркнуть, что Сталин хотя и не ставил построение социализма в СССР в зависимость от победы мировой революции, но признавал: «мы его не построим, если нас разгромят в результате успешной интервенции» [2, с. 205].

Чтобы отразить грядущую интервенцию, была осуществлена модернизация страны, стала развиваться тяжелая индустрия. С этой же целью проведена коллективизация деревни. Коллективизация не имела ничего общего с ленинским пониманием социализма как строя цивилизованных кооперативов европейского типа. Сталин и его окружение попытались соединить марксизм с некоторыми ценностями, выработанными русской цивилизацией, в первую очередь, с патриотизмом, стремлением к социальной справедливости.

Однако социализм в СССР так и не удалось построить. Этим термином обозначали государственный капитализм с элементами социального государства. Монополизация коммунистической партией государственной власти, средств производства и идеологии привела, как и предсказывали некоторые участники Октябрьской революции, к перерождению ее и советского общества, а в конечном итоге – к распаду СССР и падению Советской власти, причем без иностранной военной интервенции.

Список литературы

1. Ленин В. И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 45. М. : Издательство политической литературы, 1970. С. 378–382.

2. Сталин И. В. Вопросы и ответы: Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г. // Сочинения. Т. 7. М. : Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 156–211.

3. Сталин И. В. К итогам работ XIV конференции РКП (б): Доклад активу московской организации РКП (б) 9 мая 1925 г. // Сочинения. Т. 7. М. : Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 90–132.

Полозова И. В.[1]*,*
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
доктор философских наук

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИИ ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛЬНЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Наша конференция проходит в условиях противостояния коллективному Западу, что является главным глобальным вызовом для нашей цивилизации на современном этапе и обусловливает необходимость дать ему достойный ответ. Поэтому необходимо, во-первых, верно определить суть данного и других связанных с ним глобальных вызовов со стороны западного мира, а во-вторых, четко сформулировать нашу идейную позицию.

Нынешнее военное противостояние с Западом является следствием многовекового цивилизационного противоборства, в основе которого лежит расхождение, о котором писали в XIX в. И. В. Киреевский, В. С. Соловьев и Н. Я. Данилевский. Цивилизационное противостояние предусматривает наличие фундаментальных оппозиций, в числе которых русскими мыслителями назывались: противоположность католичества православию, отвлеченного разума – живой вере, индивидуализма – соборности, органическому единству людей, объединенных общими ценностями.

На основе констатации наличия данных оппозиций можно судить о принципиальной противоположности материальной цивилизации Запада Российской цивилизации, основанной на духовной верности православию.

Данное противостояние носило отнюдь не отвлеченно-теоретический характер, но постоянно проявлялось и присутствовало в истории. Его исторической основой было разделение Римской империи на Западную и Восточную, восходящую, в свою очередь, к первоначальным различиям Рима и Константинополя, старой и новой столиц Империи. Постоянное присутствие языческого начала, с одной стороны, и изначальное формирование имперского центра как христианской столицы, с другой, определили различие латинского и греческого миров-цивилизаций.

Русская культура, возникшая изначально как дочерняя зона византийской цивилизации, в полной мере ощутила на себе враждебность западного мира. Экспансия Запада в отношении России началась еще со времен Александра Невского. Ее наиболее значительными вехами были: Польско-литовская интервенция в XVII в., нашествие Наполеона в XIX в., Крымская война 1853–1856 гг., обнаружившая колоссальную пропасть между Россией и Европой, вторжение Гитлеровской Германии в XX в.

Это противостояние осуществляется и на современном этапе. Сейчас оно вошло в активную фазу, которой предшествовало осознание базовых принципов существования западного мира как вызовов нашему цивилизационному существованию. В качестве первоочередных глобальных вызовов современно-

[1] © Полозова И. В., 2023.

сти нам видятся: глобализм, либерализм, постгуманизм, на основе и от имени которых сегодня осуществляется прямая агрессия западного мира.

Национальная идеология представляет собой идейное, интеллектуальное обоснование данного противостояния. Идеология содержит понимание смысла того, по поводу чего осуществляется противоборство. В ней также содержится возможность противопоставить принципам существования западного мира наши собственные идеологические смыслы и ценности. Без идейного измерения нам не справиться в данном противостоянии. Идеи представляют собой силу, по значимости не уступающей действию оружия.

Итак, Запад – это прежде всего секулярный мир. Нам представляется, что именно *секуляризация* является ключом к пониманию современного Запада. Можно показать, что все остальные принципы существования западного мира являются производными от этой его центральной установки. Именно отказ от Бога привел Запад к непредсказуемым последствиям, разрушению ценностного и социального строя, всего мира западной культуры.

Именно отказ от сакрального привел Запад к торжеству индивидуализма и связанной с утверждением данного принципа идеологии либерализма. Так, например, согласно выводам Э. Дюркгейма, одного из классиков социологии, далеко отстоящего от какой-либо религиозной апологетики, именно религия служит объединяющим начало общества. Ее утрата приводит к распаду общества на многие тысячи человеческих атомов [1, с. 122].

Далее, отказ от Бога и утверждение собственной свободы, понимаемой как «свободы от», лежит в основе идеологии *либерализма*. Такая свобода приводит к отказу, в том числе, от всех высших ценностей, понимаемых с данной точки зрения как ограничения, и, напротив, легализации пороков, утверждении свободы «падшего человека». Последовательное применение принципа свободы приводит к разрушению ценностной основы общества и всех социальных связей, такой фундаментальной основы общества, как семья.

Секуляризация привела к торжеству экономической сферы по отношению ко всем остальным сферам общества. Ведь когда-то именно христианство ограничивало хищнические поползновения людей, проявляющиеся в виде ростовщичества, извлечения процента, прибыли. Секулярное Новое время, напротив, поставило прибыль превыше всего. В данную эпоху возникает оправдание подобной практики в виде «этики процента», связанной с именами идеологов Нового времени, таких как Дж. Локк, И. Бентам. Последовательное развитие капитализма привело в дальнейшем к появлению «одномерного человека», сводимого к производству и потреблению.

Следствием секуляризации является и *постгуманизм*, последовательное разрушение человека, что явилось закономерным следствием последовательного проведения идеи гуманизма, начавшегося на заре Нового времени. Изначально программа гуманизма осуществлялась, казалось бы, во имя человека, но на деле была направлена против него. Ведь без Бога нет и не может быть человека как особой, высшей ценности.

Утратив свой Божественный образ, человек перестал быть собственно человеком, стремящимся к святости, задачей которого было «обóжение», достиже-

ние духовного совершенства. Вместо этого человек стал животным, машиной, механизмом, кипящим котлом инстинктов, симулякром. Современная философия Запада демонстрирует нам последовательное разрушение человеческого облика.

Наконец, в качестве наиболее значительного вызова со стороны Запада следует сказать и о *глобализации,* представляющей собой обезличивающее объединение всего мира, происходящее на основе западных постхристианских ценностей. Сегодня осуществляется агрессивное навязывание всему миру западных институтов и ценностей, которое происходило первоначально через колонизацию, а затем через экономическую зависимость и множеством других способов. Такой «матрицей глобализма» выступают сегодня США.

Можно увидеть, что за секуляризацией и ее следствиями в виде либерализма, постгуманизма и глобализма следует порой неприкрытый сатанизм. Об этом свидетельствует абсолютная ложь, возведенная сегодня в принцип, переворачивание с ног на голову ценностных и онтологических оснований культуры и общества. Отказ от Бога тем самым оборачивается враждой против Него, многочисленные примеры мы видим как на Западе, так и Украине.

В связи с этим становится понятным, на каких основаниях должна строиться противостоящая принципам западного общества национальная идеология. Нужно понимать, что ничего нейтрального не существует, и наша идеология в значительной мере должна отражать вызовы западного мира. Обозначим основные принципы национальной идеологии:

Цивилизационный подход. Основным принципом национальной идеологии, по нашему мнению, должен служить цивилизационный подход, разработанный в XIX в. Н. Я. Данилевским и К. Н. Леонтьевым, согласно которому в качестве исходного принципа утверждается «цветущая сложность» культур и законом существования человеческой культуры признается ее многообразие.

В соответствии с данным подходом, у каждой цивилизации имеются собственные основания, в первую очередь, религиозные (наряду с политическими, экономическими, культурными). Применительно к русской цивилизации в качестве ее религиозной основы выступает православие, политической основы – монархия, экономической – крестьянская община, культурной – национальная культура. Цивилизация Запада, в отличие от российской, строится, прежде всего, на политических и экономических основаниях. Культурные, религиозные основы, разумеется, имелись и у Запада, но они были в значительной мере подорваны или даже утрачены в Новое время. Через «окно, прорубленное в Европу» чуждые цивилизационные основы проникли и в Россию. Они постепенно заняли доминирующую позицию в обществе, проникли в политическую культуру и образование. В противовес этому национальная идеология предполагает необходимость возвращения к православным основаниям и ценностям культуры, содержит требование вернуть современной России утраченный идеал Святой Руси. В этой связи особая роль принадлежит отечественной культуре, в особенности, литературе, причем, не только светской. Крайне важным в данной связи является знакомство общества с основами православной культуры.

Необходимо понимание того, что русская цивилизация является цивилизацией не Фауста, но Достоевского.

В качестве следующего принципа национальной идеологии следует обозначить *традиционализм*, который может быть противопоставлен модернизму западничества. Напомним, что слово «традиция» буквально означает «передавать, вручать, завещать» и представляет собой основной способ передачи ценностей от прошлых поколений к поколениям будущим. Удар по традиции представляет собой удар по самобытности, по ценностям народа. В этой связи следует говорить о необходимости укрепления традиционных институтов. Такими традиционными институтами являются, например, церковь, семья, образование. Сфера образования является областью, где сейчас происходит особенно острая борьба, куда проникли и где укоренились либеральные ценности, где каждый школьник наслышан о своих правах, но ничего не желает знать о своих обязанностях. Кроме этого, в сфере образования в настоящее время доминирует позитивизм, ориентирующийся на факты в отрыве от какой-либо мировоззренческой составляющей. Как известно, в школе сейчас особое внимание уделяется подготовке к итоговому тестированию. Сфера образования поэтому является невозделанной областью с точки зрения насаждения в ней традиционных ценностей. Максимальный упор должен делаться в этой связи на изучение русской истории. Мировоззренческое воспитание должно строиться на традиционных ценностях.

Церковь является важнейшим традиционным институтом, потому что она несет ответственность пред Богом и пред историей за хранение ценностей, которые необходимы для жизни и развития народа. Мы полагаем, что знание Евангелия, изучение церковнославянского языка, участие в Литургии должны стать основой нашей цивилизационной идентичности. Ведь подобно тому, как человек разрушается без Бога, без связи со своей изначальной основой, языком церковнославянским, умирает и русский язык, на современном этапе он нередко перемежается бранной лексикой, которая становится чуть ли не нормой жизни.

Следующей важной составляющей национальной идеологии нам видится идея *Империи-Катехона*. В данном качестве Россия видится как осуществляющая противодействие всему мировому злу, до времени удерживающая мир от Вселенской катастрофы. Напомним, что идея удержания напрямую связана с миссией России в качестве Империи, где Россия выступает как законная преемница Византии и Рима, также прежде осуществляющих данную функцию. Данный смысл содержится в содержании известной идеологической схемы «Москва – третий Рим», сформулированной псковским старцем Филофеем, но данная идеология восходит к гораздо более глубокой идейной традиции. Корни данной идеологии содержатся в посланиях апостола Павла (Новый Завет) и простираются еще дальше – к Ветхозаветному пророку Даниилу. В книге пророка Даниила (Ветхий Завет) говорится о последовательности четырех империй (Вавилон, Персия, Греция, Рим), так или иначе выполняющих миссию удержания и противостояния мировому злу. Именно в этом противостоянии можно увидеть корни нынешнего стремления мирового сообщества раздробить

Россию и отсюда же вытекает понимание неприемлемости этого для каждого русского человека.

По мнению ряда отечественных мыслителей (Л. А. Тихомиров, И. А. Ильин) государственная идея предполагает наличие высшего духовного смысла, трансцендентального измерения [3, с. 47]. В империи осуществляется баланс между свободой и порядком, подчиненный божественной вертикали. Империя видится как противостоящий хаосу космос – организованное единство народов и культур.

В понимании идеи империи на современном этапе следует, кроме того, опираться на положения таких течений, как *евразийство, геополитика,* отмечающих важность идеи пространства, месторазвития. Так, евразийцы связывали имперскую идею с качественным пространством России, с русским народом, с преемственностью Российской Империи, Советского государства и современной России в их геополитическом противостоянии Западу [2, с. 395]. По нашему мнению, крайне актуальная ныне идея патриотизма должна аккумулировать все данные принципы и основываться на понимании места и значения России в мире.

Антисекуляризм. И, наконец, самое главное: вместо секуляризации в национальной идеологии центральное место должно занимать *построение вертикального измерения – Божественной вертикали*. Бог, христианская религия, православие – должны занять достойное место в национальной идеологии, национальном самосознании и образовании. Нельзя прятаться за определения декретов советского периода: «Церковь отделена от государства и школа от церкви». Церковь, религия и вера никогда не могут быть отделены от нашего национального сознания и национальной идеологии. «Сим победиши!» Этим и победим. В этой связи следует вспомнить слова нашего замечательного полководца А. В. Суворова: «Молись Богу, от Него победа!» Верим, что Святая Русь восстанет против мирового исторического зла и победит.

Будущее России, а вслед за ней и всего человечества напрямую зависит от того, выберет ли оно традиционные ценности и духовный опыт поколений или же секулярный либерализм (глобализм) Запада, основанный на следовании человеческим страстям. Мы полагаем, что национальная идеология должна отражать наше сопротивление всем разрушительным тенденциям. И пока мы будем хранить верность нашим идеалам, будет и у мира надежда на возможность изменить течение истории и предотвратить глобальный апокалиптический конец.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: Тотемическая система в Австралии. М. : Дело., 2018.

2. Евразийство. Исход к Востоку. СПб. : Лимбус-Пресс, 2022.

3. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М. : Росспэн, 2010.

Попов В. В.[1]*,*
доцент кафедры теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Актуальность данной статьи обусловлена недостаточностью научного внимания к целому ряду аспектов механизма социального управления. Этот механизм включает в себя не только требующие специфической интерпретации этапы управления, но также определенные наборы средств, схем и способов управления. Такой дефицит внимания к серьезнейшим вопросам обусловлен тем, что теория управления как самостоятельная научная дисциплина не только фактически не получила своего признания, но ее фрагменты практически повсеместно изгоняются из различных общественных наук. Как можно убедиться – печальные последствия такого положения вещей не заставили себя долго ждать. Практически во всех странах мира видны признаки существенных управленческих кризисов, причем кризисы эти есть отражение кризиса глобального, в самых разных его аспектах – экологическом, экономическом и т. д. Военно-политический аспект кризиса вообще подвел ныне все человечество к тонкой грани, отделяющей нас от ядерной войны.

Если пытаться понять суть происходящего без малопонятного игнорирования управленческой науки, то историю в таком ключе следует рассматривать не просто как некую науку, как учебную дисциплину, как своего рода хобби для интеллектуалов и т. п. Нет. История предстанет перед нами как важная часть механизма социального управления.

Следует понимать, что реальная история как череда событий – это одно явление. Это собственно и есть история, а описание и объяснение этих событий – совсем другое явление. Это – реконструкция истории, которая будет в контексте данной статьи именоваться термином «историография».

Элементарный здравый смысл подсказывает, что некий исторический отрезок событий социальной жизни наполнен колоссальным количеством малых событий, и в зависимости от того, какую меру событий мы условимся считать «атомарным событием» мы получим и сотни, и тысячи, и многие миллионы событий, реально описать которые окажется практически невозможно в силу банальной исключительной трудоемкости данной операции. В силу этого любой историк будет вынужден выделить для описания исторического отрезка более и менее масштабные или же значимые события. И при этом он будет вынужден использовать ту или иную схему *толкования* значимости данных событий, это можно будет сделать только при выделении причинных связей между событиями. Именно в силу выявления историографией такой причинности и говорят о том, что история позволяет выявлять закономерности исторических событий.

---

[1] © Попов В. В.

Следовательно, если речь идет об историографии как о теоретическом моделировании явлений политического, экономического, культурологического и т. д. характеров, то речь также будет неизбежно идти об оценке значимости всех этих событий и, разумеется, о взаимосвязи этих событий, то есть о моделировании социальных процессов. Да, на это иногда возражают, говоря, что данное рассуждение демонстрирует субъективизм науки, поскольку настоящий ученый-историк никак не связывает события произвольно, но он лишь, подобно естествоиспытателю, выявляет закономерные связи между событиями, которые существуют объективно. Подобное возражение можно рассматривать фактически как платформу для утверждения о том, что если историк честный, то фальсификации не будет. Такое утверждение основано на допущении о том, что достаточно убрать злонравность историка для того, чтобы он, как честный ученый (или публицист), не занимался фальсификацией истории. Но это не вполне верно, т. к. проблема несколько сложнее.

Любая наука, если это действительно наука, должна строиться в форме теории как совокупности высказываний, замкнутых относительно операции логической выводимости. Как можно понять, любая историография как модель описания, оценки и установления взаимосвязи между событиями – теоретична, то есть граница между теорией (в строгом специальном смысле) и эмпирикой в данном случае довольно условна. К основным функциям теории, а значит и науки в рассматриваемом контексте относятся описание (линия Паскаля – Ампера в понимании теории), объяснение (линия Декарта – Лапласа в понимании теории) и прогноз (линия О. Конта в понимании теории). Если говорить об объяснении, то необходимо отметить, что в науке издавна существуют две линии объяснения. Это аристотелевская и галилеевская схемы объяснения. Строгое толкование объективности естественных процессов предполагает возможность использования именно галилеевской дедуктивно-номологической конструкции, когда утверждение, описывающее событие, дедуцируется (логически выводится в рамках субъектно-предикатной схемы) из общих законов (законов, необходимых физически, законов природы – nomos), описывающих предшествующие условия. Общий закон является объясняющим, если он дедуцируется из более исчерпывающего закона [1, с. 9]. Но такая модель объяснения возможна лишь в сфере *наук естественных, но не гуманитарных*. Именно поэтому можно вполне согласиться с Г. Х. фон Вригтом в том, что для наук гуманитарных используется аристотелевская модель – телеологическое и мотивационное объяснение. Недаром К. Гемпель отмечал такое свойство данного объяснения, как антропоморфность [1, с. 103].

Иными словами, в историографии невозможно установить причинность как физически или логически необходимую связь между такими явлениями, как поведение человека (групп людей). Таким образом, как цели и мотивы, порожденные сознанием одного субъекта, так и осознаваемые другим субъектом связи между этими целями и мотивами, не могут, мягко говоря, исключать субъективизма. В этом смысле и можно говорить, что историк связывает между собой те или иные исторические события.

Кроме того, не следует забывать о глобальном различии между убеждением и доказыванием. Можно доказать, не убедив. Но можно убедить, ничего не доказав. Мало того, что эта разница практически перестала учитываться в науках гуманитарных. Можно вспомнить, как еще Ницше сетовал: «(одаренным людям) достаточно найти вообще какую-нибудь гипотезу по данному вопросу, и тогда они пламенно защищают ее и полагают, что этим сделано все. Иметь мнение – значит у них уже фанатично исповедовать его и впредь приютить в своем сердце в качестве убеждения... Более того, присматриваясь повнимательнее, замечаешь, что огромное большинство всех образованных людей требует от мыслителей убеждений, и одних убеждений, и что лишь ничтожное меньшинство ищет *достоверности*» [3, с. 635].

Но в публицистике, когда речь идет о миллионах людей, более ориентированных (и особенно это стало заметно в последние десятилетия) на получение не столько реальных знаний, сколько впечатлений и ощущений от любой информации, вопрос о каком-либо доказывании практически даже не ставится. Публицисты более соревнуются в искусстве убеждать. Человек действует так или иначе исходя из своих убеждений. Но в таком случае вовсе нет никакой необходимости выстраивать линию аргументации с целью доказать нечто. Вполне достаточно убедить. Как можно легко заметить – формула убеждения highly likely достаточно успешно применяется даже в глобальной политике.

Так вот, эффект подмены доказывания убеждением многократно усилен ранее упоминавшимся ценностным аспектом толкования истории. Историография представляет собой ценностную интерпретацию жизни конкретного государства. Поскольку мы говорили о необходимости выборки событий и их соединении ради целей объяснения *задаваемой* последовательности (задается она в силу именно выборки), то в целом любая историография есть *схема ценностной интерпретации* событий реальной истории. Выбранная схема ценностной интерпретации реальной истории и будет предопределять результат – как же историк-интерпретатор (ученый, публицист, политик и т. д.) *предлагает* видеть реальную историю.

Таким образом, налицо, во-первых, реальная возможность выбора той или иной схемы ценностной интерпретации истории, а во-вторых, возможность убеждающей правдоподобности выбранной схемы. Как можно понять, многие историки-интерпретаторы, даже будучи движимы самыми добрыми побуждениями, будут вынуждены выбирать определенную меру субъективности.

Неслучайно со времен Платона и Аристотеля различают два метода убеждения: диалектический и эристический. Пропонент-диалектик стремится довести до оппонента ту информацию, которую он искренне считает достоверной и приводит в качестве обоснования аргументы, которые убедили его самого.

Пропонент-эрист совсем другой. Он в большей степени смещается в сторону прагматического аспекта анализа суждений, а потому старается убедить пропонента в правильности той информации, вера в которую выгодна ему или его заказчикам. Как можно понять, манипулятивным можно считать эристическое убеждение.

Если говорить об управленческим аспекте не только злонравной, основанной на эристическом убеждении фальсификации истории, но и вообще об интерпретации истории, то следует учесть следующее.

Силовые средства управления, используемые в структурном управлении по программной и программно-адаптивной схеме, всеми воспринимаются как управление в силу своей очевидности. Принижать подобное управление нет никаких оснований. Нет до тех пор, пока подобное управление не считается единственно возможным или даже наиболее эффективным. В целом сказать можно и так: каждому способу, каждому средству, каждой схеме – свое место на соответствующем этапе социального управления, а потому «горе тем глупцам», кто не видит полного спектра средств, способов, схем и этапов управления. Горе потому, что это порождает иллюзию управления, а иллюзия эта страшна тем, что неизбежно ведет к катастрофе – разрушению объекта управления или перехвату управления, в том числе со стороны не только конкурента, но врага экзистенциального.

В этой связи отметим, что наука, образование, религия, искусство вообще, а история (в любой ее версии – научной, научно-популярной и т. д.) в особенности – относятся к средствам управления (оружия) гораздо более мощным, нежели военное оружие. В этом смысле истинны высказывания о том, что телевизор (социальная сеть и т. д.) гораздо мощнее танка/самолета, а все войны в реальности выигрываются/проигрываются за школьной партой и т. п.

Советский Союз был развален вовсе не силой чужого военного оружия (ибо чужой военной силы, могущей разрушить СССР, попросту не было). Именно поэтому здесь и уместно вспомнить, например, о том, что незадолго до распада СССР огромную силу набрали информационные потоки в науке, образовании, искусстве, где советское прошлое начали толковать совершенно в ином свете, нежели, например, еще в 1970-е и даже в первой половине 1980-х гг. В новой линии трактовки советской истории делался акцент на то, что советская история в основном есть (говоря словами О. Дерипаски [2]) диктатура большевиков, загубившая много героических людей. Особенно яростно шло осуждение так называемых «сталинских репрессий» с какими-то немыслимыми десятками миллионов «невинно расстрелянных». Разумеется, когда обывателя шокировали десятками миллионов «невинных жертв», речь вовсе не шла о «случайной погрешности» (в тысячи процентов). Нет, речь шла о схеме историографии, дающей следующую ценностную интерпретацию истории СССР: это государство, подрывающее саму корневую систему народа, по сути – государство-паразит. Отсюда и схема управления общественным сознанием через обоснование реформ, приведших к разрушению СССР: «паразитов принято уничтожать».

Именно в данной связи уместно поставить ряд важных вопросов:

1. Что общего между немецкими нацистами, ввергнувшими нашу страну в кровопролитную войну 1941–1945 гг., и советской военной «элитой» типа генерала А. А. Власова (признан нацистским преступником) или дореволюционной российской военной «элитой» типа потомственного генерала П. Н. Краснова (признан нацистским преступником)?

2. Что общего между многими современными представителями российской «элиты» (политической, экономической, творческой и т. д.) и теми нацистами, против которых сейчас и проводится специальная военная операция?

Ответы на эти вопросы довольно просты. Всех этих субъектов объединяет ненависть к СССР. Судя по тому, что нашему противостоянию с нацизмом активно мешает коллективный Запад (по словам секретаря Совета Безопасности России Н. П. Патрушева, на стороне киевского режима участвует около 50 стран [4]), то этот коллективный Запад вполне солидарен с нацистами прошлого и настоящего.

Печально, но это проблемы умонастроений большого количества людей, в том числе тех людей, которые составляют ресурсный потенциал устойчивости нашего государства в борьбе против нацизма. Это также и проблемы солидарности российской «элиты» с явными врагами России.

И все эти проблемы во многом есть результат и толкования истории вообще и фальсификации истории в частности.

Список литературы

1. Гемпель К. Г. Логика объяснения. М. : Дом интеллектуальной книги, 1998.

2. Дерипаска напомнил о нерешенных после Гражданской войны вопросах // РБК. Российский бизнес-канал. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/641ec3749a7947b63c82d835.

3. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. М. : Мысль, 1990.

4. Патрушев отметил участие около 50 стран в конфликте на стороне Киева // Известия. URL: https://iz.ru/1490163/2023-03-29/patrushev-otmetil-uchastie-okolo-50-stran-v-konflikte-na-storone-kieva.

Порватова Л. В.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Сычева Е. А.[2]*,*
курсант
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БОРЬБЫ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С первых дней Отечественной войны Советский Союз начинает предпринимать слаженные действия по распространению фейковой информации для противника. Радиоигры, проводимые военной разведкой и позднее СМЕРШем, являются подтверждением внедрения ложной информации в сознание врага. Рассмотрим лишь некоторые результативные операции Красной армии по дезинформации противника.

Контрнаступательная операция под Сталинградом, получившая кодовое название «Уран», является одним из самых известных сражений. Ее предваряли операции «Сатурн» и «Малый Сатурн» призванные противостоять немецким наступлениям. Однако немногие знают о том, что операции «Марс» и «Юпитер» долгое время оставалось секретными, а именно являлись отвлекающим маневром для проведения известного всем «Урана» [5, с. 12]. Успешная операция «Уран», в отличие от менее успешных «Марса» и «Юпитера», осталась в памяти как сражение, которое во многом приблизило приход победы. Что касается «Сатурна» и «Малого Сатурна», то их старались не освещать вообще, ведь это были одни из самых провальных операций.

Операции «Уран» и «Марс» имели различия. Во-первых, под Сталинградом была прорвана румынская оборона, причем, в отличие от Ржева, советским войскам удалось это сделать довольно-таки легко. Под Ржевом же немецкие войска имели явное преимущество, что послужило причиной больших потерь РККА. Во-вторых, под Сталинградом немецкое техническое, а именно танковое обеспечение выглядело далеко не должным образом. У немецкой армии осталось в этом географическом районе только две танковые дивизии. В отличие от Сталинграда, под Ржевом было сконцентрировано большее количество сил: четыре подвижные дивизии и еще три в ближайшем доступе, готовые вступить в бой в любой момент [1, с. 5].

Еще одна характерная черта отличает операции «Уран» и «Сатурн» от операций «Марс» и «Юпитер». Первые подробно зафиксированы историками; у последних летописцев не было.

---

[1] © Порватова Л. В., 2023.
[2] © Сычева Е. А., 2023.

Руководство операцией «Марс» осуществлял Г. К. Жуков. В своих мемуарах он рассказывает о Ржевской операции, о своей роли в руководстве операцией, упоминает своих ближайших помощников – генералов И. С. Конева и М. А. Пуркаева. Однако Конев ни разу в своих воспоминаниях не говорит о том, что подобная операция вообще когда-либо проводилась. Он лишь кратко раскрывает провальную битву возле Ржева и переходит к Сталинградской битве, а первую больше ни разу не упоминает.

Раскрытые архивные данные немецкой разведки, касающиеся действовавшей под Ржевом 9-й немецкой армии подтверждают, что в этом сражении активно участвовали 22-я и 41-я армии Калининского фронта, им оказывали поддержку части 1-го и 3-го механизированных корпусов. Помимо этих объединений, были задействованы 39-я армия, а в подчинении 41-й армии находился элитный Сталинский 6-й стрелковый корпус с приданными 5-м, 6-м и 8-м танковыми корпусами и 2-м гвардейским кавалерийским корпусом. Это говорит о том, что подготовка Советской армии в данном сражении была намного выше, чем указывали источники, предоставленные советской стороной.

Ржевский выступ, наследие хаотичных боев зимы 1941–1942 гг., размером 150 х 150 км, в котором находилась мощная 9-я немецкая армия группы армий «Центр», представлял собой «кинжал», направленный на Москву. Жуков считал, что немецкая группа армий «Центр», силы которой располагались на Ржевском выступе в угрожающей близости от Москвы, представляла наиболее серьезную угрозу Москве и советским войскам. Следовательно, утверждал Жуков, Советский Союз мог лучше всего добиться стратегической победы в 1942 г., разгромив 9-ю немецкую армию в выступе, а затем и всю немецкую группу армий «Центр». Но по своему предыдущему боевому опыту Жуков хорошо понимал, что это будет непростой задачей. Жуков провел операцию «Марс» в соответствии со сложившимися условиями и возможностями. Советские атаки были массированными и беспощадными, потери живой силы и техники – немалыми.

Немецкая 9-я армия генерала В. Моделя построила сильную оборону вокруг выступа и укрепила все города и населенные пункты на периферии выступа, включая ключевые города Ржев, Белый и Сычевку. Немцы укрепили реки, примыкающие к выступу, и очистили от леса основные дороги с севера на юг и с востока на запад, а также железнодорожные пути, которые пересекали выступ. Жуков и Модель понимали, что тот, кто контролирует дороги, будет контролировать выступ. Хотя густые леса и болота преобладали на местности в западных и центральных районах выступа, немцы расчистили большую площадь лесных массивов, чтобы обеспечить как прочную оборону, так и маневр мобильных тактических и оперативных резервов внутри нее. Кроме того, к концу октября грунтовые дороги и многие реки, пересекающие выступ, должны были замерзнуть.

Когда были рассекречены документы операции «Марс», стало понятно, что она являлась отвлекающим маневром в рамках подготовки успешной операции под Сталинградом. Было изначально ясно, что ржевский выступ имел хорош оборонялся немцами и шансов у советских было немного. Жуков в мемуарах упоминает о том, что, когда в день начала операции он обратился к Верховному

главнокомандованию, там ответили, что требуют он Жукова наступления только для того, чтобы сдерживать противника, а продвижение вперед является второстепенной задачей. То есть для успешного контрнаступления под Сталинградом необходимо было ослабить скопление немецких войск на Волге, для чего была запущена ложная информация о том, что главный удар РККА собирается нанести в районе Ржева. Это сыграло свою роль – под Ржев было переброшено из-под Сталинграда большое количество немецких войск. Так что операция «Марс» явилась успешно проведенной дезинформационной кампанией РККА и одной из причин успеха под Сталинградом.

Теперь о Павле Судоплатове. Он был, пожалуй, самой важной фигурой в советской разведке в сталинскую эпоху: планировал убийство Троцкого и много работал для победы над Гитлером [5, с. 13]. Однако после смерти Сталина его осудили.

Впечатляют названия биографий Павла Судоплатова, написанных русскими авторами: «Гений террора», «Сталинский волкодав», «Сталинский терминатор». Многие говорят, что он, как начальник сталинского Управления особого назначения, нес ответственность за жестокие репрессии и преступления, совершенные с 1930-х по 1950-е гг.

Его внук, однако, сказал в интервью: «Мой дедушка был тайным агентом, а не мясником», что близко к собственной точке зрения Судоплатова. В своих мемуарах «Особые задания: воспоминания нежелательного свидетеля – советского шпиона» он писал: «Я был коммунистом-идеалистом».

Украинец по происхождению, Судоплатов вступил в Красную Армию в возрасте 12 лет и всю свою жизнь был преданным коммунистом. С конца 1920-х гг. работал в советских спецслужбах (ЧК – ОГПУ – НКВД), быстро сделав блестящую карьеру.

В течение четырех лет Судоплатов работал под прикрытием в группе украинских националистов. В 1938 г. Сталин приказал шпиону убить лидера группы Е. Коновальца, который коллаборировал с Гитлером и планировал вооруженное восстание на Украине. «План состоял в том, чтобы вручить Коновальцу взрывное устройство», – писал позже Судоплатов.

Он встретился с Коновальцем, который знал его и считал лояльным националистом, и подарил ему коробку украинских конфет. Затем он попрощался, и через несколько минут ящик взорвался и Коновалец погиб. Это была первая из многих удачных операций Судоплатова.

Во время Великой Отечественной войны люди Судоплатова организовывали операции против Германии. Он курировал лучших шпионов того периода: группу «Красный оркестр», Р. Зорге, К. Филби, Р. Абеля и т. д. Судоплатов также организовал работу партизан и диверсантов в тылу врага.

Одна из важнейших операций Судоплатова носила кодовое название «Монастырь». В рамках операции агент, выдававший себя за антисоветского русского дворянина (Александр Демьянов, который на самом деле был дворянского происхождения), внедрился в немецкую разведку и в течение четырех лет снабжал нацистов дезинформацией на высоком уровне.

В 1944 г. Судоплатов и его люди разработали операцию «Шерхорн». С помощью фальшивых источников советская разведка убедила немцев, отступавших в Восточной Европе, в том, что в тылу врага в Белоруссии осталась воинская часть вермахта численностью около 2 000 человек. Берлин исправно предоставлял «героическим солдатам» оружие и радистов, которые немедленно захватывались советскими разведчиками. Настоящий офицер Шерхорн, начальник фальшивого отряда, на самом деле был пленником, завербованным Москвой. Германия продолжала тратить ресурсы, людей и время на помощь несуществующим «героям» вплоть до окончания войны в мае 1945 г.

Самая знаменитая и самая засекреченная операция СМЕРШа с использованием радиограммы состоялась в конце войны и получила название «Долина». У Гитлера имелся план по уничтожению своих противников одним ударом. Речь идет о Ялтинской конференции. Он планировал авианалетом уничтожить И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля [5, с. 23]. Немецкое командование забросило в Крым 2 группы метеорологов, которые якобы должны были передавать информацию о состоянии погоды. Советским контрразведчикам удалось взять в плен немецких информаторов и завербовать их. Они исправно выходили на связь с немцами и передавали им информацию, но уже под контролем СМЕРШа. В день Ялтинской конференции была хорошая ясная погода, но немецкие бомбардировщики не поднялись с аэродромов из-за сообщений метеорологов о низком давлении и дождях.

Война в сфере радиопередач была очень обширной [4, с. 3]. Радисты представляли не меньшую угрозу, чем боевые единицы непосредственно на фронтах.

Эти примеры наглядно показывают, что дезинформация противника сыграла большую роль для успеха отдельных операций и победы в целом.

Список литературы

1. Абаринов В. Как Facebook, Twitter, YouTube и WhatsApp борются с фейковыми новостями // Полит.ру. URL: https://polit.ru/article/2020/02/06/fakenews platf/.

2. Ильченко С. Н. Фейк как политический формат в современной медиасреде // Гуманитарный вектор. Серия «История. Политология». 2015. № 3 (43). С. 98–101.

3. Кононова Е. Ньюс-омбудсмен: к истории появления термина // Платформа материалов Pandia.ru. Авторские, энциклопедические, справочные материалы. Блоги. URL: https://pandia.ru/text/82/522/96400.php.

4. Рюмин А. Все способы борьбы с фейками в России и за рубежом // РАПСИ. URL: http://rapsinews.ru/incident_publication/20181221/292876054.html.

5. Селиванов Ю. В. Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК – КГБ 60 лет. М. : Воениздат», 1978.

Рублев И. А.[1]*,*
преподаватель кафедры
тактико-специальной, огневой и физической подготовки
Ленинградского областного филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России

ПАТРИОТИЗМ КАК ОБЩЕСОЦИАЛЬНАЯ ИДЕЯ, СПОСОБСТВУЮЩАЯ УКРЕПЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Патриотизм является одной из ценностей, которые традиционно связываются с национальным самосознанием и гражданским долгом. В настоящее время патриотизм привлекает не только внимание социологов и историков, но и экономистов и политологов, поскольку он может играть важную роль в укреплении экономики и национальной безопасности России.

Патриотизм – это чувство любви и преданности своей стране, ее культуре, традициям и истории. Эта идея является основой гражданского долга и ответственности перед своей родиной. Патриотизм важен для формирования национальной идентичности и единства народа. Он помогает сохранять культурное наследие, традиции и обычаи, а также защищать интересы своей страны на международной арене [1].

Однако, патриотизм не только имеет культурно-идентичностное значение, но и является важным фактором в экономическом развитии страны. Патриотические чувства могут стимулировать экономический рост, поскольку они способствуют повышению качества производимых товаров и услуг, а также укреплению бизнес-сообщества. Кроме того, патриотические чувства могут привлечь инвестиции в страну, что способствует развитию экономики и созданию новых рабочих мест.

Одним из примеров использования патриотизма в экономике является концепция made in Russia. Эта идея направлена на продвижение отечественных товаров и услуг на мировых рынках. Она подразумевает использование отечественных материалов и технологий, а также привлечение крупных компаний для производства товаров в России. Это способствует развитию экономики и созданию новых рабочих мест, а также повышению качества производимых товаров [2].

Необходимо упомянуть и другие методы использования патриотизма в экономике:

1. Покупка отечественной продукции. Государственные органы, предприятия и граждане могут приобретать товары и услуги от отечественных производителей, чтобы поддержать национальную экономику.

2. Инвестирование в отечественные компании. Инвесторы могут инвестировать свои средства в отечественные компании, чтобы помочь им развиваться и конкурировать на мировом рынке.

---

[1] © Рублев И. А., 2023.

3. Развитие отечественных технологий. Государство может поддерживать развитие отечественных технологий и инноваций, чтобы укрепить национальную экономику и снизить зависимость от импорта [4].

4. Создание рабочих мест. Открытие новых предприятий и развитие отечественных компаний может способствовать созданию новых рабочих мест и улучшению экономической ситуации в стране.

5. Поддержка малого и среднего бизнеса. Государство может предоставлять льготы и финансовую поддержку малому и среднему бизнесу, чтобы помочь им развиваться и конкурировать на рынке.

В целом использование патриотизма в экономике может помочь укрепить национальную экономику, создать новые рабочие места и улучшить жизнь граждан. Однако важно помнить, что патриотизм не должен стать причиной ограничения свободы рынка и конкуренции.

Патриотизм является важным фактором и в обеспечении национальной безопасности. Он способствует единству народа и защите интересов своей страны. Патриотические чувства могут стимулировать гражданскую позицию и поддержку правительства в мероприятиях по обеспечению безопасности страны. Они также могут способствовать повышению качества образования и подготовки военных и гражданских служащих, что является важным фактором в обеспечении национальной безопасности [3].

В заключение необходимо сказать о том, что патриотизм является важной общественной идеей, которая способствует укреплению экономики и национальной безопасности России. Он помогает сохранять культурное наследие, традиции и обычаи, а также защищать интересы своей страны на международной арене.

Патриотические чувства могут стимулировать экономический рост, привлекать инвестиции в страну и создавать новые рабочие места. Они также могут способствовать единству народа и обеспечению национальной безопасности.

Список литературы

1. Волков В. А. Патриотизм как фактор формирования экономической безопасности России. М. : МГУКИ, 2017.

2. Мирошников С. Ф. Патриотизм как фактор укрепления экономической и национальной безопасности России. М. : Флинта : Наука, 2012.

3. Петрова А. Е. Патриотизм как фактор развития экономики России: социально-экономический аспект. Сочи : Паритет, 2017.

4. Сергеева О. В. Патриотизм как фактор укрепления экономической и национальной безопасности России. Иркутск : ИГУ, 2019.

Самарский А. Н.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА «ИСТОРИЯ РОССИИ» В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

По мнению большинства людей, преподавателей и учителей, советская образовательная система была значительно лучше, чем та, которую мы наблюдаем сегодня. Обусловлено это тем, что у каждой школы и вуза своя программа, свои учебники и т. п. – все это создает значительные трудности как для детей, так и для педагогов.

Однако в сентябре 2022 г. был принят Закон о введении единых образовательных программ [3], вводится стандартизация образования, уравнивание учеников при поступлении в вузы, и единые критерии оценок. Что касается курса «Истории России», то попытки определить основные направления для его изучения делались неоднократно, посредством утверждения Концепции преподавания учебного курса «История России» (так это было сделано в 2014 г., затем в 2020 г. и наконец в 2023 г. [2]).

Единую Концепцию преподавания истории России в вузах утвердил Экспертный совет при Минобрнауки. Этот документ устанавливает хронологические рамки курса (от появления человека на территории современной России до событий 2022 г.) и предписывает рассматривать историю страны в контексте мировых событий. Количество часов увеличено с 96 до 144.

Приоритетными направлениями выбраны следующие:

– роль и место России в мировой истории;

– реформы и революции;

– противоречия и кризисы в историческом развитии;

– многонациональный и поликонфессиональный характер российского социума;

– «созидательный характер деятельности Российского государства и населяющих его народов в развитии хозяйства, культуры и наук».

Поскольку изучению подлежит и мировая история, которая тесно взаимосвязана с историей России, то она будет изучаться в аспекте международных отношений с Россией в разных областях, таких как культура, экономика, политика и пр., причем эти контакты раскрываются не только с европейским сообществом, но также и с азиатским и африканским.

Большое внимание уделено истории Европы, мировым войнам, революциям и реформам, в особенности их предпосылкам, причинам и итогам.

Обязательной к изучению подлежит история родного края, региона, которая также развивается в неразрывной связи с историей страны. Если ранее данный

[1] © Самарский А. Н., 2023.

предмет предполагался только в школе, то сегодня его будут изучать студенты уже на первом курсе вуза.

По мнению главы Минобрнауки В. Н. Фалькова, концепция «полноценно отражает состояние исторической науки и включает в себя содержательный минимум, который должны усвоить все, кто получает в России высшее образование» [3]. Концепция постоянно дополняется, с октября 2022 г. в нее было внесено более 500 замечаний, то есть к началу нового учебного года это будет полностью готовый к использованию документ.

Разработанная «Российским историческим обществом» (РИО) Концепция определяет цели и задачи преподавания истории в школах, содержание предмета и в конечном итоге результат исторического образования. Иначе говоря, это ориентир, руководствуясь которым школьные учителя должны формировать у детей знание отечественной истории. Поэтому принципиально важным является качество самой Концепции, ее содержание, внутренняя логика документа, обоснованность и продуманность всех содержащихся в ней положений. В этой связи, несомненно, положительным моментом является предложенный авторами Концепции возврат к линейной системе преподавания истории, а также синхронизация событий отечественной истории и истории зарубежных стран.

Глава РИО С. Е. Нарышкин заявил, что у преподавателей сохранится право привносить творческий подход в преподавание, пользоваться собственными методическими наработками, лучшие из которых будут транслироваться по итогам в другие вузы.

Целью разработки Концепции является формирование целостного представления у подрастающего поколения положения России в мире, на протяжении всего ее исторического развития и пути. Также одной из задач данного документа является воспитание патриотичности как среди школьников, так и студентов. Высокий образовательный и воспитательный потенциал курса «История России» определяется тем, что он служит «стержнем для формирования у молодого поколения общероссийской идентичности, патриотизма, уважения к пути, пройденному предшествующими поколениями, историческому наследию и духовным традициям; основой для обеспечения защиты исторической правды; средством воспитания у молодых людей чувства сопричастности к судьбе страны, активности и ответственности гражданина» [4].

Концепция содержит также Историко-культурный стандарт, в котором «представлены современные научные взгляды на содержание отечественной истории, оценки ключевых событий прошлого, основные подходы к преподаванию отечественной истории в современной школе».

Список литературы

1. Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: https://minobrnauki.gov.ru/Концепция1.pdf.

2. Мишина В. Едино, образно: утверждена общая концепция изучения истории России в вузах // Известия. URL: https://iz.ru/1464183/valeriia-mishina/edino-obrazno-utverzhdena-obshchaia-kontceptciia-izucheniia-istorii-rossii-v-vuzakh.

3. Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 371-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статью 1 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209240008.

4. Халявин Н. В. Критический взгляд на «Концепцию преподавания учебного курса История России» в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2022. № 6. С. 212–220.

Стрелкова Н. В.[1]*,*
заместитель начальника кафедры философии
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат социологических наук, доцент

СОПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ СИЛОЙ КАК ОСНОВНОЙ СПОСОБ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ И НАЦИОНАЛИЗМОМ

Состояние современного мира можно охарактеризовать как системный кризис. Глобальный характер, то есть мировой масштаб, приобрел комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных кризисов. Это кризисы мировой системы, мировой цивилизации, мировой экономический, геополитический, экологический кризисы, кризис безопасности и др. В принципе можно говорить о кризисе человечества как формы жизни, популяции, социальной общности высокого порядка.

Причины этого видятся не только в технологической модернизации, напрямую связанной с цифровизацией, но и в изменениях геополитического устройства мира, в исчерпании потенциала целого ряда экономических, политических, правовых, культурологических институтов. Противостояние между США и Россией переросло на современном этапе в мегаисторический и метакультурный разлом.

Результаты этого противостояния должны заставить мировое сообщество, которому по сути дела объявлена война, руководствуясь общечеловеческими ценностями и идеалами, мировым опытом религии и веры, а также элементарным инстинктом самосохранения, во-первых, объединиться вне зависимости от национальной, партийной, религиозной принадлежности в навязанной борьбе против смертельной угрозы, а во-вторых, как минимум, постараться осмыслить, проанализировать сложившуюся в мире кризисную ситуацию, понять истоки и корни противостояния, а также призвать на помощь накопленный исторический опыт вселенской и национальной борьбы со злом. Приходит конец ученой лощености и академической беспристрастности абстрактным рефлексиям и отвлеченным умствованиям, дипломатическим расшаркиваниям и теоретическим экивокам, лицемерию и ханжеству, сопровождающим в «спокойные времена» исследования, в частности, в области религии и религиоведения, соотношения религии, церкви и политики, государства, образования, религиозной морали и права (например, православия и правосознания) – роли и значения религии, веры в современной истории и обществе, в процессах глобализации, преодолении кризисных ситуаций, защите государственных интересов и государственной безопасности, воспитании и образовании.

Для победы Божьего дела, сил добра и истины, справедливости и общечеловеческих ценностей над силами зла и неправды, рабства и мракобесия надо не столько физически избавиться от людей, способствующих нагнетанию идей национализма и терроризма, сколько постараться поскорее их передумать, победить духовно и нравственно, а это уже – безотлагательная задача не только

[1] © Стрелкова Н. В., 2023.

силовых структур, но и ученых, философов, правоведов, историков, религиоведов, теологов, богословов, культурологов. В любом случае победить национализм и терроризм без веры и церкви невозможно.

Великое значение и знаковая суть сегодняшней конференции – в попытке поиска идеологических координат России в условиях противостояния с Западом, в решении как общетеоретических, так и конкретно-практических проблем их взаимоотношений. В контексте этой темы хотелось бы коснуться темы борьбы с международным терроризмом.

Международный терроризм ныне – одна из главных угроз человечеству, самому его существованию, оправданию этого существования перед Богом, угроза культуре, цивилизации, главное мировое зло. Отсюда и необходимость для спасения объединения человечества на всех его уровнях, необходимость сотрудничества церкви с государством, у нас в России – правопорядка, правосознания и православия. Национально-историческая, культурная традиция России, которую мы сегодня восстанавливаем, такова, что государство и церковь, народ и православная вера всегда стремились делать общее дело сообща. Особенно в час тяжелых для Родины испытаний.

Активность, глобальные амбиции, жестокость и бесчеловечность мирового зла в лице международного терроризма возросли сегодня беспрецедентно, его количественные и качественные параметры перешли всякие умопостигаемые рамки, мир и человечество – на грани катастрофы, равновесие между добром и злом может в одночасье рухнуть, приведя к вселенской гибели. Спасение – не в деньгах, силе, технической, военной, политической мощи, но в соотношении «удельного веса» духа, веры, справедливости, совести, ответственности, знания, общечеловеческих ценностей и идеалов, целей, интересов, вызовов времени и многоликих сатанинских сил зла, более всего олицетворяемого ныне терроризмом. Решающим фактором спасения человечества становится уровень образования и воспитания, состояние души и духа, знания и веры, отношение человека к Богу, оправдание перед ним смысла своего исторического существования. Приоритет высоких духовных ценностей над низшими материальными сегодня даже не теоретическая проблема, не отвлеченная аксиома, а безальтернативная предпосылка общего выживания. Спасение же России, возрождение ее величия в огромной степени зависят от того, найдем ли мы вовремя адекватную нашему дню формулу соотношения православия и правосознания, веры и действия, желания и воли.

Проблемы сущности и содержания, предпосылок и исторических форм терроризма, способов и методов борьбы с ним – даже в рамках одной страны, особенно такой, как Россия, огромная, почти неподъемная тема. Хочется коснуться только одного аспекта многогранной проблемы – определения путей и методов борьбы с современным терроризмом с точки зрения соотношения их с вековыми религиозными и нравственными принципами и установками, в частности, обоснования (санкционирования) применения силы в смертельной схватке с терроризмом с позиций не только права (здесь особых трудностей нет), но в первую очередь с позиций христианства, православия. В наши дни это имеет первостепенное, принципиальное значение, ибо одолеть терроризм без приме-

нения насилия по отношению к террористам невозможно (одни только методы воспитания, пропаганды, увещевания и т .п. здесь явно недостаточны и неэффективны), но тогда встает во весь рост проблема: как согласовать веру, православие с их принципами и ценностями ненасилия, всепрощения, очистительной любви даже к врагам нашим – с необходимостью беспощадного уничтожения террористов и насильственного искоренения терроризма. Как убедить православный народ, вынужденный восстать против убийц беззащитных, невиновных детей, женщин, стариков, что в их насильственных действиях против террористов нет ничего не только противоправного, но и противоречащего, по сути, заповедям Христа. Более того, как убедить всех истинно верующих православных русских, что, убивая нелюдей-бандитов, они творят благочестивое, Божие дело и не должны поступать иначе?! Эта проблема духовная, судьбоносная, не решив ее, мы не спасем Россию.

В 1925 г. в Берлине вышла в свет книга И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою». Ильин – великий русский мыслитель, философ, богослов, правовед, публицист, один из самых выдающихся представителей русского религиозно-философского Ренессанса, философии российского зарубежья. Его книги по выходе их в свет сразу же становились известны во всей Европе, вызывали беспрецедентный интерес и жаркие дискуссии в среде гуманитариев, политиков, религиозной общественности. И в этом плане названная книга выделяется особо. Такой полемики российское зарубежье, концентрирующее в себе цвет отечественной и мировой мысли, еще не знало. Полемика была острой, жаркой, но страдала некоторой «односторонностью», – игра, как сказали бы сегодня, шла «в одни ворота». На одной стороне дискутирующих выступало большинство великих русских эмигрантов – Бердяев, Федотов, Булгаков, Зеньковский, Степун и другие, на другой – фактически один только Ильин. Он мужественно, героически отстаивал свою точку зрения и – не сломался, устоял против многих титанов мысли, а спорить было о чем.

Дело в том, что Ильин посягнул на, казалось бы, святая святых христианской морали – принципы «не убий», «возлюби врага своего», «отвечай добром на зло». Он доказывал, опираясь на положения Библии и на дух христианства, православия, что в истории человечества бывают периоды, когда нельзя исповедовать ненасилие, покорно подчиняться злу, когда во имя спасения народа и веры можно и необходимо поднять меч на субъектов зла, врагов Божеских и человеческих. Конечно, Ильин в то время имел в виду зло, олицетворенное в советской сталинской диктатуре, враждебной не только русскому народу, но и всему человечеству, исповедующей и практикующей насилие, геноцид, терроризм. Но абсолютно все его доводы и аргументы совершенно не потеряли и сегодня актуальности, злободневности, истинности в отношении борьбы с международным терроризмом.

Основные идеи книги Ильина – критика «толстовства», концепции пассивности, покорности, «непротивленчества» как разлагающих и губительных для народа; обоснования необходимости, безальтернативности сопротивления злу силою; губительные последствия «непротивления»; обоснование и подтверждение того, что христианство, Библия не только не противоречат ниспровер-

жению зла силою (наряду с ненасильственными методами), а наоборот, предполагают и обосновывают активную борьбу со злом; разъяснение того, как понимать Христов тезис «любить врагов»; обоснование некоторых оригинальных и глубоких тезисов самого Ильина, обосновывающих необходимость борьбы со злом и восстановления справедливости, веры и права силою сопротивления истинно верующих.

Прежде всего Ильин расставляет все точки над «и»: он отчетливо демонстрирует последствия «толстовства», «непротивления», и картина его представляется абсолютно убедительной и доказательной: если бы «восстание зла произошло, а несопротивление продолжалось, то это означало бы подчинение ему, самопредание ему, участие в нем и, наконец, превращение себя в его орудие, в его орган, в его рассадник – наслаждение им и поглощение им. Это было бы вначале добровольное саморастление и самозаражение, это было бы в конце – активное распространение заразы среди других людей и вовлечение их в сопогибель... Таков духовный закон: несопротивляющийся злу поглощается им и становится одержимым» [1, с. 279].

Далее Ильин подчеркивает, что нельзя ставить на одну доску насилие злодея и насилие борющегося со злодеем, что насилие над злом и злодеями Божески и нравственно оправданно: «все учение о противодуховности и противолюбовности физического понуждения и пресечения, направленного против злодея, падает как несостоятельное, как предрассудок и суеверие. Противодуховно и противолюбовно не понуждение и не пресечение, а злобное насилие; совершая его, человек всегда неправ... Понуждение, направленное против злодея, и злобное насилие, против кого бы оно ни было направлено, – не одно и то же; смешение их непредметно, несправедливо, пристрастно и слепо» [3, с. 309].

Эти слова – отповедь не только апологетам современного терроризма, но и сегодняшним любителям двойных стандартов на Западе и их последователям в России, считающим, что действия наших силовиков, спецподразделений абсолютно не отличаются от действий террористов и должны быть одинаково осуждаемы. Видимо они не только никогда не читали Ильина, но и потеряли остатки совести и здравого понимания происходящего.

Один из главных доводов «непротивленцев» – тезис о любви к врагам, казалось бы, бьющий наповал сторонников уничтожения насильников. Ильин и в этом «щекотливом» вопросе опирается на слово Христово, причем прежде всего не на букву, а на дух его: «Призывая любить врагов, Христос имел в виду личных врагов самого человека... его собственных ненавистников и гонителей, которым обиженный, естественно, может простить и не простить. Христос никогда не призывал любить врагов Божиих, благословлять тех, кто ненавидит и попирает все Божественное... настоящее, религиозно верное сопротивление злодеям, ведет с ними борьбу именно не как с личными врагами, а как с врагами дела Божия на земле; так что чем меньше личной вражды в душе сопротивляющегося и чем более он внутренне простил своих личных врагов – всех вообще и особенно тех, с которыми он ведет борьбу, – тем эта борьба его будет при всей ее необходимой суровости духовно вернее, достойнее и жизненно целесообразнее» [3, с. 355]. Так что ни о какой мести, основанной на личных эмо-

циях и переживаниях, на попрании личных интересов, в книге нет и речи: личная месть несовместима с принципами христианства, с общечеловеческими ценностями и идеалами, с началами нравственности. Личная месть – ответственность перед Богом и людьми. Восстановление справедливости, подавление в себе личных, эгоистических страстей, уничтожение врагов Бога и человечества – единственная перспектива заслужить прощение Бога и благодарность человечества.

Вывод, к которому приходит Ильин после длительного и трудного, болезненного для всякого христианина анализа, вполне определенен: «Ответ, добытый нами, звучит несомнительно и определенно: «физическое пресечение и принуждение могут быть прямою религиозною и патриотическою обязанностью человека, и тогда он не в праве от них уклониться. Исполнение этой обязанности введет его в качестве участника в великий исторический бой между слугами Божиими и силами ада, и в этом бою ему придется не только обнажить меч, но и взять на себя бремя человекоубийства» [3, с. 382]. Ильин не стал свидетелем чудовищных преступлений современных террористов, уничтожающих сотнями невинных детей – тем более верны, справедливы и актуальны его выводы сегодня. Террористы сами поставили себя вне закона, вне веры и религии, вне человечности, вне нравственности, вне общества, стали врагами всего Божьего и живого – и нет им прощения, оправдания, снисхождения, они должны быть безусловно уничтожены. Дело это трудное, грязное, богомерзкое, дело не Божье, но во имя Бога и жизни и несомненно будет оправдано Всевышним.

Самое интересное, пожалуй, заключается в том, что Ильин предвосхитил сегодняшние обсуждения, поставив вопрос о необходимости гармоничного сочетания правосознания и православия, единстве правового и религиозно-нравственного воспитания и образования, о необходимости следовать отечественной национально-исторической и культурной традициям, о вреде и опасности, особенно в переломные, кризисные этапы истории страны, слепого копирования чуждой русскому народу западноевропейской традиции, следования в русле пресловутого «европоцентризма». У России и в прошлом, и в будущем – свой путь, свои задачи, свои ценности, идеалы и интересы, относительно самостоятельные и независимые от давления извне: «Русское право и правоведение должны оберегать себя от западного формализма, от самодовлеющей юридической догматики, от правовой беспринципности и сервилизма. России необходимо новое правосознание, национальное по своим корням, христиански-православное по своему духу и творчески-содержательное по своей цели...» [2, с. 74]. И в этих немногих словах содержится целая программа действий, которую просто необходимо иметь в виду и сегодня, собирая силы для искоренения терроризма, объединяя церковь и государство, работников правопорядка и священнослужителей, ориентируясь на союз с различными отрядами мирового сообщества. И здесь наш главный союзник прежде всего не «демократический» буржуазно-рыночный Запад с его двойными стандартами в отношении к терроризму, террористам и антироссийским фобиями, с его догматизмом и формализмом в области права, а великая духовность русского

народа, ядром которой являлись и являются вера, патриотизм, совесть, справедливость, ответственность, долг, свобода, национальные обычаи и традиции.

Важно отметить также и то, что решение поставленной в заглавии книги проблемы Ильин совершает в контексте другой, более глобальной и первичной проблемы – «русской идеи». Русская идея как парадигма национально-исторической и культурной традиции России и ее народа есть идея надэтническая, есть «философия всеединства» (В. С. Соловьев), ищущая пути спасения человечества в его объединении (единство Запада и Востока) на основе веры, духовности, ненасилия. Она не имеет прецедентов в мировой истории, разрабатывалась великими представителями русского народа – Ломоносовым, Радищевым, Чаадаевым, Гоголем, Пушкиным, Достоевским, Хомяковым, Данилевским, Леонтьевым, Соловьевым, Розановым, Бердяевым, Булгаковым, Федотовым... Внес свою большую лепту и Ильин, отметив, в частности, самое главное в содержании «русской идеи»: это есть «идея православного христианства» [2, с. 75]. Впрочем, «Русская идея» и Ильин, «Русская идея» и современные проблемы борьбы с терроризмом, «Русская идея» и правосознание – особые, большие и важные темы, нуждающиеся в самостоятельном и глубоком исследовании, в том числе и в русле проблематики нашей конференции.

Хочется надеяться, что конференции, подобные сегодняшней, будут проходить постоянно, что проблематика наших общих размышлений будет всемерно расширяться, что мы придем, в частности, к возрождению традиции эффективной деятельности в России разнообразных обществ: философских, православно-правовых, религиозно-культурных и т. д., призванных способствовать возрождению величия России, выполнению ею всемирно-исторической миссии по объединению человечества, помогать победе над силами зла, воспитанию и образованию нашей молодежи.

Список литературы

1. Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. Статьи. Письма. Выступления // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. М. : Русская книга, 1996. С. 266–286.

2. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. М. : Русская книга, 1996. С. 31–220.

3. О сопротивлении злу силой: pro et contra. Полемика вокруг идей И. А. Ильина // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. М. : Русская книга, 1996. С. 289–556.

Сучкова М. В.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ЛЕГИТИМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В СИСТЕМЕ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В НАЧАЛЕ XX В.: ЗАРОЖДЕНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ТРАДИЦИИ

Проведенная в начале XX в. в Российской империи конституционная реформа привела к коренному обновлению государственного строя. Первоначально власть не стремилась к проведению реформ, о чем наглядно свидетельствует речь Николая II, произнесенная им в 1895 г. перед представителями земств, в который он заявил, что «в последнее время слышались в нескольких земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял мой незабвенный покойный Родитель» [5, с. 339]. По мнению современника событий, политического деятеля и публициста А. А. Кизеветтера, действия властей в условиях экономического и политического кризиса начала XX в. были непродуманными и не принесли желаемого результата в виде успокоения внутренней обстановки в стране: «все меры, направленные против освободительного движения, только подрывали авторитет власти. Решительный удар этому авторитету был нанесен русско-японской войной» [4, с. 135]. Не повлияло на политику власти и произошедшее в 1904 г. убийство эсером Е. Сазоновым министра внутренних дел В. К. Плеве, которое наглядно продемонстрировало правительству и Николаю II серьезность происходящих событий. Даже после этого корона надеялась на сохранение господства в политической жизни страны [11, с. 98]. Российский историк В. В. Шелохаев отметил, что в начале XX в. Россия переживала «системный кризис, где власть и стоящие за ней силы, вынужденные идти на реформы, стремятся сохранить (удержать) за собой максимум властных функций и собственности» [9, с. 14]. Был выбран путь, который, как казалось власти, позволит сохранить существующее общественное и государственное устройство, придав ему новую правовую оболочку.

Назначенный министром внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский, чье пребывание на этом посту было названой «весной русской жизни» заявил, что «административный опыт привел меня к глубокому убеждению, что плодотворность правительственного труда основана на искренно благожелательном и истинно доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще. Лишь при этих условиях работы можно получить взаимное доверие, без которого невозможно ожидать прочного успеха в деле устроения государства» [9]. Осенью 1904 г. съезд земских и городских деяте-

[1] © Сучкова М. В., 2023.

лей, солидаризуясь и поддерживая Святополк-Мирского в деле проведения реформ, выдвинул резолюцию, в которой в качестве основных требований называлось обеспечение гарантии неприкосновенности личности, гражданского и политического равноправия населения Российской империи, уравнения крестьян в правах с другими сословиями, введения свободы вероисповедания и печати, расширения полномочий органов местного самоуправления и создания всероссийского органа народного представительства, то есть парламента.

Святополк-Мирский разработал программу реформ с учетом мнений либеральной российской общественности, которая в усеченном виде и воплотилась в Указе 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» [7]. Реализовывать положения указа должен был высший совещательный и распорядительный орган – Комитет министров. Он должен был разработать пакет нормативных актов, на основании которых в российский государственный строй были бы внедрены правовые начала. Комитету предлагалось «озаботиться изысканием мер для водворения законности, расширения свободы слова, веротерпимости, местного самоуправления, устранения излишних стеснений инородцев и всяких исключительных законов» [1].

После событий января 1905 г. и начала первой русской революции 18 февраля 1905 г. были изданы три нормативных актах, которые явились предтечей формирования в России народного представительства. В ходе обсуждения проектов создания в России органа народного представительства министр внутренних дел А. Г. Булыгин, руководивший деятельностью Особого совещания, старался учесть мнение либеральных кругов российской общественности [5, с. 68]. 6 августа 1905 г. был опубликован Манифест «Об учреждении Государственной Думы», «Учреждение Государственной Думы» и Положение «О выборах в Государственную Думу». Тем не менее созданная Особым совещанием законосовещательная с ограниченной компетенцией Государственная дума фактически олицетворяла ту форму представительства, которая предлагалась в правительственных проектах времен Александра II [3]. По меткому выражению Р. Ш. Ганелина, «булыгинский проект», которым «то пугали, то прельщали Николая II», был исторически устарелым, не успев даже воплотиться в жизнь, так как оппозиционная часть российского общества, эволюционирующаяся в ходе революции и радикализирующая свои требования, настаивала на более далеко идущих преобразованиях, чем те уступки, которые были предметом спора на совещаниях в Петергофе [2].

Радикальных уступок от власти удалось добиться только в октябре 1905 г. в ходе всероссийской политической забастовки. Издание Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» знаменовало отказ правительства от идеи сохранения традиционных властных структур, с попыткой соединить абсолютную монархию с законосовещательной Думой. Россия, которая по форме государственного правления до издания Манифеста 17 октября представляла собой юридически ничем не ограниченную самодержавную монархию, теперь встала на путь создания ограниченной монархии.

Манифестом было закреплено правило, что ни один закон не может вступить в силу без одобрения Государственной думой. Дума должна была полу-

чить права по контролю за исполнительной властью. Однако в силу краткости Манифеста правовой статус Думы оставался до конца законодательно не урегулированным. Окончательной правовой статус Думы был закреплен в Учреждении Государственной Думы 20 февраля 1906 г. и новой редакции Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г.

Новое Учреждение Государственной Думы воплотило в жизнь лишь часть обещаний, данных в Манифесте 17 октября. Самым главным достижением можно считать закрепление законодательного статуса Думы. Однако власть не пожелала остаться «один на один» с Думой, поэтому преобразованный Государственный совет получил права в законодательной сфере. В Манифесте 17 октября вопрос о Государственном совете поставлен не был, однако он был затронут во всеподданнейшем докладе председателя Комитета министров С. Ю. Витте. Доклад был ответом на повеление Николая II, адресованное Витте об объединении деятельности министерств и ведомств впредь до утверждения законопроекта о Совете министров. В докладе говорилось, что необходимо осуществить реформу Государственного совета, так как именно это мероприятие станет залогом успешных отношений между Советом и Государственной думой. В результате переустройства Государственного совета он стал состоят из членов «по высочайшему повелению» и равного числа членов по выборам. Законопроекты, одобренные Думой, подлежали утверждению Государственным советом, а также императором. Помимо этого, именно председатель Государственного совета вносил на утверждение императору законопроект, получивший одобрение Думы и Совета, получил равные с Государственной думой законодательные права. Таким образом, реорганизация Совета во вторую палату парламента, стоявшую над Думой, существенно ограничили права последней.

Основные государственные законы Российской империи в редакции 23 апреля 1906 г. легитимировали правовой статус Государственной думы в системе органов государственной власти [4, с. 136].

Естественно, на первый план были выдвинуты права и прерогативы монарха. Касательно Государственной думы император имел право назначать выборы в Государственную думу, приостанавливать сессии Думы и право досрочного роспуска Думы. Основные законы в статье 7 закрепили положение, что монарх осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственною Думою, а в статье 86 было провозглашено, что «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и восприять силу без утверждения Государя Императора».

Лимитация полномочий монарха в законодательной сфере еще раз была зафиксирована в положениях, предваряющих текст Основных государственных законов: «вместе с тем, в видах укрепления основ обновляемого государственного строя, мы повелели свести воедино постановления, имеющие значение Основных государственных законов, подлежащих изменению лишь по почину нашему, и дополнить их положениями, точнее разграничивающими область принадлежащей нам нераздельно власти верховного государственного управления от власти законодательной».

Законопроекты, не принятые Советом и Думой, считались отклоненными. Еще более четко это положение было сформулировано в статье 86, согласно которой «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения государя императора». Законопроекты, отклоненные одной из палат, могли быть вновь внесены на ее рассмотрение только с разрешения Императора. Император обладал правом отлагательного вето, так как отклоненный законопроект мог быть внесен на повторное рассмотрение в следующей сессии Государственной думы.

Особый интерес вызывает ст. 87 Основных законов, чьи положения были грубо нарушены Николаем II при издании 3 июня 1907 г. нового избирательного закона. Анализ данной статьи позволяет сделать вывод, что, с одной стороны, монарх имел право в период прекращения заседаний Думы формировать чрезвычайное законодательство с обязанностью его внесения на рассмотрение в следующую сессию Думы, а с другой стороны, монарх не имел право проводить реорганизацию Основных государственных законов, Учреждения Государственной думы и Государственного совета, а также вносить изменения в избирательные законы [10].

Нормы Основных законов, регулирующих деятельность Думы, отличались неясностью формулировок. Так, понятие думской сессии в трактовке Основных законов было крайне неопределенным. Согласно статье 99 продолжительность думской сессии и деятельности Государственного совета зависела от воли императора, так же, как и вопрос о количестве сессий Думы в течение года, который не был урегулирован Основными законами. Вопрос о начале и конце сессии имел принципиальное значение, так как был связан с процессом принятия закона: согласно статье 112, не утвержденные монархом законопроекты не могли быть внесены на повторное обсуждение в течение той же сессии. Остался без особого внимания и не был до конца урегулирован вопрос о законодательном правопреемстве Государственных дум различных созывов [6, с. 458].

Таким образом, сложившаяся экономическая и социально-политическая ситуация в России в начале XX в., осложненная проигранной русско-японской войной и реалиями первой русской революции, сподвигла монархическую власть на проведение коренных преобразований государственного устройства. Начиная с небольших послаблений, попыток избежать радикальных реформ, шаг за шагом, власть пришла к неизбежному осознанию критичности ситуации, что повлекло за собой создание парламента, принятие первой российский конституции, закрепившей строй дуалистической монархии. Однако дуалистическая монархия в России не получила своего дальнейшего развития в монархию парламентскую. По мнению А. П. Яцковой, связано это было с тем, что «сильное давление на конституционные учреждения оказывала монархическая власть, использующая методы авторитарного управления, благодаря закрепленному перевесу исполнительной власти и главы государства над законодательной властью в управлении государством. Конституционные обычаи и парламентские прецеденты находились на стадии формирования и не могли изменить реальный механизм осуществления власти в пользу большего участия представительных учреждений» [11].

Список литературы

1. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М. : Соцэкгиз, 1960.
2. Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб. : Наука : Санкт-Петербургское отделение, 1991.
3. Гессен В. М. Новый избирательный закон // Право. 1905. № 50. С. 3963.
4. Гостев С. С., Левкина Е. С., Яцкова А. П. Историко-правовые предпосылки формирования института прав и свобод подданных в Российской империи в начале XX в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 10. С. 135–138.
5. Кравец И. А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века. М. : ИВЦ «Маркетинг», 2000.
6. Леонтович В. В. История либерализма в России 1762–1914. М. : Русский путь – Полиграфресурсы, 1995.
7. ПСЗРИ // Собр. 3. Т. XXIV. № 25495.
8. ПСЗРИ // Собр. 3. Т. XXV. № 26805.
9. Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М. : Росспэн, 1996.
10. Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М. : Росспэн, 2007.
11. Яцкова А. П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М. : Московская академия МВД России, 2001.

Тарасова И. А.[1]*,*
доцент кафедры
государственных и гражданско-правовых дисциплин
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Непреходящими ценностями, составляющими ментальный каркас самосознания российского человека, всегда были духовность, патриотизм, гуманизм, гражданственность. По мнению исследователей Р. Б. Сабекия и Г. Б. Аскаровой, именно эти ценности служат фундаментом духовной целостности русского народа, цельности национального духа и самосознания [7].

Между тем серьезные изменения в экономике, общественной и политической жизни нашей страны на рубеже XX–XXI вв. коренным образом повлияли на общественное сознание населения, прежде всего – молодого поколения. По мнению И. В. Иванова, «основной причиной этих изменений в сознании граждан явилось то, что претерпела изменения сама идея формирования и развития личности гражданина, патриота, защитника Отечества и общества» [2, с. 72]. Как представляется, произошла частичная утрата российским обществом конца 1990-х – начала 2000-х гг. традиционного патриотического сознания, общенациональной идеи, связанной с формированием чувства гордости за героическое прошлое нашей Родины, ее вклад в мировую историю. Как верно подметили Сабекия и Аскарова, «после распада СССР в условиях общекультурного кризиса системы ценностей и смысложизненных ориентиров произошли коренные изменения, прежде всего, в ценностном сознании молодежи, в котором ценности коллективизма и социальной солидарности заменяются утилитаристскими и гедонистическими ценностями индивидуального бытия. Патриотизм как фундаментальная социально-политическая и нравственная ценность вытеснился из сферы осознаваемого национального интереса «на задворки» коллективного бессознательного. В то время как в России деформация патриотизма приобрела форму некой аполитичности, депатриотизма и нигилизма (что выразилось, в частности, в негативной оценке вех отечественной истории), в некоторых республиках бывшего Советского Союза и стран социалистического лагеря под флагом возрождения национального и религиозного самосознания патриотизм стал приобретать черты национализма и ксенофобии» [7].

В итоге начинает интенсивно формироваться общество потребления. Характеризуя данный тип общества, В. И. Ильин в своей работе «Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность» писал: «Экономика об-

[1] © Тарасова И. А., 2023.

щества потребления опирается на новый тип личности. Ее ключевая характеристика – склонность к потреблению как способу конструирования своей личности. В силу этого полное удовлетворение даже основных потребностей становится невозможным, поскольку идентичность требует ежедневного воспроизводства. Отсюда парадокс высокой трудовой деятельности человека, который уже сыт, имеет крышу над головой и обладает достаточно обширным гардеробом. Логическим следствием развития капиталистического способа производства является формирование ненасытного потребителя, для которого потребление выступает как основное содержание его жизни» [3, с. 5].

Общество потребления оказывает самое серьезное влияние на все стороны человеческой жизнедеятельности, иногда в значительной мере меняет характер социальных отношений. По мнению исследователей С. В. Бойко и А. М. Магомедовой, оно «вызывает к жизни определенные политические идеологии и формирует определенные весьма влиятельные общественные и государственные структуры, а также довольно активные политические движения. Однако наиболее существенный характер принимает влияние консюмеризма на духовную сферу общества, изменяя моральное сознание людей, моральные отношения между ними и качество их моральных поступков» [1]. Как верно подметили данные авторы, «одной из первых жертв в процессе пересмотра духовных ценностей оказывается мораль. Человек начинает рассматривать себе подобных не в качестве уникальных и самоценных личностей, достойных уважения и заботы, а в качестве своеобразных объектов, удовлетворяющих наряду с прочими, одну из многочисленных потребностей» [1].

В условиях формирования общества потребления значительная часть российской молодежи перестает отождествлять себя со своим государством, его героическим прошлым. Как справедливо отметил Н. Н. Ильин, «все более стала заметной постепенная утрата нашим обществом традиционно российского патриотического сознания... Даже понятия «русский», «Россия», «Родина» многими людьми не понимаются, они лишаются всеобщего смысла,

приучая сознание к размытым общечеловеческим ценностям. Неслучайно в общественном сознании получили широкое распространение равнодушие, эгоизм, индивидуализм, цинизм, немотивированная агрессивность, неуважительное отношение к государству и социальным институтам» [4, с. 49].

В связи с тем, что духовно-нравственные и обучающие функции действующей системы общего образования явно недостаточны, особую актуальность приобретает проблема нравственного воспитания молодого поколения, в том числе и курсантов образовательных организаций МВД России. При этом важно понимать, что патриотизма без духовности не бывает, и высокий уровень духовно-нравственной культуры сотрудника полиции – это не только показатель его любви к Родине и активной гражданской позиции, но и основа его профессионализма.

Между тем моральный облик сотрудника полиции формируется не только под воздействием существующих реалий и духовно-нравственного воспитания в семье и образовательных организациях. Большую роль здесь играет изучение и использование исторического опыта деятельности полиции и милиции в про-

шлом, который должен быть изучен и осмыслен применительно к современным условиям.

В дореволюционной России одним из направлений деятельности полицейских органов было социальное. В рамках обеспечения социальной функции государства полиция Российской империи координировала взаимодействие общества и государства в благотворительной сфере, осуществляла контроль над общественной и частной благотворительной деятельностью, оказывала содействие благотворительным обществам и органам местного самоуправления при проведении ими социальных мероприятий, а в некоторых случаях организовывала социальные мероприятия самостоятельно.

Среди многообразия функций государства социальная занимает одно из ведущих мест. Посредством реализации данной функции создаются достойные условия жизни каждому человеку, осуществляется социальная защита представителей наименее обеспеченных слоев населения (безработных, пожилых, инвалидов, многодетных семей, сирот, детей в неполных семьях), происходит укрепление социальной справедливости и солидарности в обществе.

Социальная функция как самостоятельное направление деятельности государства формировалась длительный период времени. Содержание данной функции определялось характером государственности, уровнем развития экономики. На ранних этапах российской государственности социальная функция была развита слабо и выражалась в форме «призрения», а также содействия общественной и частной благотворительности. В Древней Руси основной объем благотворительной деятельности выполняли различные церковные учреждения: соборы, монастыри, церкви. При этих учреждениях оседало большое количество нищих, и для содержания последних собирались специальные пошлины. Определенные шаги в деле формирования системы государственного призрения были предприняты в первой четверти XVIII в. В условиях становления абсолютизма и полицейского государства государственное призрение стало единственно возможной формой оказания помощи нуждающимся.

Усиление государственного регулирования в социальной сфере посредством издания большого количества нормативно-правовых актов привело к тому, что осуществление помощи населению было возложено не на общество, как в предшествовавший период, а на органы государственного управления, прежде всего – на полицию. Круг вопросов, входящих в компетенцию последней, оказался настолько широк, что легче было перечислить сферы, оставшиеся за пределами ее деятельности, чем те, о которых она имела «неустанную заботу». Так, в числе самых разнообразных административных функций, направленных на поддержание общественного порядка, Регламентом Главного Магистрата 1721 г. на полицию возлагалось «призрение нищих, бедных, больных и прочих неимущих, защита вдовиц, сирых и чужестранных по заповедям Божьим» [7, с. 13].

Однако органом, непосредственно осуществляющим социальную деятельность, полиция не стала. Полицмейстерские канцелярии и конторы постепенно из общеадминистративных превращались преимущественно в карательно-правоохранительные. Обязанность полиции по призрению нищих, сирых, убогих становится второстепенной. Решая основную задачу – поддержание обще-

ственного порядка, полицейские служащие вели активную борьбу с нищенством, применяя в основном репрессивные меры. Вместе с тем, осуществляя преследование и искоренение нищенства, полиции приходилось проводить также некоторые мероприятия социального характера, направленные на его предупреждение. Такие полицейские мероприятия, как распределение нищих по существующим благотворительным заведениям, строительство новых, наблюдение за порядком призрения в них, оказание материальной помощи нуждающимся – являлись административными мерами, производными от задачи преследования и предупреждения нищенства, хотя и социальными по своему содержанию. Также полицейские служащие привлекались для осуществления единовременных благотворительных мероприятий. В соответствии с именным указом от 16 февраля 1723 г. «Об описи, в случае голода у всяких чинов излишнего хлеба, для раздачи оного неимущим в долг», при выдаче хлеба во время голода они осуществляли контроль за тем, чтобы государственную помощь получали только голодающие [6, с. 24–25].

В последней четверти XVIII в. оформляется и законодательно закрепляется государственное присутствие в социальной сфере, складывается система государственного призрения.. Согласно Учреждениям для управления губерний 1775 г., в каждой губернии учреждались приказы общественного призрения, основной задачей которых являлось решение социально-культурных вопросов. Сначала руководство приказами общественного призрения, как и других государственных органов конца XVIII в., было децентрализованным и сосредотачивалось исключительно в ведении губернаторов. С учреждением в 1802 г. Министерства внутренних дел приказы общественного призрения были переданы в его ведение. Таким образом, Министерство внутренних дел можно считать первой государственной структурой социального обеспечения.

В процессе осуществления земской реформы 1864 г. большинство приказов прекратили свое существование, передав свои социальные учреждения земствам и городам, которые финансировали их из местных налогов. Таким образом, инициатива в социальной сфере перешла к земствам и городам. На последнее десятилетие XIX – начало XX в. приходится наивысший пик в развитии общественной и частной благотворительности.

Вместе с тем бурное развитие общественной и частной благотворительности после буржуазных реформ 60–70 гг. XIX в., жесткая правительственная регламентация образования и деятельности общественных и частных благотворительных организаций в условиях абсолютизма – явились главными предпосылками изменения основных направлений социальной деятельности полиции; таковыми стали полицейский надзор и контроль над общественной и частной благотворительностью, содействие в проведении социальных мероприятий общественным благотворительным организациям и органам местного самоуправления и даже собственно сами социальные мероприятия.

Подведя итог, следует отметить, что с момента своего учреждения в 1718 г. в качестве общеадминистративного органа полиция Российской империи была обязана призревать нищих, распределять их по благотворительным заведениям, участвовать в строительстве последних и даже непосредственно оказывать

нуждающимся прямую материальную помощь. Поэтому, как представляется, изучение опыта социальной деятельности полицейских служащих дореволюционной России будет способствовать формированию высоких морально-нравственных качеств у курсантов образовательных организаций МВД России, что является частью патриотического воспитания. По мнению С. Г. Куликовой, «сущность патриотизма... состоит в положительно деятельностном отношении к Отечеству» [5, с. 84].

Список литературы

1. Бойко С. В., Магомедова А. М. Общество потребления в России и тенденции развития российского социума // Современные проблемы науки и образования. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=9705.

2. Иванов И. В. О вопросах патриотического воспитания и нравственности в современном обществе / под ред. Н. В. Румянцева и С. С. Пылева // Нравственно-патриотическое воспитание курсантов Московского университета МВД России – фундаментальная основа подготовки высокопрофессиональных специалистов органов внутренних дел. М. : Щит-М, 2009. С. 72–75.

3. Ильин В. И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. № 2. С. 3–40.

4. Ильин Н. Н. В духе верности и любви к своей Родине / под ред. Н. В. Румянцева и С. С. Пылева // Патриотизма без духовности не бывает : материалы международного семинара-практикума. Руза : Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2014. С. 46–51.

5. Куликова С. Г. «Патриотизм» и «национализм»: тонкая «грань» дефиниций глазами русских консерваторов и националистов начала XX в. / под ред. Н. В. Румянцева и С. С. Пылева // Патриотизма без духовности не бывает : материалы международного семинара-практикума. Руза : Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2014. С. 80–85.

6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. I. Т. VI. № 4168. С. 24–25.

7. Сабекия Р. Б., Аскарова Г. Б. Духовность, гражданственность, патриотизм как базовые национальные ценности российского общества // Современные проблемы науки и образования. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=8577.

Удальцов А. А.[1]*,*
начальник кафедры
теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Бредихин А. Л.[2]*,*
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ В ВУЗАХ КОНЦЕПЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ ДЛЯ НЕИСТОРИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ И НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

История любой страны с ее темными и светлыми сторонами определяет будущее государства и общества. В условиях развитой государственности как охрана истории, так и ее интерпретация становятся весьма важными элементами государственной политики. Практически всегда события прошлого вплетаются в идеологические основы государства на текущем этапе развития [2, с. 47–57].

События последнего года показали, что так называемый коллективный Запад почти открыто заявляет об уничтожении российской цивилизации и предпринимает для этого вполне осязаемые шаги, при этом пытаясь выставить Россию виновником всех бед. Но как биография говорит о человеке, так история характеризует истинное лицо страны, поэтому Западу выгодно фальсифицировать исторические события в свою пользу, а нам нужно свою историю беречь.

Сказанное приобретает особое значение при преподавании истории России в вузах, чему сейчас уделено большое внимание. Так, Министерство образования и науки Российской Федерации утвердило Приказ от 19 июля 2022 г. № 662 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования», который устанавливает обязательный минимум зачетных единиц, отводимых в вузах на изучение дисциплины (модуля) истории в рамках образовательных программ высшего образования.

Кроме того, Минобрнауки России была утверждена «Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования» [1] (далее – Концепция). В этом документе обстоятельно рассматриваются подходы к преподаванию истории России в контексте мировой истории, декларируется патриотическая позиция при изложении материала, соблюдения принципа историзма и т. д.

---

[1] © Удальцов А. А., 2023.
[2] © Бредихин А. Л., 2023.

Вместе с тем реализовать положение Концепции в одночасье очень сложно, а уже с сентября 2023 г. начнется преподавание истории России, и сейчас видятся некоторые вопросы.

1. Учебная литература. Всеобъемлющий плюрализм постсоветского времени привел к появлению множества исторической учебной, научной, публицистической и другой литературы, которые подчас с диаметрально противоположных позиций оценивали те или иные события нашей истории.

С одной стороны, очень полезно было в начале 1990-х гг. преодолеть советский догматизм и некоторое мифотворчество, однако это привело к другой проблеме – отсутствию объективности понимания истории России. Подлая, но вполне прагматичная политика Западных стран способствовала обесцениванию исторических достижений России, выпячивала негативные страницы истории и принижала значимость других. Историческая литература издавалась часто при поддержке иностранных фондов с нужным нарративом, тем самым либеральные историки становились наиболее востребованными и популярными.

Безусловно, помимо плохих учебников существует и масса хороших, но тоже написанных с определенной долей субъективизма и личного отношения к происходящему.

Соответственно, вопрос выбора учебной литературы – это вопрос формирования исторического мировоззрения обучающегося на годы вперед. То, что студент/курсант получил во время учебы (тем более если он не историк) останется с ним на всю жизнь и даже может быть передано его детям. Негативное отношение к истории страны сформирует поколение, не уважающее историю своей станы, что скажется и на доверии к власти в целом.

Какая литература будет положена в основу курса истории России? Вот вопрос, который нас волнует. Очевидно, что до сентября 2023 г. вряд ли появятся учебники, написанные в точном соответствии с концепцией преподавания истории, а существующие могут содержать «неудобную» и сомнительную информацию, которая будет противоречить утвержденным в Концепции подходам.

Здесь перед преподавателями стоит вопрос подготовки качественных лекций, которые видимо на ближайшую перспективу станут основным источником для подготовки к занятиям и экзамену.

2. Методика преподавания. В названной Концепции содержатся указания относительно общих подходов к преподаванию. Так, указано, что *«раскрывая проблемы и противоречия отечественной истории, преподавателям вузов необходимо избегать негативного уклона и «очернительства», оставаясь на позициях объективности и историзма, отмечать по преимуществу созидательный характер деятельности Российского государства и населяющих его народов по хозяйственному освоению обширных территорий, достижений в сфере культуры и науки».* Указывается и на направленность курса истории России на воспитание патриотизма, что обеспечивается *«приоритетным вниманием к героическим страницам борьбы России за свободу и независимость против иноземных захватчиков, за обеспечение общенациональных интересов и безопасности».*

Общие подходы понятны и логичны, однако формальный патриотизм может только навредить, если патриотическая позиция не подкрепляется знаниями или убедительной аргументацией преподавателя. Неприкрытое навязывание «нужной» точки зрения приведет не к патриотизму, а к диаметрально противоположному эффекту. Еще сохранилась в памяти советская эпоха, где была полная уверенность в достижении коммунизма, а учебная программа на любом уровне была насыщена социалистическими идеями. Но в середине 1980-х гг. развитое социалистическое государство оказалось в глубоком кризисе, а в начале 1990-х гг. уже вызывало презрение. По этой же причине вполне разумная, но идеологизированная литература стала макулатурой.

3. Кадровый вопрос. Очевидно, что далеко не во всех неисторических вузах в штате имеются профессиональные историки, а требуемая Концепцией научность может быть достигнута только силами ученых-историков.

В связи с этим уже сейчас стоит вопрос увеличения числа мест в вузах и аспирантуре, которые бы готовили кадры историков. Однако, это вопрос нескольких лет, а его надо решать уже сейчас. На фоне утраты интереса молодежи к науке и непрозрачной системы подготовки научных кадров не факт, что и за несколько лет можно решить названную проблему.

Наиболее очевидным является проведение переподготовки и повышения квалификации действующих преподавателей по программе «Преподавание истории России в Вузе». При этом, исторические факультеты ведущих вузов страны должны будут взять на себя подготовку таких образовательных курсов.

Важно понимать, что задача воспитания человека в духе патриотизма и уважения к своей стране не терпит формализма и механического выполнения рекомендаций, а должна выполняться с самым пристальным вниманием и усердием.

Наряду с этим нужно учесть положительный и негативный опыт советского периода, когда идеологическая работа широко проводилась через систему образования и воспитания. Разница лишь в том, что советская историческая наука тоже немало сделала для уничижения достижений нашего государства в дореволюционный период, что увеличивает противоречивость нашей истории и усложняет задачу формирования некого усредненного положительного взгляда.

Все обозначенные выше проблемы являются решаемыми только при комплексном подходе, при совместных усилиях общества и государства, а также при благоприятных внутриполитических условиях.

Список литературы

1. Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: https://minobrnauki.gov.ru/Концепция1.pdf.

2. Ефимова Е. А. Историческая память как фактор консолидации российского общества / отв. ред. С. Ю. Наумов // Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия : материалы международной научно-практической конференции. СПб. : Скифия-принт, 2022.

Феднева Н. Л.[1],
доцент кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент

ПАТРИОТИЗМ И ТРИ ИПОСТАСИ ИСТОРИИ В СХВАТКЕ ГЛОБАЛИЗМА И МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Представление об основных направлениях развития общественной мысли и практика преподавания истории подсказывают, что патриотизм – понятие, внешне кажущееся исторически изменчивым, имеет глубокие корни в коллективных представлениях каждого народа, в архетипах его сознания, находит подтверждение в народной истории и традиционных ценностях.

Истоки чувства патриотизма можно вывести из дихотомии «свой – чужой» (предложенной впервые социологом Г. Зиммелем) и дихотомии «друг – враг» (введенной в научный оборот правоведом К. Шмиттом). Шмитт рассмотрел в теоретическом плане противопоставление категорий «друг – враг» в качестве ментальной предпосылки зарождения политического сознания и образования государства [4, с. 37–69]. Изложенная в статьях 1927–1971 гг. концепция Шмитта оставалась неизменной, несмотря на критику его идей и привлечение в качестве свидетеля обвинением на Нюрнбергском процессе. После Второй мировой войны проблема дихотомии «свой – чужой» в европейской общественной мысли оказалась вне интереса неолибералов.

Но на рубеже XX–XXI вв. проблема истории «своего» и «чужого» отечества, отношения к «своим» и «чужим» ценностям приобрела особую остроту в связи с навязыванием США своего доминирования, которое требовало идеологического подкрепления в виде концепции глобализации и отмены национальных различий. Критика концепции К. Шмитта возобновилась, в том числе и по линии правоведения [1, с. 2–35]. Лейтмотивом критики «партикуляризма», «нового национализма» стал фактический отказ от понятия суверенитета национальных государств как утратившего реальное содержание в постиндустриальную эпоху, искусственного, навязанного прежними имперскими правителями, ушедшим с арены истории вместе с распавшимися империями. Историки сознательно или невольно попадали в плен представляемой как высшее достижение постмодернизма концепции отмены официальной национальной истории, основанной на традиционных ценностях. Между тем разрыв с официальной историей содержал в себе серьезную опасность, многократно возрастающую в условиях информационного общества – опасность утраты национальной идентичности – предпосылку отмирания государства. Пересмотр национальной исторической памяти, отказ от изучения фактической стороны политической истории, от углубления в сущность самого понятия патриотизма провоцировали дезинтеграцию национальных обществ и мирового сообщества в целом. И, как становится очевидно сегодня, прокладывали дорогу глобальным «обще-

[1] © Феднева Н. Л., 2023.

человеческим ценностям», служившим маскировкой имперских устремлений глобалистов США.

Целью данной публикации является анализ феноменов истории и патриотизма, проявляющихся в таких ипостасях, как институциональная (официальная) история и официальный патриотизм; контринституциональная (неофициальная, диссидентская) история и неофициальный патриотизм; народная (альтернативная) история и народный патриотизм, – как взаимосвязанных факторов, от которых зависит формирование гражданской идентичности, противостояние социальной энтропии и сохранение государственности.

Положение К. Шмитта о том, что с разделения на «своих» и «чужих» начинается любое социальное ранжирование, приводящее в дальнейшем развитии к социальной структуре, невозможно оспорить. От противопоставления своего рода чужому, своего племени как союзу близких, похожих родов, чужому племени – к союзу своих племен как протогосударству и, наконец – к государству – такова историческая многовековая траектория развития коллективного политического сознания. Коллективные представления и ритуалы, отражающие общность верований в форме мифов, доминировали в догосударственную эпоху, но они сохраняли свое значение и позднее, когда с появлением письменности возникли государственные институты и производная от них, институциональная история, основанная на рациональном сознании, которая становится официальной и с одобрения государственной власти выполняет идеологическую функцию.

Предметом формирующейся институциональной истории по преимуществу стали нескончаемые войны «своих» и «чужих». Однако оставляли след в памяти поколений лишь те из них, в ходе которых формировались идеалы и ценности, объединявшие народы на столетия вперед, то есть имевшие подпитку в коллективном сознании. Так, слепой певец Гомер и его последователи – рапсоды – воспели героев Троянской войны, тиран Писистрат приказал записать их песни, и древние ахейцы стали считать себя единым народом – эллинами, а Элладу – своей общей родиной. В республиканском Риме в ходе войн квиритов с соседними племенами сформировались понятия римского народа (*populus romanus quiritium*) и римского гражданина, отразившие соответствующие права и обязанности, закрепленные законом; возникла идея патриотизма как служения отечеству, включавшего самопожертвование при исполнении долга. Память о совместных усилиях и жертвах во имя Великой Победы над фашизмом духовно объединила народы бывших союзных республик СССР, Центральной и Восточной Европы; и эта связь, несмотря на системные попытки ее разрушить, существует и сегодня.

Официальный патриотизм являлся элементом государственной идеологии; выполнял в общественном сознании основную интегрирующую функцию. Исторические концепции создавались при опоре на факты, отобранные в прошлом, которые могли послужить героизации сознания и укрепления единства общества в настоящем. Единообразное восприятие большинством сознательного населения определенных исторических событий как реально происходивших, придавало им некую дополнительную объективность, превращая даже не-

которые из них, которые являлись вымышленными, в реальности коллективных представлений. Так происходило влияние официального институционального исторического знания на коллективное бессознательное. Во славу патриотизма и национальных интересов рождался объединяющий исторический миф, ибо каждый народ, задумывающийся над тем, чтобы сохраниться как народ, занимается историческим мифотворчеством.

Степень влияния официальной истории на народные представления об исторических событиях в разные периоды общественного развития была различной. Не все вымышленные или не адекватно своей значимости оцененные факты, официально предлагавшиеся народному сознанию, оказались им воспринятыми. И, наоборот, некоторые факты, которые власти пытались стереть из памяти народной, остались в ней в форме фольклора, народных песен или городского романса, анекдотов и др.

Наряду с официальной институциональной историей, параллельно ей и народным коллективным представлениям формировалась контринституциональная история, отражавшая представления «чужих», которые могут принадлежать не только проживающим на другой территории, в том числе, врагам, но и силам, противостоящим власти внутри государства. Применительно к историческому знанию неформальный патриотизм отличался от официального в первую очередь отношением к историческим реалиям. Представители неофициального патриотизма делали упор на игнорируемые официальными историками факты и предлагали основанные на них концепции исторического развития. При этом контринституциональная история, подчеркивая свою объективность и рациональную обоснованность, стремилась влиять и влияла на сферу бессознательного, претендуя на право отражать ценности народной жизни, не попавшие в официоз.

Довольно часто версии тех или иных исторических событий, предложенные внутренними оппозиционными силами, использовались внешними врагами в своих целях.

Проблема противостояния институциональной и контринституциональной истории в рациональном выражении и их взаимодействия с коллективными представлениями народной истории была поднята в последней четверти XX в. одним из представителей французской исторической школы «Анналов» М. Ферро [2; 3].

Ферро обратился к концепции роли коллективных представлений в познании истории и предметно показал, что в каждой стране, помимо институциональной и контринституциональной ипостасей, формируется история как коллективная память народа, так называемая народная история, которая может совпадать с первой или второй, но может и отличаться от них [2, с. 305–308]. Эта третья ипостась, являясь автономной, неинституциональной, есть совокупность коллективных представлений народа о себе и своей истории, она есть элемент коллективного бессознательного, если пользоваться термином К. Юнга. «Не надо непременно приписывать бессознательному психологию сознания. Его ментальность инстинктивна; у него нет развитых функций; оно мыслит не так, как мы понимаем «мышление». Оно просто создает образ, отвечающий со-

стоянию сознания, содержащий в себе столько же мысли, сколько и чувства, и является всем чем угодно, только не продуктом рационалистической рассудочности», – писал Юнг [5, с. 248–249].

Обращение Ферро к концепции народной истории, совпавшее с переходом к новой постиндустриальной стадии развития стран «золотого миллиарда», независимо от субъективных намерений историка, представляется не случайным и весьма показательным. Обозначившаяся тенденция к глобализации, носителем которой стали США, настоятельно требовала формирования такой «народной истории», которую можно было бы положить в основание неолиберального универсального сознания, пренебрегая уже известными, основанными на рациональном изучении источников институциональными и контринституциональными историями.

Необходимо подчеркнуть, что именно народная история выполняет важную функцию идентификации, благодаря которой гражданин страны или житель определенной местности отделяет себя от чужих, относит к группе соотечественников.

Стихийный народный патриотизм и стихийная народная история как коллективное бессознательное являются такой же ментальной реальностью, как и реальности институциональные. В условиях угрозы безопасности или ведения войны эти факторы усиливают свое значение, а во время распада империй играют важную роль в сохранении или разложении государственности в целом, ее отдельных частей или смене ее форм.

В историческом контексте деятельность государственных институтов по формированию социальной, в широком смысле, а также в более узком смысле – образовательной среды, призванных решать задачи воспитания патриотизма и гражданственности, прослеживается на всем протяжении их существования в разных странах. По мере развития государственности и средств массовой коммуникации общесоциальная и образовательная среды становятся не только субъектом коллективного сознания, но и объектом, на который институциональная история оказывает свое воздействие, в том числе осуществляя противостояние возможному влиянию истории контринституциональной.

Беспрецедентные попытки переформатировать общественную среду (включая образовательную) с целью навязать глобалистские идеи в противовес национальным патриотическим концепциям истории предприняты в последние десятилетия на Западе. Происходило это под прикрытием ниспровержения национальной официальной истории, развенчания закрепленных в ней традиционных ценностей, распространения сомнений в корректности ранее признанных и подтвержденных фактов.

Фундаментальная попытка пересмотра институциональной и народной памяти была предпринята во Франции и нашла воплощение в многотомном издании под редакцией П. Нора «Места памяти» (Les Lieux de memoire. Paris, 1984–1992). Нора позиционировал свой проект как исследование, направленное против исторических сочинений, которые служат прославлению памяти о том или ином событии или выдающемся деятеле, то есть против институциональной истории, которая была приравнена им к истории имперской в негативной коннотации.

При всех достоинствах проекта Нора (в нем приняло участие почти 120 ученых-историков, написавших очерки об отдельных объектах исторического наследия), оно не стимулировало дальнейших изысканий; следствием обсуждений исследования о «местах памяти» Франции стало признание неолиберальными авторами того, что создание единой истории страны, рационально и непротиворечиво объемлющей и освещающей события, учитывающей вклад различных слоев общества и выдающихся личностей в историческое развитие, невозможно. Государство Франция, являвшееся в XIX в. лидером европейской историографии в части политической истории, одной из первых стран принявшая в XX в. закон об исторической памяти, фактически отказалась от своего исторического прошлого, от своей институциональной истории.

Вывод, сделанный П. Нора о том, что можно считать «местом памяти», стал не только бесплодным в методологическом отношении. Под «местом памяти» (*lieu de mémoire*) он понимает любое значимое явление, вещественное или нематериальное по своей природе, которое по мановению человеческой воли или под воздействием времени приобрело статус символа в мемориальном наследии того или иного сообщества. Такое расширительное толкование понятия «место памяти» открывало простор произвольного отбора того, что и почему следует считать национальным наследием. Провозглашенное Нора стремление исключить влияние институционального подхода к отбору материала, независимо от его субъективных намерений, открыло дорогу кампании пересмотра исторической памяти в ипостаси бессознательного.

Глобалистские властные элиты предприняли активные попытки установить контроль над коллективным бессознательным, переформатировать его в политических целях. Проведенный в этом направлении на Украине эксперимент, сопротивление которому внутренними институциональными силами было постепенно отключено и подавлено, а извне отсутствовало, привел к созданию общества с извращенным коллективным бессознательным менталитетом, в котором был сформирован образ России как врага.

Реализация концепции отмены существовавшей институциональной истории, особенно в части, касающейся истории Второй мировой войны, масштабно и систематически осуществляется в европейских странах; особенный упор сделан на отмену в союзных республиках бывшего СССР. Взамен используются клише контринституциональной истории, причем выбираются те из них, которые по своему содержанию наиболее враждебны официальным установкам, хотя не имеют фондированного документального и зачастую просто рационального подтверждения.

На место отмененной институциональной истории активно насаждается извращенное коллективное бессознательное, которое выдается за народную историю. Эта последняя не подлежит верификации и рациональной критике, но на некоторое время может стать важным фактором национальной самоидентификации.

Проведенный обзор подходов к феноменам патриотизма и истории, проявляющихся в таких ипостасях, как институциональная, контринституциональная, коллективное бессознательное, дает основания полагать, что при разработке государственной политики в сфере исторической памяти необходимо учиты-

вать триединую сущность того и другого феномена, взаимовлияние и взаимодействие этих трех ипостасей истории. Основанная на объективных фактах правдивая официальная институциональная история создает прочную основу для официального патриотизма, подкрепленного народным патриотизмом, рожденным правдой жизни, интуитивным нравственным чувством, основанном на традиционных ценностях. Уход от освещения трагических, негативных исторических событий, отступления от фактов либо их фальсификация, допущенные институциональной историей, создают условия для возникновения неофициальной контринституциональной истории, которая, будучи поддержанной извне и оказывая влияние на народную историю, может разрушить национальную идентичность и привести к распаду государства и общества.

Список литературы

1. Богданди А. фон. Публичное в международном праве в контексте «Понятия политического» Карла Шмитта // «Дайджест публичного права» Гейдельбергского Института Макса Планка. 2018. № 1. С. 1–36.

2. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М. : Высшая школа, 1992.

3. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М. : Клуб 36,6. 2014.

4. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–69.

5. Юнг К. Психология бессознательного. М. : АСТ, 2021.

Хабарин О. М.[1]**,**
преподаватель кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XVIII В. И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Созданный в начале XVIII в. Петром Великим разветвленный бюрократический аппарат, будучи пораженным коррупцией и казнокрадством, требовал жесткого контроля за исполнительностью, а активная военная экспансия России по западным и восточным направлениям ставила эту задачу в число приоритетных. Реализуя взятую из европейских и скандинавских стран оригинальную для России идею создания специального административного контрольного органа, фискалитет являлся первым чрезвычайным органом текущего государственного финансово-административного и судебного надзора и контроля, осуществлявшего свои полномочия методами тайного и явного проведывания и доноса. Однако при его законодательном оформлении были допущены серьезные ошибки, изначально сокращавшие эффективность его деятельности.

Наделенный широкими полномочиями и подчиненный при этом административному аппарату, имея небольшой кадровый состав, институт фискалов был призван защищать интересы государственной казны, осуществлять контроль над государственным управлением, отправлением правосудия, за исполнением рекрутской повинности, а также выполнять функции полицейского и юридического характера, охраны границ и политического сыска на всей территории российского государства, что, в целом, осуществить на практике было крайне сложно.

Место фискалов в системе государственного строя России определялось тем, что они, с одной стороны, выступали как доверенные лица царя, а с другой – входили в систему Сената. Фискалы могли входить в непосредственные отношения с монархом, но постоянных контактов между царем и фискалами не было; обер-фискал Сената мог доносить «Самому царскому Величеству» лишь в «самых нужных делах», поскольку непосредственное руководство фискалами и направление их деятельности осуществлял Сенат. Однако по наиболее важным вопросам (например, организация и компетенция фискалов) указы давал царь. Именно царь назначал главу фискальского ведомства; нижестоящие же фискалы, хотя и не назначались самим царем, но при этом предполагалось волеизъявление монарха. Фискал приносил присягу царю и был ответствен перед ним [15, с. 53]. Он обязывался «все к высокому Его Величества Самодержавству права ... остерегать...» [11]. Таким образом, складывалась система двойного подчинения. К тому же, являясь подконтрольным Сенату ведомством, фискалитет, согласно указу, должен был «над всеми делами тайно надсматривать» и вызывать на суд любого государственного подданного «какого чина ни есть»,

[1] © Хабарин О. М., 2023.

что приводило к тому что, по сути дела, подчиненное ведомство должно было контролировать вышестоящее. Такая ведомственная подчиненность фискалитета не была реформирована законодателем и была характерна для всего периода его существования. Как отмечает Н. В. Муравьев, за исключением особенно важных случаев или при бездеятельности компетентного места, «фискальские доношения подавались по принадлежности в то установление, которого они непосредственно касались; так, в Сенат и коллегии поступали от состоявших при них фискалах доношения о беспорядках и упущениях в собственном ведомстве этих учреждений» [6, с. 255].

Не имея постоянного оклада, за доказанное преступление фискал получал половину от всей суммы штрафа с подсудимого, что делало его должность весьма прибыльной. Такой способ оплаты был первоначально выгоден и государству: оно получало доход, не тратя средств на содержание фискалов и при этом стимулировало их активность. Поэтому, когда осенью 1713 г. Желябужский, желая пресечь споры из-за штрафов, предложил ввести фискалам твердые оклады, Сенат это предложение отверг [3, с. 62].

Помимо этого, фискал изначально освобождался от ответственности за ложный донос и клевету, которая воспринималась как простая ошибка, от которой никто не застрахован. Обвинение фискалов в неправомерных действиях грозило конфискацией имущества. Кроме того, областные фискалы не только лично, но и со всеми своими поместьями были изъяты из юрисдикции местного начальства, губернаторов, и сделаны подсудными только Сенату, через государственного фискала [10].

Таким образом, царь предоставлял фискалам значительную свободу действий, чем они зачастую успешно пользовались не в государственных интересах. Практически полное освобождение их от ответственности за клевету и ложный донос в условиях отсутствия государственного жалования фактически приводили к восстановлению кормленчества, а первоначальное отсутствие срока давности по рассматриваемым делам и срочный порядок их рассмотрения лишь усугубляли ситуацию. Зачастую мирное сосуществование фискалов и местных администраторов определялось толерантностью первых к злоупотреблениям последних, причем, конечно, не бескорыстно [5, с. 79].

Н. И. Павленко так характеризовал фискальную деятельность: «В поисках материала для изобличений фискал слонялся среди населения, подсматривал и подслушивал, собирал улики и садился за стол сочинять донос» [7, с. 462]. Таким образом, самими фискалами служба рассматривалась как источник личных доходов, поскольку размер вознаграждения был поставлен в зависимость от их личной деятельности, что, безусловно, давало повод для злоупотреблений [8, с. 135]. По сути, ведомство, созданное для борьбы с коррупцией, оказалось ей подвержено.

Социальное происхождение руководителя фискалов в указе также не уточнялось, что впоследствии привело к сложностям в исполнении его функций, особенно в среде привилегированных сословий. Источником дальнейшей некомпетентности и непрофессионализма фискальных руководителей являлось не только то обстоятельство, что сам институт фискалов вводился в России впер-

вые и непосредственно опытом ведения фискальской деятельности не обладал пока никто, но и тот факт, что никаких строгих критериев при выборе обер-фискала в законодательстве XVIII в. просто не существовало. Помимо того, что Сенат, ставя обер-фискала в известность о всем существующем законодательстве, обязан был объявить ему «о всех публичных и генеральных указах» [9], основные требования сводились к тому, что «обер-фискал должен быть человеком незаурядного ума, политически надежным, энергичным, смелым и независимым. Только при наличии этих качеств он мог разобраться в злоупотреблениях и разоблачить их, не считаясь с высоким сословным и должностным положением виновных» [1, с. 64].

При отборе на должности фискалов законодательство не предъявляло никаких серьезных требований к кандидатам, руководствуясь только знанием современного законодательства и высоким нравственным цензом, для проверки которого в законах имелись достаточно пространные указания.

Использование представителей «подлых сословий» для контроля власть имущих – крайняя мера, характерная для петровской эпохи. Выборные фискалы из посадских составляли только часть института (22 % в 1727 г.) [4, с. 338], однако и эта часть была подчинена общему бюрократическому началу [16, с. 34]. По мнению Н. В. Муравьева, «состав петровских фискалов, набранных без разбору и без гарантий порядочной службы, к ней притом совсем не подготовленных, очевидно не мог оказаться на высоте положения, требовавшего закономерного надзора за действиями других, а лучшего состава взять было неоткуда, и правительство поневоле и сознательно считалось с этим недостатком» [6, с. 263–264] вплоть до 1723 г., когда сам Петр признал, что «понеже фискалы...вскорости были выбраны из самых нижних людей, без свидетельства, которые рангов не имели, кроме обер-фискала, которые ныне явились в великих преступлениях и злодействах» [12]. Только с этого момента одна из важнейших проблем устройства фискалитета была осознана и исправлена путем дальнейшего назначения фискалов в соответствии с Табелью о рангах «из знатных офицеров» [12].

Обязанные контролировать деятельность присутственных мест, фискалы не были при них учреждены вплоть до распоряжения Генерального регламента 1720 г., что значительно сокращало возможности постоянного надзора. Кроме того, не имея всей полноты ведомственной независимости и властных полномочий, позволяющих не только выявлять и констатировать преступления, но и самостоятельно выносить приговор, фискал не мог гарантировать успешного окончательного завершения очередного судебного процесса, инициированного по его доносу, что, в свою очередь, существенно сокращало эффективность его деятельности.

Такое положение фискалитета усугублялось как латентным, так и активным сопротивлением высшей и местной администрации исполнению фискалами своих прямых обязанностей, поскольку борьба фискалов с различными должностными злоупотреблениями затрагивала ее коренные интересы.

В целях повышения эффективности и скорости рассмотрения фискальских доносов законодательство не предпринимало практически никаких радикаль-

ных мер, кроме устрашения чиновников, перевода фискальских дел в различные инстанции и переподчинения самого фискалитета. Специализированного органа для систематизации, рассмотрения дел по фискальным доносам и вынесению по ним решения в системе государственного контроля и надзора не существовало.

Отсутствие у фискалов четких инструкций приводило на практике не только к выполнению ими слишком широкого спектра функций от финансового до судебного государственного контроля, но и к искаженному пониманию своих обязанностей. Кроме того, что они вмешивались «в посторонние дела, в которые указом его царского величества им, фискалам, вступать не повелено» [13], фискалы стали сознательно использовать неразработанность петровских законов в корыстных целях. Президент Юстиц-коллегии А. А. Матвеев отмечал, что одним из источников злоупотреблений фискалов была та свобода действий, которую им предоставили петровские указы: «В коллегии Юстиции фискал Косов под надеждою свободы своей великую образу и бесчиние оной же коллегии чинил, на что извольте добрую регулу впредь учинить и такие наглости подлых людей в подобострастие привесть» [14].

Таким образом, можно сделать вывод, что в системе российского государственного аппарата в первой четверти XVIII в. не было создано условий для эффективного функционирования фискалитета, в связи с чем в 1722 г. фискальский контроль был дополнен прокурорским.

В то же время, несмотря на все несовершенство петровского законодательства, в целом, фискалитет успешно выполнял свои непосредственные задачи, что наглядно отображает значительное количество фискальских доносов, с потоком которых, в свою очередь, не справлялись Сенат, монарх, коллегии и суды. Наряду с охраной интересов казны и правосудия, фискалы также занимались выполнением одного из важнейших социальных заказов государства по увеличению численности армии путем доносительства о побегах солдат и рекрутов, уклонения дворян от службы, носивших массовых характер, и ослаблявших самодержавно-крепостническое государство.

Широкий спектр выявленных фискалами преступлений, типичных для административных деятелей всех чинов, существенно содействовал не только поступлению средств в государственную казну, крайне необходимых для проведения радикальных внутриполитических реформ и продолжения ведения активной внешней политики, но и позволял монарху четко видеть основные государственные проблемы и оперативно реагировать на их проявления.

Таким образом, итогом деятельности фискалов можно считать не только раскрытые благодаря их доносам административные, политические, судебные, военные и уголовные преступления, но и успехи внешней политики Российской империи в Северной войне и Каспийском походе, что говорит о значительной пользе данного института и необходимости использования его опыта в современных условиях, ибо современная система надзора и контроля имеет схожие проблемы.

Коррупция, нецелевое расходование государственных средств, рост олигархии и, как следствие, правовой нигилизм общества характерны для России и се-

годня. Место фискалитета заменила громоздкая и разветвленная система государственных и ведомственных органов административного, финансового, судебного и экономического контроля, в состав которой входят: Генеральная Прокуратура Российской Федерации, представленная системой военных, специализированных и районных прокуратур; Счетная палата Российской Федерации; Министерство финансов, имеющее в своем составе бюджетный контроль, которым занимаются Федеральная служба по финансово-бюджетному мониторингу, Федеральная служба финансово-бюджетного надзора и Федеральное казначейство, а также налоговый и таможенный контроль, представленный Федеральной налоговой службой и Федеральной таможенной службой соответственно; контроль экономической безопасности государства осуществляется Департаментом экономической безопасности МВД России, Главным управлением экономической безопасности и противодействия коррупции МВД; структурные органы Следственного комитета Российской Федерации – Управление по расследованию особо важных дел о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики, Управление процессуального контроля в сфере противодействия коррупции и др. Ведомственные контрольные органы представлены: Департаментом по финансово-экономической политике и обеспечению социальных гарантий, осуществляющим организацию и формирование основных направлений государственной политики в области финансово-экономической деятельности МВД, Контрольно-ревизионным управлением МВД, служащим для финансового контроля за целевым и эффективным использованием материальных, финансовых и трудовых ресурсов органов внутренних дел, Финансово-экономическим управлением и Контрольно-ревизионным управлением Следственного комитета Российской Федерации.

По своей структуре современная система органов контроля и надзора значительно шире и разнообразней контрольно-надзорной системы XVIII в., однако, по-прежнему эффективность ее функционирования вызывает сомнения как у самого президента и общества в целом, так и у исследователей права, утверждающих, что обязательным условием при осуществлении государственного контроля и надзора является руководство принципами законности всеми субъектами права. Экономические, финансовые, административные судебные и другие правонарушения свойственны как государственным структурам, так и практически всем сферам общественной жизни. Это подтверждается не только отчетами высших должностных лиц и регулярно публикуемыми мировыми рейтингами уровня коррупции, в которых, по данным международного неправительственного движения Transparency International за 2022 г., Россия наравне с Республикой Мали и Парагваем занимает 137-е место из 180 с очень высоким индексом восприятия коррупции (28 баллов из 100), а также проведением серии государственных антикоррупционных реформ (Федеральный закон от 15 декабря 2008 г. № 273 «О противодействии коррупции», подписание президентом Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 гг. и Федеральном законе от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»), но и опросами общественного мнения, проводящимися ФОМ, по резуль-

татам которых по состоянию на 18 марта 2019 г. 45 % наших сограждан считают: уровень коррупции в России выше, чем в большинстве европейских стран. Молодые и люди с высшим образованием придерживаются такого мнения значимо чаще других (показатели в этих группах – 55 %).

Современная система органов контроля и надзора, включающая многочисленные департаменты, управления, отделы и советы, становится все более разветвленной и бюрократичной, стимулируя постоянное увеличение чиновничьего аппарата; профессионализм регулярно сменяющихся по инициативе высших должностных лиц государства чиновников регулярно подвергается государственной и общественной критике; размытость и емкость издающихся законов (например, Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»), приводит к их разнообразной трактовке и прямому использованию в собственных интересах; невысокая заработная плата стимулирует рост коррупции и хищений государственной и общественной собственности; наблюдается тенденция бесконтрольности чиновничества, не сокращаются правонарушения; правовой нигилизм и всяческие отступления от закона для многих граждан и должностных лиц стали чуть ли не нормой жизни [2, с. 426].

В данных условиях жизненно необходимо исследование теоретических аспектов контрольной формы государственной деятельности, обращения к истории возникновения института контроля в России, который был поставлен в ранг основных приоритетов государственной политики институтом гражданских фискалов еще в первой четверти XVIII в., ибо «современные правовые реалии во многом определяются правовым прошлым» [2, с. 427]. Определенный дуализм, возникающий в оценке деятельности и эффективности фискалитета, является следствием противоречивости положения фискалов в системе органов власти и управления (это полицейский или сугубо административный орган?) и сочетание в нем функций органа государственного контроля, административного надзора и полиции, что, в свою очередь, ставит вопрос о целесообразности такого устройства.

Список литературы

1. Анпилогов Г. Н. Фискалитет при Петре I // Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия. 1956. № 2. С. 63–68.

2. Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Саратов : Саратовская государственная академия права, 2006.

3. Голикова Н. Б., Кислягина Л. Г. Система государственного управления // Очерки русской культуры XVIII в. / отв. ред. А. Д. Горский. Ч. 2. М. : МГУ, 1987. С. 44–108.

4. Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М. : Наука, 1977.

5. Комолов Н. А. Органы следствия и надзора в российской провинции XVIII в. Воронеж. : ВГУ, 2007.

6. Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы. Т. 1. Ч. 2. М. : Университетская типография, 1889.

7. Павленко Н. И. Петр Великий. М. : Мысль, 1994.

8. Платонова Н. В. Институт гражданских фискалов в представлениях российского общества // Постигая историю России: к 50-летию науч. студ. кружка отечественной истории средневековья и нового времени. М. : РГГУ, 1997. С. 130–141.

9. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 4. № 2330. № 2331. СПб., 1830.

10. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 4. № 2467. СПб., 1830.

11. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. № 3479. СПб., 1830.

12. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 7. № 4170. СПб.,1830.

13. РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 700. Л. 467.

14. РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 41. Л. 491.

15. Стешенко Л. А. Фискалы и прокуроры в системе государственных органов России первой четверти XVIII века // Вестник Московского университета. Серия Право. 1966. № 2. С. 51–58.

16. Шестаков С. Е. Деятельность фискалов в эпоху петровских реформ // Студент и научно-технический прогресс : материалы XXI Всесоюзной научной студенческой конференции. Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 1983. С. 30–35.

Хабибулин А. Г.[1]**,**
заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований
Высшей школы государственного аудита,
доктор юридических наук, профессор

ИДЕОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Выступая ядром политической системы общества, государство формирует его социальный и гражданский облик, основные идеологические ценности, установки и ориентиры, в обобщенном виде представляет культуру страны, уровень ее интеллектуального, нравственного развития, качество жизни людей. Развитые государства направляют усилия на достижение высоких показателей устойчивости экономического роста, укрепление правопорядка, повышение уровня социально-экономического обеспечения населения.

Социальная природа государства обусловливает то, что оно призвано выражать интересы всего населения и поддерживать и устанавливать только те ценности, которые направлены на благо всего общества, а не отдельных социальных групп и отдельных личностей. Вместе с тем главным образом именно государством выражаются интересы правящей элиты, которая определяет государственную политику. Однако государственная деятельность должна быть направлена, в том числе, и на реализацию общественного интереса, иначе социальное равновесие будет нарушено и общественные потрясения разрушат сам государственный строй.

Существует ряд функций государственной идеологии (регулятивная, коммуникативная, консолидирующая и др.), стержневой среди которых является консолидирующая – она направленная на формирование политической целостности и единства. С помощью этой функции политическая идеология сглаживает возникающие противоречия между различными социальными группами, создает единую направленность понимания различных представлений о дальнейшем социально-экономическом и политико-правовом развитии общества.

Таким образом, государство благодаря коммуникативным, пропагандистским, экономическим и иным возможностям формирует ценности, адекватные потребностям общества. И на основе этих ценностей создает политическую идеологию, отвечающую общесоциальным запросам. Однако это не означает отрицание инакомыслия и многообразия идеологических представлений или создание унифицированной ценностной модели. Существование различных социальных групп (богатые и бедные, образованные и малограмотные, верующие и атеисты и др.) обусловливает необходимость формирования объединяющей системы взглядов, позволяющей сохранить государственную и общественную идентичность и целостность.

Деятельность государства по формированию политической идеологии не противоречит ст. 13 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной

[1] © Хабибулин А. Г., 2023.

или обязательной. Государство призвано обеспечивать безопасность своих граждан, сохранять целостность общества. Одним из важнейших инструментов достижения данных целей является именно идеология государства. Она наряду с иными политическими представлениями, исходящим от субъектов политики, создает политическое пространство, ядром которого является политическая идеология.

Современное государство не уничижает духовную сферу жизнедеятельности общества и не подменяет ее лишь собственными идеологемами. Духовно-политическую сферу современного общества составляют воззрения всех субъектов политической жизни (государства, политических партий, общественных движений, церкви, различных групп политической элиты и т. д.).

Роль государства как основного субъекта политической жизни заключается в необходимости установления интегрирующих ценностей, свойственных бедным и богатым, образованным и малограмотным, религиозным людям и атеистам, говорящим на различных языках и проживающим в разных регионах.

Современное демократическое государство, осуществляя идеологическую деятельность, не устанавливает государственной или иной обязательной идеологии, оно способствует развитию общества посредством поддержания наиболее социально полезной общенаправленной идейной установки. В этой связи вполне обоснованным представляется противодействие органов государственной власти пропаганде антиобщественных ценностей, направленных на раскол общества, насильственное или иное внеправовое изменений конституционного и государственного строя. Именно государственные структуры обеспечивают общественный порядок и спокойствие граждан и могут применить соответствующие политико-правовые меры воздействия в отношении антиобщественных идей и их носителей.

Деятельность государства по формированию общесоциального идейного начала дальнейшего развития социума приобретает особое значение во время смены общественного строя и иные глубинные общественные катаклизмы.

В частности, социально-экономический и политико-правовой кризис в современной России во многом обусловлен упадком духовной сферы, отсутствием идеологии.

Необходимость формирования идеологической платформы деятельности государства обусловливается ходом исторического развития общества. Отсутствие направленности общественного развития свидетельствует о завершении исторического процесса. Так, американский политолог Ф. Фукуяма ставит вопрос о «Конце истории» в связи с тотальным распространением либеральной демократии [1].

В этой связи необходима стратегия общественно-государственного развития, основанная на взвешенных политико-правовых решениях государства, составляющая идеологическое начало российского общества и обеспечивающая национальную безопасность основных интересов Российского государства.

Список литературы

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ; 2015.

Шикунов Д. В.[1],
доцент кафедры философии
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат политических наук, доцент

ВЛИЯНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

История становления и развития большинства государств мира тесно связана с этнонациональной проблематикой. В центре нее были и остаются взаимоотношения представителей различных наций, народностей, этнических групп друг с другом и государством, гражданами которого они являются. Государство всегда, особенно в критические моменты своего существования, ставило перед гражданами задачи, которые можно было решить только совместными усилиями, будь то защита от внешнего врага или противостояние внутренним угрозам. Основой единения граждан и государства была общенациональная доминанта, которая на различных этапах истории проявлялась в религиозном выборе, в идеологических установках, в служении Родине и радении за державу со стороны истинных представителей различных национальностей [2, с. 6].

Особое внимание здесь стоит обратить на процесс образования нации. Он начинается со времени образования единого централизованного государства в эпоху позднего феодализма и начала развития капиталистических отношений и завершается созданием национальных государств в результате буржуазных и буржуазно-демократических революций. Этот процесс довольно длительный и во многом определяется рядом социально-экономических и политических факторов. Пик роста национального самосознания народов приходится на самые сложные этапы их развития, когда встает вопрос о возникновении государственности или дальнейшем их существовании в условиях внешней опасности. Итогом этого объединительного процесса становится формирование своей нации.

Национальный вопрос во многом определял своеобразие этапов исторического пути многонациональной России, как правило, обостряясь в переломные годы развития (распад Российской Империи в период Октябрьской революции и гражданской войны, обострение межнациональных отношений в период «перестройки» и разрушения СССР, нестабильность этнополитического развития на постсоветском этапе становления новой российской государственности и государственности новых стран «ближнего зарубежья»).

Если оглянуться на тысячелетнюю российскую историю, то наш народ много раз оказывался в подобных условиях. Впервые это произошло в 1380 г., когда Мамай со своей ордой шел на Русь не с целью очередного грабежа, а с идеей создания на ее территории собственной империи с центром в Москве. Поэтому дружина московского князя Дмитрия встала на Куликовом поле в один ряд с воинами из Серпухова, Белозерска, Ярославля, Ростова, Владимира, Новгорода и Твери, чтобы защитить свой народ и свое право жить на своей земле.

Поляки в эпоху Смутного времени рассчитывали включить Московию в состав Речи Посполитой. И опять пришлось объединяться рязанцам, нижего-

[1] © Шикунов Д. В., 2023.

родцам, ярославцам, москвичам, чтобы сохранить самих себя и своих потомков. Именно в такие моменты истории и возникает потребность в создании единой нации.

Гитлер объявил тотальную войну на полное уничтожение русских, белорусов, украинцев и других народов Советского Союза. Среди выдающихся полководцев Красной Армии, разгромившей войска нацистской Германии, мы видим маршалов Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, И. Х. Баграмяна, Р. Я. Малиновского, С. К. Тимошенко, – представителей различных народов СССР. Среди Героев Советского Союза, получивших свою Золотую звезду в годы Великой Отечественной войны, 8 182 русских, 2 072 украинца, 311 белорусов, 161 татар, 108 евреев, 96 казахов, 91 грузин, 90 армян, 69 узбеков, 61 мордвин, 44 чуваша, 43 азербайджанца, 39 башкир, 32 осетина, 18 марийцев, 18 туркмен, 15 литовцев, 14 таджиков, 13 латышей, 12 киргизов, 10 коми, 10 удмуртов, 9 эстонцев, 9 карелов, 8 калмыков, 7 кабардинцев, 6 адыгейцев, 5 абхазцев, 3 якута. Иными словами, весь советский народ плечом к плечу встал на защиту Отечества. В результате в СССР происходит формирование новой этносоциальной общности – советского народа. Фактически формирование этой общности нашло свое отражение уже в Конституции СССР 1977 г.

В постсоветской России, пережившей развал СССР и охваченной многочисленными национально-этническими конфликтами, снова встал вопрос о возможном формировании единой российской нации на базе многонационального народа Российской Федерации. Поначалу «нация россиян» воспринималась обществом как второе издание «советского народа». Идея о формировании российской нации как сообщества всех этносов, проживающих на территории Российской Федерации, связывалась с духовно-психологическим самочувствием российских народов [3, с. 208]. В официальную лексику «нация как сограждан-ство» была введена в 1994 г. В Концепции государственной национальной политики, по мнению В. А. Тишкова, понятие нации («общность народов России») употребляется в двух значениях «как политическая или гражданская нация и как культурная или этнонация» [5]. В специализированном энциклопедическом словаре 1997 г. нация обозначается как «совокупность граждан одного государства независимо от их этнической (национальной) принадлежности». Указывается также, что «четкое определение нации как сограждан-ства лиц разной национальности имеет большое значение для решения вопроса национального» [6, с. 155–156].

Однако попытка создания одной «супернации» в России 1990-х гг. была неудачной. Видимо, в тот момент еще не было для этого достаточного количества причин, да и сама попытка носила скорее субъективный и даже заказной характер, когда желаемое старались выдать за действительное.

В настоящее время проблема нациообразования превратилась в одну из важнейших, и с 2020 г. продолжается дискуссия по проблеме формирования национальной идентичности в рамках всей страны. Выступая на заседании Совета по межнациональным отношениям 30 марта 2021 г., В. В. Путин подчеркнул, что общероссийская идентичность гражданского самосознания в России имеет важное значение для развития государства, ее нельзя противопоставлять этнической идентичности. «Для огромной многонациональной России принци-

пиальное, решающее значение имеют солидарность людей, чувство сопричастности к судьбе Отечества, ответственности за его настоящее и за будущее – то, что принято называть общероссийской идентичностью, гражданским самосознанием», – сказал Путин.

Он отметил, что в ряде государств гражданская и этническая идентичности часто воспринимаются как конкуренты. «Считаю такой подход, у нас во всяком случае, мягко говоря, абсолютно некорректным, а для нашей страны, хочу это подчеркнуть особо, – абсолютно неприемлемым». В. В. Путин отметил, что человек может принадлежать к той или иной этнической группе, но страна у всех граждан одна – большая Россия. По словам Президента, национальные языки и обычаи, общий государственный русский язык, сформированные на века общие культурные и духовные ценности и традиции, – «все это укрепляет единство и силу России», обеспечивает ее суверенитет и независимость [1].

Сегодня Россия находится на новом этапе своего развития. Вектор самостоятельности во внутренней и внешней политике выводит нашу страну на новый уровень, связанный с обострением конфликта с Западом и созданием в России нового центра мирового развития (одного из нескольких). Специальная военная операция на Украине привела к осознанию существования чрезвычайной разобщенности российского общества как по имущественному, так и по территориальному и возрастному принципу. Значительная часть общества не приняла этого события как неизбежного и необходимого действия российской власти.

Интересно, что разобщения относительно необходимости проведения спецоперации на Украине по национальному или конфессиональному принципам нет. Более того, сегодня среди героев России, совершивших свой подвиг по защите Отечества, мы снова видим имена представителей многих народов, – это Тамерлан Ильгамов, Игорь Насибуллин и Борис Дудко из Башкирии, Нурмагоммед Гаджимагомедов и Марат Халиков из Дагестана, Раиль Габдрахманов и Дамир Исламов из Татарстана, Юрий Нимченко и Антон Старостин из Крыма, а также летчик Илья Сизов, танкист Энвер Набиев, зенитчик Алексей Панкратов, морской пехотинец Алексей Бернгард и многие другие. Как и в годы Великой Отечественной войны, героизм, проявляемый российскими солдатами и офицерами в ходе проведения спецоперации, носит массовый характер.

Именно поэтому на заседании Совета безопасности Российской Федерации 3 марта 2022 г. Президент России В. В. Путин, давая оценку подвигу российских военнослужащих, выполняющих свой воинский долг, эмоционально произнес: «Я русский человек. Как говорится, у меня в роду кругом Иваны да Марьи. Но когда я вижу примеры такого героизма, как подвиг молодого парня Нурмагомеда Гаджимагомедова, уроженца Дагестана, лакца по национальности, мне хочется сказать: «Я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин». Всех невозможно перечислить» [4].

Возникший социальный раскол должен быть во что бы то ни стало преодолен, иначе победы в этой войне добиться не удастся. Одним из наиболее вероятных путей преодоления этого раскола должен стать подъем национального самосознания народа, его объединение в борьбе с врагом в лице не только правящего режима на Украине, но и объединенного Запада во главе с США. Этот процесс носит объективный характер, так как альтернативой ему может стать

не просто ослабление России на международной арене, но и последующий распад российской государственности.

Процесс, сближающий граждан России разных национальностей, зависит от формирования в обществе Национальной идеи, то есть некоторой объединяющей составляющей общественного сознания. Безусловно, эта идея должна базироваться на патриотизме, любви к своей Родине и готовности ради этой любви пожертвовать всем, в том числе и собственной жизнью. Здесь, безусловно, мы выходим за грань рационального, западного понимания патриотизма, когда гордость за свое Отечество вытекает из осознания своего превосходства над другими народами.

Важно подчеркнуть, что процесс формирования единой российской нации не связан с ущемлением прав народов, которые участвуют в этом процессе. И прежде всего это касается русской нации, составляющей 4/5 населения Российской Федерации. Все народы только выигрывают от этого, так как возрастает их статус, а также чувство самоуважения и уважения к другим народам нашей страны.

Уже сейчас за рубежом всех выходцев из России называют русскими, потому что они ведут себя одинаково, думают одинаково, отмечают одни и те же праздники (День победы, 23 февраля или Старый Новый год). Осталось к этому еще добавить гордость за свою страну и за свой народ, который способен решить любую сложную задачу. Победить в войне с Западом на Украине, переломив хребет украинскому неонацизму.

Таким образом, сегодня мы наблюдаем начало создания новой социальной общности на базе многонационального народа Российской Федерации. Катализатором этого процесса стала специальная военная операция на Украине. Скорее всего, процесс формирования российской нации будет длительным и сложным, но он неизбежен.

Список литературы

1. Дружинин А. Путин заявил, что гражданскую и этническую идентичности в России противопоставлять нельзя // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/11028377.

2. Кудрина А. М., Шикунов Д. В. Национальный вопрос в программах современных российских общественно-политических объединений. М. : Московский университет МВД России, 2004.

3. Печенев В. А. Существует ли в Российской Федерации национальная и региональная политика? // Наш современник. 1994. № 11–12. С. 202–210.

4. Путин: «Я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин» // Комсомольская Правда. URL: https://www.kp.ru/daily/27371/4553876/.

5. Тишков В. А. Концептуальная эволюция национальной политики в России // Национальная политика России: История и современность. М. : Русский мир, 1997. С. 597–646.

6. Федерализм: Энциклопедический словарь. М. : Инфра-М, 1997.

Шингарева Н. В.[1]***,***
доцент кафедры правовых дисциплин
Российского православного университета
святого Иоанна Богослова,
кандидат юридических наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ВЕРОТЕРПИМОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Конституция Российской Федерации провозглашает и гарантирует всем гражданам свободу совести и свободу вероисповедания. Несомненно, обеспечение и реализация этих свобод в многонациональном и поликонфессиональном государстве представляет собой актуальнейшую проблему, решение которой должно учитывать исторические, философские и юридические аспекты данной проблемы.

В Российском государстве впервые вопрос о свободе совести и свободе вероисповедания был поднят в ходе осуществления конституционной реформы в начале XX в. Власть анонсировала начало преобразований Манифестом «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» 26 февраля 1903 г. [3]. Николай II обещал «неуклонное соблюдение властями…, заветов веротерпимости» и предоставить «всем подданным Нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной». Идеи манифеста получили развитие в указе «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г., в котором заявлялось о намерении «подвергнуть пересмотру узаконение о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям» [4].

Согласно указу от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» население России получило право исповедовать любую веру [5]. Существенные изменения были внесены в правовое положение старообрядцев и лиц, исповедующих иные веры. В отношении старообрядцев определенные льготы и привилегии были установлены еще при прошлом правлении. Так, 3 мая 1883 г. был издан закон «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб», который предоставил старообрядцам право на получение паспорта, возможность свободно заниматься торговлей и промышленностью, они могли также отправлять культовые службы в специально устроенных молитвенных помещениях. Разрешался ремонт старых и открытие новых церквей, но только с ведома Министерства внутренних дел и обер-прокурора Синода.

На основании Указа 17 апреля 1905 г. легитимированными вероисповеданиями на территории Российской империи являлись православие, инославие, сектантство и иноверие. Все подданные Российской империи должны были исповедовать какую-либо веру. Принадлежность к той или иной вере определялась

[1] © Шингарева Н. В., 2023.

наследственным путем. Атеизм и агностицизм могли присутствовать только в качестве личного мировоззрения, при формальном сохранении принадлежности к религиозной общине. Был сохранен ряд максим, закрепляющих господствующее положение Русской Православной церкви. В частности, только Русская Православная церковь могла осуществлять миссионерскую деятельность. Среди кругов либеральной общественности указ был встречен положительно и на страницах газет ему была дана оценка, как «первой серьезной уступке в деле свободы духа» [9].

Также на министерство внутренних дел была возложена задача по формированию пакета нормативных актов, в которых бы закреплялись организационно-правовые основы реализации свободы совести и веротерпимости [6, с. 45].

После издания Манифеста 17 октября 1905 г. и новой редакции Основных государственных законов Российской империи 23 апреля 1906 г., в которой в главе восьмой «О правах и обязанностях российских подданных» было закреплено положение о том, что «российские подданные пользуются свободой веры» (ст. 81), к разработке законодательства о свободе совести и веротерпимости было привлечено Министерство внутренних дел [8].

В июне 1906 г. были сформулированы первые предложения по изменению религиозного законодательства. Министр внутренних дел П. А. Столыпин трактовал свободу совести как «утверждение равенства всех религий в богослужении, совершении обрядов, в проповедовании своего учения, разрешение переходов из одного вероисповедания в другое без ограничений, допущение отказа от исполнения гражданских обязанностей по религиозным убеждениям, возможную отмену всех правоограничений, связанных с принадлежностью к какой-либо религии» [6]. Тем не менее Русская Православная Церковь сохраняла свой особый статус, который выражался в принадлежности к ней императорской семьи, охране церкви от раскола, а православных священнослужителей и православного вероучения от «поношения». Сохранялось участие церкви в государственных праздниках и церемониях. Церковные праздники, как и прежде, являлись государственными, а ее календарь общегражданским и т. д. [7, с. 97].

Министерством внутренних дел в феврале 1907 г. был внесен на рассмотрение во II Государственную думу ряд законопроектов:

– «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое», «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям», «О разрешении совершения инославных и иноверных богослужений и богомолений, и сооружения, устройства, возобновления и починки инославных и иноверных молитвенных зданий» (20 февраля 1907 г.);

– «Об инославных и иноверных религиозных обществах» (23 февраля 1907 г.);

– «О римско-католических монастырях» (25 февраля 1907 г.);

– «Об отмене содержащихся в действующем законодательству ограничений, политических и гражданских, находящихся в зависимости от принадлежности к инославным и иноверным исповеданиям, и в том числе и к старообрядчеству и к отделившимся от православия сектам, а равно законоположений, допускающих вмешательство гражданской власти в духовные отношения частных лиц»,

«О вызываемых провозглашенной Высочайшим Манифестом 17 октября 1905 г. свободой совести изменений в области семейственных прав» (28 февраля 1907 г.);

– «Об упорядочении гражданско-правового положения старообрядцев и сектантов, браки которых не записаны в метрические книги», «Проект правил о старообрядческих и сектантских общинах» (20 февраля 1907 г.);

– «Об узаконении браков, заключенных по обрядам инославных и иноверных исповеданий лицами, числившимися православными до издания Высочайшего указа 17 апреля 1906 г., и происшедшего от сих браков потомства» (17 апреля 1907 г.)» [6, л. 6–7].

Министерство внутренних дел посчитало, что создание единого нормативного акта не сможет обеспечить полноценного правового регулирования вероисповедного вопроса, так как реализации свободы совести сопровождается возникновением множественных правоотношений, объединение которых в одном законе представлялось невозможным [10].

Министерство внутренних дел при разработке законопроектов исходило из ряда принципов:

– равноправия всех признанных законом религий;

– охраны веры, как одного из главных устоев общественной и государственной жизни, независимо от исповедания;

– естественного права всех признанных законом религий стремиться к проповеди своих истин.

Законопроект о переходе из одного вероисповедания предусматривал:

– что каждому, достигшему совершеннолетия (21 года) лицу, предоставлялось право свободного, без чьего-либо разрешения, перехода из любой христианской религии в любую другую христианскую, а из любой нехристианской – в любую христианскую или любую другую нехристианскую;

– христиане, достигшие 21 года и желавшие возвратиться в ту нехристианскую религию, которую исповедовали до принятия христианства или их предки (отец или мать, дед или бабка), могли осуществить это свободно;

– отменялся гербовый сбор;

– сохранялась ответственность духовных лиц за совершение таинств и обрядов над заведомо принадлежавшими к другой вере, кроме случаев, предусмотренных законом [1].

МВД не привлекало Синод к процессу разработки, поэтому Государственная дума после получения законопроектов привлекла это учреждение к их рассмотрению, и Синод в марте и декабре 1907 г. дал свое заключение, которое существенным образом расходилось с позицией МВД. Синод не устраивали не только конкретные предложения МВД, но и принципы, положенные в основу законопроектов. Синод выразил свое несогласие с направлением вероисповедной политики правительства и потребовал сохранить за православием все преимущества, а все новые религиозные общества могли функционировать только с разрешения Синода. Особенно много возражений вызвал законопроект об инославных и иноверных богослужениях и молитвенных зданиях [6, л. 36–37].

В III Думе законопроекты МВД рассматривались специальными комиссиями. В результате рассмотрения в комиссиях сложилось небольшое, но устойчи-

вое большинство, которое посчитало необходимым провести либерализацию предложенных проектов, хотя правительство к тому времени поменяло свое мнение по поводу вероисповедного вопроса в сторону сохранения господствующего положения Русской Православной Церкви и существенного ограничения прав иных конфессий, действующих на территории России. Спасая главные свои начинания – реформы аграрную и местного управления, – П. А. Столыпин «за вероисповедные проекты копий ломать не хотел» [2]. В письме к П. П. Извольскому от 16 декабря 1907 г. он написал: «Против Синода мы (кабинет министров) не пойдем» [7, л. 4].

Таким образом, в начале XX в. не был осуществлен существенный пересмотр принципов государственно-конфессиональных отношений, который должен был сопровождаться изменением законодательной базы и дальнейшим укреплением начал религиозной свободы. Непосредственное влияние на данную ситуацию оказала позиция Святейшего Синода, которая восторжествовала над мнением Министерства внутренних дел и всего правительства, что привело к торможению работы по разработке и принятию законодательных актов в сфере свободы совести и свободы вероисповедания.

Список литературы

1. Лукьянов С. А. Принцип веротерпимости во внутренней политике дореволюционной России и роль Министерства внутренних дел в обеспечении государственно-правовых основ его осуществления : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01. М. : Академия управления МВД России, 2009.

2. Маклаков В. А. II Государственная Дума: Воспоминания современника. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/maklakov_vtoraya_gosudarstvennaya_ duma_1940__ocr.pdf.

3. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXIII. № 22581.

4. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XIV. № 25495.

5. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXV. № 26125.

6. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 27.

7. РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 132.

8. Шингарева Н. В. Роль МВД Российской империи в разработке законопроектов по вопросам веротерпимости и свободы совести в начале XX в. / под ред. Н. В. Михайловой // Традиции и инновации в постижении истории государства и права. Серия «Научные школы Московского университета МВД России». М. : Юнити, 2009. С. 816–825.

9. Шингарева Н. В. Роль МВД Российской империи в разработке и реализации законодательства о веротерпимости и свободе совести во второй половине XIX – феврале 1917 г. (историко-правовое исследование) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М. : Московский университет МВД России, 2006.

10. Яцкова А. П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М. : Московская академия МВД России, 2001.

Яцкова А. П.[1]**,**
профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Михайлова Н. В.[2]**,**
профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Монархическая форма правления является древнейшей формой правления, появившейся в самом начале формирования государственности и существующей в современности, что доказывает потенциал монархии и ее возможность функционировать в различных исторических, экономических, политических и мировоззренческих условиях. Что касается России, следует отметить, что большую часть своего эволюционного пути она прошла именно как монархическая держава. В современной России можно отметить наличие некоторых монархических черт в государственном строительстве, таких как предоставление гарантий президенту и членам его семьи после отставки, чрезвычайное указное законодательство и ряд других. В связи с этим изучение проблем возникновения и формирования монархической государственности представляет определенный интерес, и особое внимание при этом следует уделить началу XX в., когда происходили судьбоносные для России события.

До издания Манифеста 17 октября 1905 г. Россия по форме государственного правления представляла собой юридически ничем не ограниченную самодержавную монархию. Фактически на монархическую власть были возложены лишь две обязанности, имеющие скорее моральное содержание, чем юридическое. Первая обязанность состояла в исповедовании православной веры, а вторая – в соблюдении правил о престолонаследии, установленных Павлом I. Манифест 17 октября 1905 г. коренным образом изменил это положение, недаром его оценивают как акт, «ликвидировавший политическое рабство», и сравнивают с Манифестом 19 февраля 1861 г., который отменил «гражданское рабство».

Положения Манифеста были дополнены новой редакцией Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. Николай II был вынужден ограничить свою власть и власть последующих монархов в области законодательства участием в этом процессе Государственной думы и Государственного совета, а в области управления императорские указы должны были соответствовать законам. Данные ограничения четко зафиксированы в п. 3 Манифеста 17 октября и соответствующих статьях Основных государственных законов. На основании Манифеста рос-

[1] © Яцкова А. П., 2023.
[2] © Михайлова Н. В., 2023

сийским подданным были октроированы незыблемые основы гражданской свободы, расширен избирательный корпус страны и установлено, что никакой закон не может иметь силы без одобрения его Государственной думой.

После изменения правового статуса Государственного совета Основные законы 23 апреля 1906 г. в ст. 7 закрепили положение, что монарх осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственною думою, а в ст. 86 было провозглашено, что «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и восприять силу без утверждения Государя Императора».

Таким образом, ограничительный характер положений Манифеста 17 октября 1905 г. и статей Основных законов в отношении порядка принятия законов не вызывает сомнений. Данный тезис подкрепляется самим монархом, который в Манифесте, вводившим в действие Основные законы, устанавливает: «вместе с тем, в видах укрепления основ обновляемого государственного строя, мы повелели свести воедино постановления, имеющие значение Основных государственных законов, подлежащих изменению лишь по почину нашему, и дополнить их положениями, точнее разграничивающими область принадлежащей нам нераздельно власти верховного государственного управления от власти законодательной».

Ограничения были наложены, как говорилось выше, и на действия императора в области управления. Статья 11 Основных законов гласила, что монарх «в порядке верховного управления издает, в соответствии с законами, указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления, а равно повеления, необходимые для исполнения законов».

Гарантии соблюдения установленного государственного порядка закреплялись в Основных законах 23 апреля 1906 г. На основании ст. 91 Основных законов Сенат, который был наделен правом опубликования законов и указов, не вправе был печатать законодательные постановления, не соответствующие ст.ст. 7 и 86 Основных законов. Согласно ст. 24 указы и повеления монарха подлежали контрасигнации со стороны председателя Совета министров или соответствующего министра, хотя правительство и несло ответственность за свои действия перед главой государства.

Несмотря на всю значимость проведенных преобразований, в российском обществе, в среде правоведов и в парламентских прениях постоянно дискутировался вопрос о том, были ли заложены основы нового государственного строя с изменением коренных начал государственного устройства или же было произведено лишь облагораживание существующего государственного здания [1]. Сторонники сохранения старой формы правления, со ссылкой на положения Основных законов, указывали на три обстоятельства, которые, по их мнению, свидетельствовали о незыблемости государственного устройства.

Во-первых, они считали, что изъятие из ст. 4 термина «неограниченный» нисколько не умаляет абсолютной власти монарха, так как термины «неограниченный» и «абсолютный» являются синонимами. Действительно, в старом русском законодательстве очень часто эти два понятия считались тождественными, однако в новых социально-политических условиях они терминологически разошлись. «Самодержавие» монарха в начале XX в. следует понимать иначе,

чем в XV–XVI вв. Речь идет отнюдь не о внешней независимости Российского государства, а о внутренней суверенности и самостоятельности монарха. И связано это как раз с установлением прав и свобод российских подданных, а конкретно – с возможностью образовывать союзы. Ведь члены созданных после Манифеста 17 октября политических партий в печати и на парламентских заседаниях стали говорить о необходимости ограничения власти монарха, установлении полноценного парламентского строя, приняв за образец английскую монархию, и даже заикнулись о создании республики. Поэтому, как нам кажется, законодатель вложил иной смысл в термин «самодержавие», подразумевая под ним внутреннюю самостоятельность монарха. Также вполне уместно толкование термина «самодержец» как главы государства, носителя государственной власти, облеченного обширными властными полномочиями.

Во-вторых, налицо обращение к ст. 222, в которой говорится, что «царствующий император, яко неограниченный самодержец», может лишить привилегий любого члена императорской фамилии. Наличие термина «неограниченный» в данной статье никак нельзя отнести ни к допущенной оплошности (опечатки), ни к сознательному допущению, ни к непониманию законодателем существа произошедших перемен. Это связано со свойствами Основных государственных законов, первая часть которых, по сути, является конституцией, а вторая посвящена одному, конкретному предмету – правам и преимуществам членов императорского дома. Первый раздел был существенно изменен и дополнен в связи с учреждением российского парламента и дарованием прав и свобод населению, второй же раздел являлся воспроизведением «Учреждения об Императорской фамилии». Нормы первой части могут быть изменены только при участии в этом процессе парламента и монарха, тогда как положения второго раздела отданы целиком во власть монарха, который ничем и никем не стеснен, за исключением финансовых статей, требующих выделения денежных средств из казны. С правовой точки зрения, члены императорского дома всегда обладали особым, исключительным правовым статусом, и фактически отношения, сложившееся внутри императорской династии, существенного влияния на общественное и государственное развитие не оказывали. Таким образом, не является удивительным факт упоминания в данном разделе монарха как неограниченного.

И в довершение всего, сторонники неизменности формы правления апеллируют, что если бы император был ограниченным монархом, то он не смог бы издать новый избирательный закон от 3 июня 1907 г. Последний довод представляется крайне сомнительным, так как с точки зрения юриспруденции Николай II открыто нарушил ст. 87 Основных законов, т. е. совершил государственный переворот, и такие неправомерные действия монарха не могут быть приняты в качестве доказательства.

Следует отметить, что и в Манифесте, сопровождавшем новый избирательный закон, ссылка идет не на неограниченность власти монарха, а на особые условия принятия и на юридическую безответственность монарха. Из положений Манифеста явствует, что монарх осознает необычность издания нового избирательного закона, однако ссылается на невозможность его изменения при сложившемся депутатском составе Думы, которая отказалась пойти на компромисс с правительством. Роспуск же II Думы и избрание нового состава на осно-

вании старого избирательного закона не привели бы к достижению цели – созданию работоспособного национального представительства, которое бы организовало коалицию с правительством и трудилось бы на благо Родины.

Далее в Манифесте перечисляются факты, приведшие к изданию нового Положения о выборах, и скорее всего на фоне недавней революции с ее беспорядками, кровопролитием и упадком экономики российское общество отнеслось достаточно спокойно к произведенным изменениям, доказав это своим участием в выборах в III Государственную думу. Поэтому следует признать, что, несмотря на события 3 июня 1907 г., в России была установлена дуалистическая монархия, а права монарха были ограничены.

Остается открытым вопрос о том, какой нормативный правовой акт являлся краеугольным камнем дуалистической монархии или какое произошедшее событие выступило в качестве точки отсчета установления ограниченной монархии. Обычно указывают на Манифест от 17 октября 1905 г., принятие 23 апреля 1906 г. новой редакции Основных государственных законов и открытие первого заседания Государственной думы 27 апреля 1906 г.

На наш взгляд, именно принятие новой редакции Основных законов можно считать моментом установления в России нового государственного строя. Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. закрепили строй дуалистической монархии. Подобный вывод прямо напрашивается, если мы посмотрим на организацию законодательной власти, взаимоотношения монарха, правительства и палат парламента. Основные законы открыли возможность для сотрудничества общества и государства и, в частности, делали доступными министерские посты для представителей политических фракций в Государственной думе и Государственном совете. Однако руководство политических партий, критикуя власть, очень часто преследовали сугубо конъюнктурные партийные цели, не разъясняя широким массам населения объективную ценность конституционных норм и институтов. С другой стороны, государственный переворот 3 июня 1907 г. показал, что и у правительства не было особого желания продолжить путь конституционного развития страны. Силы, представленные в парламенте, также не пошли на соглашение с правительством. Правительство же, применив силовые методы, издав новый избирательный закон и изменив социальный состав нижней палаты парламента, получило «карманную» Думу, с которой было удобно работать. Но III Дума не отражала действительную расстановку общественных сил в стране и не отражала истинных интересов населения.

Конституционный путь решения насущных проблем был заблокирован, что в дальнейшем привело к новой революционной ситуации [2].

Список литературы

1. Шингарева Н. В. Роль МВД Российской империи в разработке и реализации законодательства о веротерпимости и свободе совести во второй половине XIX – феврале 1917 г. (историко-правовое исследование) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М. : Московский университет МВД России, 2006.

2. Яцкова А. П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М. : Московская академия МВД России, 2001.

II. ДОКЛАДЫ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

***Алхимов А. Ю.*[1],**
курсант
Московского университета МВД России имени В Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Никитин А. Н.,***
профессор кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ – АЛЬТЕРНАТИВА ПРАВОЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

После 24 февраля 2022 г. все чаще различными медийными лицами декларируется мысль о необходимости идеи, объединяющей российское общество. Действительно, в период тяжких испытаний, обострившихся социальные противоречия в Российской Федерации, определенная консолидация общества необходима. Возможно ли появление такой «спасительной» идеи, или даже идеологии, в 2023 г.? И если возможно, то какой она может быть?

Для ответа на данные вопросы следует, в первую очередь, обратиться к двум основополагающим, зачастую вступающим в противостояние друг с другом направлениям философии – идеализму и материализму. Идеалисты считают, что нечто, превосходящее материю, определяет мыслительный процесс человека, который, в свою очередь, запускает процесс преобразования материальной действительности. Основу построения идеалистических концепций составляет необъяснимое, сверхъестественное, не поддающееся человеческому разуму нечто, что можно только прочувствовать, но никак не объяснить. Разумеется, при такой основе идеалистам приходиться прикрываться софизмами, пространными речевыми оборотами и чувственными образами. Фактологическую основу идеалистических концепций составляют факты, вырванные из контекста, рассматриваемые без реальной взаимосвязи с породившими их обстоятельствами, якобы способные доказать и обосновать любую концепцию [1, с. 158–163].

Правящий класс России в качестве национального философа активно продвигает И. А. Ильина – разумеется, идеалиста. Свою речь по поводу подписания договоров о вхождении в состав Российской Федерации 4 новых субъектов. В Кремле В. В. Путин завершил цитатой «настоящего патриота – Ивана Александровича Ильина»: «И если я считаю моей родиной – Россию, то это означает, что я по-русски люблю, созерцаю и думаю, по-русски пою и говорю; что я верю в духовные силы русского народа и принимаю его историческую судьбу своим инстинктом и своею волею. Его дух – мой дух; его судьба – моя судьба; его страдания – мое горе; его расцвет – моя радость» [4]. Есть, правда, в творчестве Ильина более определенные высказывания, объясняющие причину столь

[1] © Алхимов А. Ю., 2023.

активного пиара философа. «Если в России возобладает дух чести, служения и верности, то она станет монархией. Ибо этот дух, – дух единения, достоинства, дисциплины, порядка, честности и верности, – породит сильную, законную, несменяемую, сверхклассовую, национальную власть, свободно и доверчиво любимую народом и воспитывающую его через честь к свободе и через собственность к труду» [2, с. 260]. Посыл понятен. По нашему мнению, подобная идеология, несмотря на ее удобность для российского правящего класса, не найдет отклика в массах. Приведенных выше рассуждений достаточно для того, чтобы сделать вывод – положение об утверждении превосходства духовных и традиционных ценностей в России над материальными, провозглашенное Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г., является дискуссионным.

Альтернативное объяснение объективной реальности дает иной подход – материалистический. Данный подход утверждает, что человеческое сознание не представляет собой отдельный субъект. Оно – часть материального мира, зависящее от его проявлений. К. Маркс сформулировал тезис, что бытие определяет сознание. Именно этот тезис, на наш взгляд, необходимо принимать во внимание при рассмотрении вопроса об идеологии в современной России. Ни одна идеология не приживется при ее несоответствии материальной действительности. Идея тоже влияет на бытие, но в меньшей степени, чем бытие на идею, и в конечном итоге она сама подстраивается под бытие. Учение Маркса стремятся очернить и опошлить, так как он в своих трудах указывает на неизбежные общественные противоречия, возникающие в обществе из-за института частной собственности на средства производства. Можно указывать на некоторые ошибочные моменты в его теории – однако нельзя намеренно отбрасывать верно указанные им объективные законы развития капиталистического общества.

Отдельные идеи и положения Маркса сквозь годы могут показаться или в действительности оказаться ошибочными – по той простой причине, что Маркс не обладал той совокупностью эмпирического материала, которой располагают современные исследователи. Однако он, разработав метод материалистической диалектики, дал науке превосходную возможность для объективного анализа процессов, происходящих в обществе и государстве. Положения о взаимосвязи и взаимовлиянии всех общественных процессов друг на друга, о их непрерывном движении и превращении – все это показывает непрерывный спиралевидный ход истории. Движение же обеспечивается разрешением противоречий, возникающих в материальном мире. Противоречия занимают в марксистской науке очень важную роль. Они разрешаются развитием технологий и их внедрением для усовершенствования средств производства – иными словами, развитием производственных сил. При этом в обществе следует новый виток противоречий уже в производственных отношениях, которые также неизбежно видоизменяются. Иными словами, Маркс всегда ориентировался на научно-технический прогресс, на его наиболее полное и всеобъемлющее внедрение в обществе.

«Капитал» до сих пор остается одной из самых актуальных книг современности. Не стоит думать, что это лишь превосходное описание домонополисти-

ческого капитализма. Несмотря на изменение капитализма в связи с его развитием, многие противоречия по-прежнему остаются неразрешенными. Основное противоречие, заключающееся в общественном характере производства и частном характере присвоения, порождаемое институтом частной собственности на средства производства, остается неразрешенным. Неразрывно связанное с данным положением понятие о прибавочной стоимости, производимой трудом работника и являющейся источником прибыли капиталиста, является, по сути, краеугольным камнем учения Маркса. Необходимо взять эти положения в качестве основы новой, социалистической идеологии в России. При этом важно понимать, что в XXI в. марксизм – это метод, позволяющий объективно изучать процессы общественного развития, а не позднесоветская догма. На основе этого метода рассмотрим нынешнюю идеологию в России [3, с. 47–59, 387–405].

Ошибочно полагать, что с 1991 г. в России действительно отсутствует государственная идеология. Сама модель свободного рынка требует ненавязчивого, но постоянного внедрения многих либеральных ценностей. Это необходимо для защиты интересов крупного бизнеса.

Производство товаров широкого потребления требует как можно большего спроса на рынке? В сознание общественности коммерческой пропагандой будет внедрено потребительское отношение и к вещам, и к жизни в целом.

Для крупного бизнеса недопустим пересмотр приватизации 1990-х гг.? Идеологический императив, делающий акцент на личности и индивидуализме бизнесмена, отобьет желание у населения думать о таких вещах. Ты тоже сможешь стать таким же успешным, как я, и зарабатывать миллиарды. Нужна лишь предпринимательская инициатива, зависящая от силы и способности твоей личности, потому не обращай внимания на других, человек человеку волк. Да и вообще система, где все рассчитано на максимально быстрое извлечение как можно большей прибыли, порождает и соответственное общественное сознание. Вот только рядовые граждане не понимают, что в такой системе общество будет деградировать – выиграет только крупный предприниматель, преобразующий произведенную работниками прибавочную стоимость в свою прибыль.

В 2022 г., когда потребовалась быстрая мобилизация общественных сил, сделать это оказалось весьма непросто. Современное российское общество в массе своей мелкобуржуазное. Часть общества молекуляризирована (замкнута на узком кругу близких лиц), часть – атомизирована (представляет собой одиноких индивидов). Российское общество уже давно не тот коллективный «русский мужик», который целыми днями занимался изнурительным трудом в поле, испытывал всевозможные притеснения, а потому обладал рядом черт, приписываемых идеалистами «неизменяемому русскому духу». Что объединяет массы людей в современной России, кроме праздника 9 мая? Изменится ли положение с некоторым изменением идеологического курса?

Вообще занятна перемена идеологической составляющей постсоветской России. В 1986 г. был взят курс на переход к рыночным отношениям с предоставлением больших прав и возможностей предпринимателям. Надстройкой при этом служили «свобода слова» и «демократические» ценности Запада. Затем, в надстроечной части, ситуация стала меняться. После 24 февраля 2022 г.

основной упор делается на любовь к родине, патриотизм, традиции, духовные ценности. А что по поводу базисных, экономических отношений? Предлагается идти тем же путем, каким Россия идет с начала Перестройки.

Вкладываться в Россию «в долгую» бизнесмены вряд ли будут. Потому что бизнес будет делать то, что максимально быстро и прибыльно, – продавать сырье, а не вкладываться в сложные отрасли. Только теперь продаваться оно будет не на Запад, а в Китай. И надо понимать, что для России это вариант неоднозначный. Благодаря сложному экономическому процессу, понимание которого кроется в мир-системном анализе И. Валлерстайна, Китай уже обошел США экономически. Теперь он будет делать все возможное, чтобы обойти США политически. Однако, сместив США, Китай, вероятно, станет таким же мировым империалистом, с соответствующей политикой. Если раньше Запад рассматривал Россию как источник сырья, то теперь то же самое будет с восточной стороны. Вместо выхода России из неэквивалентного обмена с другими странами, вместо реиндустриализации, мы наблюдаем перенаправление нефтегазовых потоков в Китай и Индию, в то время пока Китай занимает освободившиеся от западных компаний доли на отечественном рынке.

Сохранение прежнего экономического базиса не будет способствовать сплочению общества какой-либо идеей. Дать бизнесменам больше экономической свободы, к чему призывают высшие чины государства, означает следующее – крупному бизнесу необходимо возместить понесенные от санкций убытки за счет населения России (вспоминаем о сущности прибавочной стоимости). Призыв к единению, патриотизму и духовности, при все возрастающей экономической свободе крупного бизнеса, есть не что иное, как торжество праволиберальной идеологической парадигмы. Данная парадигма крайне неустойчива, она не способна действительно консолидировать общество. При призывах и декларациях о том, что мы один народ, экономическое расслоение общества будет лишь увеличиваться, что, в свою очередь, аннулирует силу подобных идей.

Действительная альтернатива есть. Но нельзя просто придумать «работающую» идеологию. При разработке идеологии необходимо опираться на практическую деятельность масс, на реальную жизнь всего общества. Именно поэтому новая идеология должна появляться наряду с конкретными социально-экономическими преобразованиями в России.

Поскольку обозначенной темой нашей статьи такие преобразования не охватываются, упомянем лишь тезис. Так как экономическая модель свободного рынка за 30 лет доказала свою несостоятельность, предлагается разумное использование основ марксистской политэкономии в совокупности с положительным опытом советского хозяйствования в данной сфере. Преобразования должны быть направлены на построение справедливого, прогрессивного общества с минимизацией имущественного расслоения. Данный базис будет способствовать созданию условий, при которых определенная идеология найдет отклик в российском обществе и сможет стать объединяющей, преобразующей силой данного общества. В качестве основополагающих принципов потенциальной идеологии социалистической России можно выдвинуть социальную справедливость, направленность в будущее, реиндустриализацию, непрерыв-

ную модернизацию производства, ориентированность на научный прогресс, постоянное улучшение социальной сферы общества, улучшение условий труда и общества, гуманизм, демократию.

Конечной целью, по нашему мнению, должно стать построение коммунизма – причем процесс его достижения должен быть уточнен. Ранее был неизвестен конкретный способ преодоления товарного производства, разделения умственного и физического труда, а вместе с ним и капитализма со всеми порождаемыми им негативными последствиями. Нынешнее развитие технологий дает ответ – всемерная и полная роботизация производства, которая уничтожит прибавочную стоимость и сделает капитализм достоянием истории, а лозунг «От каждого по возможности, каждому – по потребности» – достоянием настоящего.

Список литературы

1. Докинз Р. Бог как иллюзия. СПБ. : Азбука, 2022.

2. Ильин И. А. Родина и мы // Собр. соч. : в 10 т. М. : Русская книга, 1999. Т. 9–10. С. 255–278.

3. Маркс К. Капитал. М. : АСТ, 2021.

4. Путин В. В. Полный текст обращения Владимира Путина 30 сентября 2022: Стенограмма выступления // Комсомольская правда. URL: https://www.kp.ru/daily/27452.5/4655517/.

Гвозденко А. С.[1]**,**
курсант
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Горохова В. В.,***
доцент кафедры философии
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат исторических наук

ЗАПАД–ВОСТОК: ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

На сегодняшний день противостояние стран Запада и Востока является одним из наиболее проблемных факторов развития человечества. Структура этой проблемы зиждется не только на внешних, политических и экономических обстоятельствах. Причинами актуализации противостояния между Западом и Востоком являются более фундаментальные обстоятельства, которые существуют на глубинном уровне.

Если принять во внимание тот факт, что политика и экономика являются ситуативными явлениями, которые действуют только в рамках того или иного государства, то культура выступает понятием более статичным, неподвижным, и для ее консервации требуется гораздо больше времени.

Впрочем, культура настолько сквозное понятие, что определить единое представление об этом явлении крайне сложно. Так, по мнению К. Маркса, если культура развивается стихийно, а не развивается сознательно, то оставляет за собой пустыню. И действительно, после распада СССР формы всех видов человеческих отношений изменились не сознательно, а по причине интеграции западных культурных ценностей в российское общество под влиянием политических обстоятельств. До недавнего времени формировалось отчуждение от российской культуры. В период интенсивного перехода от советской культуры к западным ценностным ориентирам ученые уже заявляли о проблеме отсутствия творческой созидательной деятельности. Так, И. Н. Дергачева считает, что это приводит к уменьшению интереса к истории и культуре родного края, а значит, превращения опыта человеческой истории во внутреннее богатство личности не происходит [1, с. 161]. Возможно, наиболее универсальным понятием культуры является рассмотрение ее как творческой созидательной деятельности человека, преобразующей природу и общество, в результате которой происходит постоянное пополнение материальных и духовных ценностей, а также совершенствование всех сущностных человеческих сил.

В то же время, возвращаясь к вопросу о противостоянии культурных парадигм Запада и Востока, крайне сложно выделить причины естественной дезинтеграции. Америка объявила зоной своих национальных интересов весь мир [2, с. 11]. В современной гуманитарной науке явления не рассматриваются вне контекста глобализации, так как развитые державы Запада во главе с США мо-

[1] © Гвозденко А. С., 2023.

нополизировали процесс глобализации. Либерально-капиталистическая глобализация стремится унифицировать мир, навязывает единообразную культуру, в которой доминируют западные ценности и вкусы. В качестве важнейших угроз выделяют попытки создания унифицированной культуры, а точнее глобальный суррогат, который пытается уничтожить национальную культуру. При этом создается человек, оторванный от исторической памяти, от национальных корней и традиций [2, с. 15].

Две диаметрально-противоположных системы творческой деятельности определяются тем содержанием, которое вкладывается в каждую из рассматриваемых нами культур. Если структурировать сам феномен культуры как систему и вычленить характерные элементы, то можно сделать следующие выводы:

– культура определяет способы освоения мира;

– культура включает в себя создание как материальных, так и нематериальных духовных объектов мира;

– культура как процесс является социально значимой деятельностью;

– культура есть творческая созидательная деятельность человека, группы, общества, нации и этноса.

Конечно, бывают случаи, когда культуры ограничены в своем взаимодействии с другими национальными и этническими культурами, как, например, в то время, когда Советский Союз боролся против капиталистических ценностей США. Поскольку Российская Федерация переживает переходный период, важность вопроса о соотношении западной и российской культуры возрастает, и успех реформирования во многом будет зависеть от выбора путей и методов. Имитация и перенос западных моделей в Россию привели к экономическому упадку и беспрецедентной бедности значительной части населения в конце XX в.

Развал Советского Союза привел к обострению проблем взаимоотношений наций и национальных культур на территории СНГ. Жизнь показала, что реформы должны учитывать уникальные особенности и культуру России. Культурные интеграции, полученные после перехода в русло капиталистической модели, привели к обнищанию не только творческой деятельности российского общества, но и страны в целом. Особая геополитическая обстановка и экономические санкции, веденные против Российской Федерации, показали многие проблемы и в области культуры. Так, например, отечественные режиссеры не создают столько произведений кинематографа, сколько было интегрировано извне (произведений западных режиссеров), и в итоге мы можем наблюдать ситуацию, когда многие кинотеатры находятся под угрозой закрытия. И это лишь мизерная часть проблем сегодняшней российской культуры.

Ранее в философском дискурсе звучала идея о диалоге между культурами, как одном из способов достижения единого культурного бытия. Однако данная идея может развиваться только в условиях равенства и учета интересов каждой из данных культур [5, с. 35]. При характеристике особенностей западной культуры выделяют отход от базовых идей, лежащих в основании этой культуры. Преобладает потребительская цивилизация утилитарного характера.

Для создания нового мирового порядка не по глобалистскому сценарию США, с учетом национальных интересов и культурных традиций, требуются

объединенные усилия, межцивилизационное взаимодействие. По мнению М. Т. Степанянц, необходимо межкультурное взаимодействие, чтобы философия глобализма позволила охватить прошлое, настоящее и будущее планеты [5, с. 49]. Любая культурная модель общества при пересадке на неподготовленную, неблагоприятную почву оказывается деформированной и нежизнеспособной, при реформировании важно задействовать внутренние импульсы развития. Россия же в переходный период в поисках правильного пути односторонне обращалась исключительно к западному опыту.

Успехи и просчеты стран, проходивших этот путь, показали, что предпочтительней вхождение в глобализирующееся пространство без утраты собственной самобытности и при максимальном использовании позитивных потенций, заложенных в ценностях собственной культуры и ее институтов [3; 4; 5, с. 50].

Уникальная российская культура, основанная на синтезе западных и восточных ценностей, продолжительное время использовала модель лишь западной цивилизации, без учета своих, уникальных исторических объектов духовного и материального творчества.

Межцивилизационное взаимодействие способно положительно сказаться на построении нового миропорядка, при этом «локальное», «индивидуальное», «национальное» способны изменить характер «глобального». Поэтому необходимо извлечение положительного социального опыта из творческой созидательной деятельности наших предков и достижение диалога с западной цивилизацией, но только с учетом собственных, исторически сложившихся культурных интересов.

Список литературы

1. Дергачева И. Н. Эволюция понятия «Культура»: от истоков к возрождению // Омский научный вестник. 2004. № 1 (26). С. 160–165.

2. Добреньков В. И. Глобальный конфликт между Западом и Востоком как следствие либеральной глобализации // Социология. 2020. № 2. С. 11–21.

3. Купин В. Н. Национальные интересы России в условиях роста глобальной геополитической турбулентности мира // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. 2022. Вып. 5. Ч. 1. С. 180–185.

4. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М. : Аспект пресс, 2004.

5. Степанянц М. Т. Многовекторные ориентиры цивилизационного развития России // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. № 1. С. 35–54.

Гончаров А. А.[1]*,*
курсант
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Галанина Н. В.****,*
доцент кафедры философии
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат философских наук

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА

Противостояние Российского государства и Западного мира существовало с самого начала зарождения Древнерусского государства и длится до сих пор. Это противоборство выражалось не столько в вооруженных конфликтах, сколько в духовных основаниях: культуре, мышлении, мировоззрении и самом представлении о сущности человеческого бытия. В данной статье предпринята попытка тезисного анализа основных детерминирующих факторов идеологического противостояния двух миров, России и Запада, и возможных причин противостояния их мировоззренческих позиций.

Для начала необходимо обозначить суть самого понятия «идеология». Это слово состоит из двух понятий, используемых в греческом языке, а именно “idea” – понятие, образ и “logos” – учение. Идеология есть система политических, правовых, религиозных, философских представлений, взглядов и идей, отражающих интересы, мировоззрение, идеалы людей, социальных групп, политических партий, общественных организаций, общества в целом. Идеология может быть выражена как совокупность идеалов, целей и ценностей, которые служат выражением потребностей и интересов отдельного общества. Таким образом, понятие идеологии консолидирует потребности, желания, мысли, чувства и мировоззрение каждого отдельного общества, проживающего на определенной территории и в конкретном государстве.

На формирование идеологии любого государства влияет ряд факторов: история развития государственности, географическое положение и климат, культурные особенности населения, национальные признаки, мысли и мировоззрение, принятые большей частью населения государства. Все эти факторы послужили глубинному различию между идеологиями России и Западного мира.

География западных государств показывает, что они территориально достаточно ограничены в пространстве, климат мягкий, земли плодородны, пресной воды достаточно. Через Европу проходило большинство самых популярных торговых путей, широко распространенный колониализм позволил за короткий период сделать жителей европейских государств богачами. Соединенные Штаты Америки были созданы выходцами из Английского королевства, поэтому основные приемы, методы ведения хозяйства, торговли и экспансии были заимствованы американцами из Европы. Большая часть территории Северной Аме-

[1] Гончаров А. А., 2023.

рики обладала схожим с Европой климатом, качеством земельных и водных ресурсов, причем весьма масштабным. Потому очевидно, что не только в политическом, но и в экономическом плане можно рассматривать Западный мир как совокупность США и стран Европы.

Территориальные, климатические и экономические детерминанты повлияли на менталитет людей Запада и сформировали их жизненные приоритеты особым образом: в сознании людей преобладают идеи личного обогащения, индивидуализма, разделения общества, победы над природой и подчинения ее человеческим желаниям.

Иная ситуация с климатом и географией сложилась в России. Суровый, холодный климат, ограниченность плодородных земель, удаление от прибыльных торговых путей. По причине тяжелых жизненных условий основным способом выживания на данных территориях стало создание общин. Община – это сплоченный коллектив людей, в большем соотношении родственников, в котором на первое место ставилось выживание сообщества, а не улучшение материального положения отдельно взятой семьи или личности.

Общинность положила фундамент в будущую идеологию самопожертвования человека ради общих целей и превалирования приоритетов государственных над личными. Изначально в сознании русских людей преобладали идеи коллективизма, равенства, взаимопомощи и поддержки. Природа воспринималась как мать, дарующая благо и процветание. Человек не противопоставлялся обществу и природе, он органически чувствовал соединство и сопричастность с окружающей средой и членами своей общины.

Таким образом, само географическое расположение, климат, ландшафт, масштабирование по территории значительно разграничили и обособили Русский и Западный миры и, естественно, повлияли на разницу в менталитетах, а в последующем и отразились на идеологических позициях России и Запада.

Следующим важным аспектом в различии идеологических предпосылок является социальный фактор, который ярко отражает разницу в культурной жизни народов, отношение к человеку, его желаниям и свободам, а также роль государства в жизни каждого члена общества. В западной традиции мы наблюдаем приоритет личного над социальным, в трудах великих философов Запада ярко выделяется личность, способная изменить мир.

«Много в природе дивных сил, но сильней человека – нет», – утверждал Софокл [1]. Софокл говорил, что человек, являясь высшим творением природы, одновременно является и самым одаренным, талантливым, сильным и могущественным произведением жизни, способным подчинять отдельные элементы природы своей воле и с их помощью творить и создавать нечто совершенно новое. Ш. Монтескье выразил следующую мысль о человеке: «Человек управляется неизменными законами, как существо, одаренное умом, он беспрестанно нарушает законы, установленные Богом, и изменяет те, которые сам установил» [3]. В данном высказывании можно увидеть, что человек обладает возможностями изменять существующую действительность, природу и даже правила жизни, которые он сам установил, тем самым подчеркивая исключительность человека. Ф. Ницше так описывал человека в своих работах: «Человек – это ка-

нат, протянутый между животным и Сверхчеловеком, это канат над пропастью» [3]. Ницше размышлял о том, что человек является неким переходным состоянием, средним звеном между животным и Сверхчеловеком, и лишь сам человек решает, в какую сторону он решит отклонить свой жизненный путь.

Государство в работах западных философов выступает как «чудовище», которое существует для ограничения человека. «Государством называется самое холодное из всех холодных чудовищ» [3]. Государство стремится объединить население, и часто не демократическими методами, а силой, армией и другими силовыми методами. Проблеме соотношения государства и общества посвящено, например, сочинение Т. Гоббса «Левиафан», в котором автор сравнивает государство с библейским чудовищем, изображенным как сила природы, принижающая человека. Государство в западных странах должно принимать минимальное участие в жизни населения, а общественные отношения должны регулироваться гражданским обществом.

Противоположная ситуация происходила в России. Человек у нас в стране всегда отождествлялся с жизнью в государстве, его ответственностью перед Царем и Отечеством. Человек признавался «хранителем всего мира». М. Горький так отзывался о человеке: «Человек есть вселенная, и да здравствует вовеки он, носящий в себе весь мир» [3].

Стоит отметить, что мысль о человеке в России очень изменилась после периода правления Петра I, когда была введена мода на все европейское, в том числе на европейских философов. Поэтому отношение к человеку отчасти начинает носить характер, схожий с европейским. Однако государство в России все же принято было отождествлять с родной землей, Родиной и Отечеством.

Ответственность перед своей Родиной, обществом и государством являлась одним из традиционных составообразуюших элементов русского мировоззрения. Так, например, описывал ответственность человека перед обществом А. Блок: «Одно только делает человека человеком: знание о социальном неравенстве» [2]. Человек в российском обществе должен был быть не только патриотом своей страны, но и достаточно разумным и образованным, чтобы осознавать проблемы своего общества, государства – и стремиться к разрешению этих проблем.

Отношение к человеку в государстве кардинально изменилось после установления Советской власти. Человек стал «винтиком» в системе государства. Все осуществлялось в соответствии с планом государства и для построения коммунистического общества. Государство участвовало в жизни общества и отдельно взятого человека весьма активно и повсеместно, часто с помощью насилия. В. И. Ленин в своих трудах так описывал роль государства: «Государство – особый аппарат для систематического применения насилия и подчинения людей насилию» [2].

Можно сделать вывод, что роль государства в России была превалирующей в жизни русского человека. Государственные интересы стояли значительно выше личностных, а субъект должен был подстраиваться под государственную политику, а не наоборот.

В современном мире Российское государство и государства стран Запада обладают общими чертами в виде демократической формы правления и основных институтов власти, в том числе остается приверженность принципу разделения властей. Однако в эпоху глобализирующейся реальности экономически и политически сильные государства стремятся к установлению порядка, удобного только для них, в большей степени это характерно для Соединенных Штатов. И если в период противостояния СССР и США был установлен, то после развала СССР Соединенные Штаты стремятся закрепить однополярный мировой порядок, удобный исключительно для них. В таком мире США обладают абсолютной властью в решении вопросов внутренней и внешней политики других государств. Яркими примерами данного феномена явились вмешательства в политику Югославии, Ирака, Ливии, Сирии, Украины и т. д.

Европа полностью подчинена Америке и не решается на самостоятельность практически ни в одной из сфер жизни. Но многие страны, включая Россию, выступают против установления такого специфического, одновекторного порядка. Однако возможности установления договоренностей в ближайшем будущем не предвидится из-за желания США удержать мировую гегемонию любыми возможными средствами. Необходимо принимать решения за столом переговоров между двумя могущественными странами, но пока США воспринимают Российскую Федерацию не как взаимовыгодного партнера, а как геополитического противника.

Список литературы

1. 150 золотых фраз: Древняя Греция и Древний Рим // Инфокаталог. URL: https://infoselection.ru/infokatalog/literatura-knigi/literatura-obshchee/item/924-150-luchshikh-tsitat-drevnyaya-gretsiya-i-drevnij-rim.

2. Цитаты о государстве // Time 365. URL: https://time365.info/aforizmi/temi/gosudarstvo.

3. Цитаты о человеке // Time 365. URL: https://time365.info/aforizmi/temi/chelovek.

Каримов А. А.[1]*,*
слушатель
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Горохова В. В.****,*
доцент кафедры философии
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат исторических наук

ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Актуальной проблемой сегодня является исследование важнейших ценностей современного общества, к которым относится патриотизм. Важность патриотизма заключается в том, что он выступает в качестве основы национального самосознания любого общества, способного объединить народ и мобилизовать его на развитие страны.

Исторически сложилось так, что на защиту своей Родины, своего государства вставали по большей части патриоты, готовые защитить ее любой ценой. Необходимо отметить, что такого рода люди, как патриоты, существуют в каждом народе, в стране и государстве. Патриотизм означает любовь к своей Родине, к своему государству, стремление человека к сохранению культурных и национальных ценностей, традиций и обычаев своего государства, патриот готов отдать свою жизнь ради своего государства, защищая свою Родину. Неверно, что только военные являются патриотами, патриотом может быть любой гражданин, желающий благополучия для своей страны, – это могут быть ученые, предприниматели, производители и др., их патриотизм заключается в тех делах, которые они делают на благо своей Родины, своего государства.

Народы Средней Азии, в том числе и Узбекистана, особенно внимательно относятся к воспитанию будущего поколения в духе патриотизма и любви к Родине. В Узбекистане огромное значение уделяется формированию патриотизма и патриотическому воспитанию. Важность данной проблемы определяется рядом обстоятельств, связанных с изменением политико-экономического облика республики Узбекистан, которая обрела независимость и взяла новый курс развития страны.

Основной фундамент патриотического воспитания молодого поколения в Узбекистане закладывается в школе, поскольку именно там ребенок социализируется, там формируется его восприятие и мировоззрение [1, с. 667].

История Узбекистана, как и история любой страны, богата не только своей культурой, обычаями и традициями, но и своими героями. Обращение к истории позволяет вспомнить Амира Тимура по прозвищу Тамерлан, Джаллолидина Мангуберди, генерал-майора Сабира Рахимова, участвовавшего в Великой Отечественной войне и погибшего 25 марта 1945 г. и многих других героев. Эти люди занесены в историю как патриоты, герои своей Родины, являются приме-

[1] © Каримов А. А., 2023.

ром, их имена занесены в учебники, их дело, их вклад в дело Победы, их жертвы неоценимы.

Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиеев, в книге «Стратегия Нового Узбекистана», дает свое понимание патриотического воспитания и раскрывает понятие военно-патриотического воспитания растущего поколения и молодежи. 60 % населения Узбекистана составляют молодые граждане до 30 лет. Лидер страны Узбекистана считает необходимым воспитывать каждого в духе патриотического и военно-патриотического воспитания, ведь молодежь, молодое поколение – это наше будущее [5].

Основной целью военно-патриотического воспитания у молодежи Узбекистана является формирование сильных, стойких, сознательных и убежденных патриотов, преданных идеалам национальной идеи и независимости своей страны, отличающихся высокими интеллектуальными, умственными, физическими и боевыми качествами, необходимыми для защиты государства. В этих условиях утверждение в общественном сознании нашего народа, прежде всего молодого поколения, идеи глубокого патриотизма, гордости за нашу Родину, готовности встать на ее защиту – было и остается одной из важнейших задач общества и приоритетом государственной политики.

Военно-патриотическое воспитание является важнейшим фактором проявления любви и глубокого уважения не только к национальной армии, но и к своей Родине. Ведь именно такое воспитание формирует в человеке солдата, стремление изучить военное дело, повысить общеобразовательный и политический уровень знаний, развитие своих физических способностей, готовность в любой момент отразить атаки врага как извне, так и внутри своей страны. Такое воспитание стало фундаментом заблаговременной подготовки к службе в Вооруженных Силах Республики Узбекистан. Необходимо учитывать то, что потенциал всей страны не только строится на армии, нынешняя молодое поколение Узбекистана реализовывает себя и в других профессиях, страна создала для этого все условия. Многие из них осознают свой вклад в развитие и на благо своей родины [1, с. 667].

Заблаговременным фундаментом патриотизма, патриотического воспитания является домашнее воспитание родителями или близкими родственниками, а на втором плане идут образовательные учреждения и окружение. Смело можно сказать, что развитие молодого человека в Республике Узбекистан основывается на трех вещах: морально-качественные ценности, правильное воспитание и формирование патриотизма.

В Средней Азии принято так, что ребенка нельзя оставлять без дела, в связи с целью повышения духовного просвещения в образовательных организациях периодически проводят собрания, разного рода мероприятия, в программу обучения школьников и студентов введены такие предметы, как «Идея национальной независимости», «Чувство Родины», в школах проводятся и классные часы, на которых вместе с классным руководителем обсуждаются разного рода патриотические темы, установленные образовательной программой [5].

Вышеперечисленные мероприятия, проводимые с населением Узбекистана, направлены на формирование идеологического иммунитета и патриотического воспитания растущего поколения.

Нельзя исключать и тот факт, что есть люди, которые хотят жить за границей, однако Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиеев призывает всех специалистов, уехавших за границу, вернуться на родную землю, помочь в развитии своего государства, что многие и делают, возвращаясь. В сознании молодых людей образовалась ситуация, когда требуются огромные усилия по поиску реального понимания феномена Родины, а значит, наполнения понятия патриотизма содержанием, соответствующим современным вызовам. Проблема развития патриотизма и нравственности молодого поколения является одной из наиболее актуальных на современном этапе развития [2, с. 8].

Можно сделать вывод, что Республика Узбекистан, будучи развивающейся среднеазиатской страной, имеет огромный потенциал в воспитании молодого поколения в духе патриотизма. Изучение патриотизма через призму поиска его места в числе важнейших духовных ценностей позволяет провести грань между патриотизмом и негативными проявлениями, такими как псевдопатриотизм и национализм. Дальнейшее изучение этих понятий позволит лучше использовать исторический опыт для развития и формирования личности.

Список литературы

1. Абдирасилов С. В., Хисамиева С. Воспитание школьников в духе патриотизма средствами изобразительного искусства в узбекской школе // Молодой ученый. 2016. № 1 (105). С. 667–670.

2. Горохова В. В. Формирование патриотизма и гражданственности у курсантов и слушателей Московского университета МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6. С. 5–8.

3. Каххаров А. Воспитывая молодежь нового Узбекистана в духе патриотизма // Янги Ўзбекистон. URL: https://yuz.uz/ru/news/vospitvaya-molodej-novogo-uzbekistana-v-duxe-patriotizma.

4. Мирзиеев Ш. М. Стратегия Нового Узбекистана // Газета.uz. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2021/09/09/new-uzbekistan-strategy.

5. Шоназаров Ж., Буриев И. Национальная идея и проблема воспитания молодежи // Архив статей Журнала научных публикаций аспирантов и докторантов. URL: http://jurnal.org/articles/2018/sociol1.html.

Корчагина Е. А.[1]***,***
курсант
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Фролова Т. Н.,***
доцент кафедры философии
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат социологических наук, доцент

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

«Гибридная война» – понятие относительно новое, его активно начали применять в начале XXI в. Разные авторы трактуют понятие «гибридная война» по-разному. Фактически это любые действия одной страны, характеризующиеся недружественной политикой по отношению к другой стороне, но без участия вооруженных сил, проходящие в основном в информационном поле. Другие эксперты считают, что это различная комбинация тактик, то есть внедрение как регулярных войск, так и отдельных отрядов в боевых действиях, использование киберсферы, техники, поддержка оппонентов внутри государства. В одном из часто используемых зарубежных определений указано, что «гибридная война – это комбинация открытых и тайных военных действий, провокаций и диверсий в сочетании с отрицанием собственной причастности, что значительно затрудняет полноценный ответ на них [1].

Война классического типа сразу дает ясность в ответе на вопросы: между кем разыгрывается конфликт, кто свой, кто обороняется, кто враг, кто наступает. Иное дело – гибридная война. Очевидных фронтов в ней нет, круг участников становится призрачным, и где кажется, что это свой, он может оказаться врагом, разрабатывающим коварный план. Гибридизация размывает линии разграничения между:

- внутренними и внешними угрозами национальной безопасности;
- войной и миром;
- государственным переворотом и революцией;
- дозволенными и недозволенными формами борьбы;
- защитниками и разрушителями международного права [3].

А. А. Бартош считает, что гибридная война развивается по следующим законам:

- воздействие на сознание и психику людей – приоритетное направление операции. Катализатором гибридной войны выступают «цветные революции». В течение более 30 лет объектом первоочередных усилий США и НАТО является ментальная сфера Украины, Белоруссии и России [5];
- охват территории государства всеобъемлющий. Воздействие оказывается на все регионы и все население, на все сферы социальной жизни [7], а противоборство происходит, в том числе, в киберпространстве и космосе;

[1] © Корчагина Е. А., 2023.

– военная техносфера развивается специфично. Следует отметить два важных фактора. Первый – специальные виды оружия и техники не разрабатываются. Второй: практический опыт гибридной войны в Сирии, Ираке и Украине говорит о важности ускоренного развития нелетальных средств воздействия и методов ведения информационно-пропагандистской работы среди военнослужащих противника и населения с использованием инновационных технологий (искусственного интеллекта);

– стратегия должна иметь опережающий эффект. Быстрое выявление уязвимых сфер для направления угроз;

– применяющиеся угрозы скрыты. Специфика наступательной или оборонительной операции имеет в разработке секретные планы, умелую маскировку сил и средств, для дальнейшего эффективного направления угроз;

– факт ведения гибридной войны отрицается;

– многосферное сдерживание предполагает наличие доктрин сдерживания, которые основаны на угрозе применения стратегического ядерного и высокоточного неядерного оружия дальнего действия. Иначе говоря, существует опасность трансформации несилового конфликта в ядерную войну [2].

Одним из аспектов гибридной войны является фальсификация истории. Цель – деморализовать противника, чтобы его героев, достойных людей его страны представить перед потомками в негативном свете. Важнейшим видом социальной памяти является память того или иного народа о своем происхождении и прошлом. В трудные периоды для страны социальная память – это источник патриотического воодушевления и духовной силы, то, что помогает сплотиться народу [6].

На первом этапе фальсификации определенные исторические события предаются забвению путем неупоминания их в средствах массовой информации, исчезновение их из учебников истории. Если происходит необходимость в упоминании, оно возобновляется, но уже не так, как это было раньше. В результате таких манипуляций осуществляется переписывание исторических событий. Люди, которые просто не желают искать правды, принимают ложную информацию за достоверную.

Для того, чтобы понять, как работает переписывание истории, необходимо проанализировать сущность истории.

Историю можно трактовать с двух позиций.

Во-первых, история в обыденном понимании, совокупность всех биографий людей, которые когда-либо жили на Земле, детально, с мельчайшими подробностями жизни каждого из них. Понятно, что такая история не может быть предметом науки.

Во-вторых, история как наука, порождающая некую концепцию исторического прошлого, которая представляет собой определенную выборку из всей совокупности биографий людей, когда-либо живших на земле.

В. О. Ключевский считал, что историческая наука должна дать обществу представление об историческом процессе. Чтобы иллюстрировать данный процесс, привлекаются определенные исторические факты. Один и тот же исторический процесс может быть проиллюстрирован разными фактами, по причине, например, множества людей, участвовавших в этом процессе, и тогда факты

биографии одного участника могут дополняться фактами из биографии другого. Так вот, переписывание истории можно отнести к информационной войне на том основании, что превалирующим объектом посягательства и воздействия является именно информация, с помощью которой и постигается история.

Кому же так важно переписывание истории? Во-первых, тем странам, которые хотят приукрасить свое небезупречное прошлое, а во-вторых, государствам, которых не устраивает возврат России в мировое геополитическое пространство.

Таким образом, история представляет собой совокупность исторических фактов, в последующем образующих исторической процесс, который охватывает определенные временные рамки и определенную территорию. Исторический факт может свидетельствовать как о событии, так и об определенной личности. Для любого государства история, несомненно, важна, так как представляет собой социальную память, но то, как различные страны относятся к достоверным историческим упоминаниям и пропагандируют их, остается большим вопросом.

Из основных событий мировой истории, фальсификации западными странами подвергается Великая Победа советского народа во Второй мировой войне 1939–1945 гг.

Можно выделить четыре основных направления в этой лжепропаганде:

– соучастие России в развязывании Второй мировой войны;

– развенчание характера Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. как народной, освободительной, отечественной;

– лишение России права утверждать о ее решающей роли в победе над фашизмом в Европе и Азии;

– обвинение России (СССР) в нарушении Советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. и агрессии против Японии в 1945 г.

Европарламент 19 сентября 2020 г. подписал резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы». Это нормативный правовой документ, в котором более или менее полно излагаются основания Запада, по которым отдельные исторические факты должны трактоваться так, как это нравится им, например, итоги Второй мировой войны. Тезисы из резолюции:

– благодатной почвой для начала Второй мировой войны был пакт Молотова – Риббентропа (был подписан 23 августа 1939 г. между Советским Союзом и Германией);

– данный пакт позволил подписавшим его странам разделить между собой Европу;

– нацизм приравнивается к коммунизму;

– память о жертвах Второй мировой войны должна быть сохранена;

– нацизм получил должное осуждение на Нюрнбергском процессе, но необходимо проведение юридических расследований против лидеров коммунистического режима, в первую очередь – И. В. Сталина;

– Европейский Союз несет ответственность за развитие демократии на всей территории континента [4].

В феврале 2020 г. парламент Эстонии принял постановление об обвинении СССР в развязывании Второй мировой войны. Постановление осудило пакт Молотова – Риббентропа, ссылаясь на вновь открывшиеся секретные материа-

лы. Согласно резолюции, Эстония призывает Россию не заниматься переписыванием истории и признать тот факт, что Советский Союз был одним из инициаторов Второй мировой войны [4].

Как утверждает польский политолог А. М. Дынер, Россия в целях выстраивания своей внешней политики манипулирует и эксплуатирует историческую науку, тем самым провоцируя разногласия между Литвой, Украиной и Польшей.

По мнению Президента России В. В. Путина, резолюция, принятая Европарламентом 19 сентября 2019 г., не представляет никакого интереса для исторической науки и является абсолютнейшей фальсификацией исторических фактов. Она составлена в угоду незначительной части государств, враждебно настроенных против России.

Политика декоммунизации – попытка стереть прошлое и все, что связанно с Советским государством. Так, на Украине в 2015 г. Верховная рада приняла пакет законов о декоммунизации. Власти пытались стереть из памяти граждан прошлое, переименовывая улицы, снося памятники советским героям. Подобное происходило в Польше и других государствах. Факты вандализма исчисляются сотнями. Намеренно игнорируются памятные даты. Ни в каких мероприятиях не нашла отражение дата годовщины освобождения Варшавы от фашизма советскими и польскими войсками. В школьной литературе и в средствах массовой информации эта дата вообще не упоминается. При проведении мероприятий, посвященных Второй мировой войне, многие государства стараются вычеркнуть память о вкладе и роли Советского союза в победу.

Официальный представитель МИД Российской Федерации Мария Захарова отмечает, что искажение истории необходимо некоторым странам для умелого манипулирования общественным мнением.

Так, опрос американской молодежи показывает: 21 % считает, что во Второй мировой войне военные действия велись между США и Россией, а 13 % – что между США и Китаем.

Британские опросы с разницей в пять лет (2015, 2020) показывают, что число людей, считающих Советский Союз основным победителем нацизма, снижается в большинстве стран Запада.

На Западе переписывание истории активно осуществляется с давних времен. Действия современных политиков в попытке столкнуть государства с Россией, чтобы создать некий пояс недружественных отношений, схожи с действиями политиков 1930-х гг. Еще с тех времен такая стратегия называется «санитарным поясом», и разработанная в прошлом против СССР, она обернулась тогда мировой катастрофой.

Какова же цена победы во Второй мировой войне? Великобритания потеряла 280 тыс. человек, США – 200 тыс., Вермахт – 5 млн, Советский Союз – до 10 млн только военнослужащих, а также около 20 млн мирных граждан. Конечно, нельзя оценивать победу количеством погибших. Жизнь каждого человека представляет собой ценность. Однако эти цифры довольно красноречивы.

Основные задачи (цели) западных фальсификаторов истории следующие:

– внешняя политика заключается в подрыве международного авторитета России во всех вопросах;

– внутренняя политика состоит в провоцировании социальных, религиозных, политических столкновений, что является последствием оскорбления символов Российской Федерации, отрицания героев и т. д.;

– разжигание экстремизма: создание и развитие на территории Российской Федерации мемориалов о так называемых «преступлениях» советской (российской) власти в отношении других народов, в том числе поддерживаемых организациями, внесенными Минюстом России в реестр «иностранных агентов» (напр., «Международный Мемориал»);

– поддержка сепаратизма: создание необходимых условий для передачи «законным» путем территорий иностранным государствам. Итоги такой работы можно наблюдать сегодня на Украине.

Таким образом, на Западе ведется активная работа по фальсификации истории. Проведение опросов в разных странах говорит о том, что молодое поколение не знает достоверной информации о Второй мировой войне, ее причинах и участниках. Памятные даты, памятники, связанные с СССР, уничтожаются, тем самым гибридная война все больше набирает оборот. Цель таких государств – ослабить Россию, так как иными, например, военными способами сделать это на сегодняшний день не представляется возможным.

В этой войне необходима консолидация российского народа для сохранения страны, своей идентичности, духовно-нравственных ценностей и собственной истории.

Список литературы

1. Анисимов Е. Г., Селиванов А. А., Чварков С. В. Гибридные войны – важнейшая часть предметной области теории и практики «высшей стратегии» // Вестник Академии военных наук. 2021. № 4 (77). С. 9–17.

2. Бартош А. А. Законы и принципы гибридной войны // Военная мысль. 2022. С. 23–27.

3. Золотухин В. М., Логинова Г. Е. К вопросу о природе и сущности гибридной войны в современном мире: философско-культурологический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. С. 172–176.

4. Маздогова З. З., Кодзов А. Б. К вопросу о важности сохранения исторической памяти // Философия права. 2020. С. 41–47.

5. Россия и глобальный кризис современности : материалы межведомственного круглого стола / [С. Р. Аблеев и др.] // Философские исследования и современность : Вып. 10. М. : ИПЛ, 2021. С. 202–255.

6. Фролова Т. Н. Механизмы социальной памяти // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 270–271.

7. Фролова Т. Н., Шашурина Г. В. Современный мир как поле цивилизационных конфликтов // Философские исследования и современность. Вып. 10. 2021. С. 167–174.

Кротова А. Н.[1]***,***
курсант
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Сучкова М. В.[2]***,***
старший преподаватель кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ЗАПАДНЫМИ СТРАНАМИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

С давних времен люди понимали, как важно знать историю своего народа и сохранять ее для потомков. Именно история помогает человеку осознавать свою принадлежность к той или иной нации и культуре. Но на протяжении веков у истории была и другая задача – в любом государстве она стояла на страже политических интересов правителей. В настоящее время история становится тем пространством, где используются различные методы в целях установления мощного аппарата политического влияния. История переписывается в той степени, как это необходимо для современников, которые находятся в постоянной политической борьбе и руководствуются принципом «кто управляет прошлым, тот управляет будущим». Развитие информационной сферы привело к тому, что государства используют информацию в качестве оружия для ведения боевых действий, а данная их деятельность приобрела понятие «информационной войны». Информационная техника служит сильнейшим средством развития фальсификации, позволяет свести к минимуму научный подход к историческим явлениям в огромном потоке существующих фактов. На сегодняшний день в отношении Российской Федерации ведется активная информационная война, особенно тщательно запланирована фальсификация и полное вычеркивание русских, как особого великого народа, из мировой истории. Подавляющее большинство явлений прошлого исчезло навечно, а то, что в какой-либо мере запомнилось и зафиксировалось, невольно или умышленно фальсифицируется, и требуются огромные усилия, чтобы прийти к истине. Настоящее предопределено прошлым, именно поэтому важно сохранять историческую память, а прошлое удерживать в качестве такой силы развития человечества и его ценностей, которая не поддается манипулированию.

С развитием средств массовой коммуникации появилось огромное пространство для уничтожения культуры, замены фактов, формирования негативного образа на мировой арене. Открытый и легкий процесс коммуникации в связи с развитием глобальной информационной сети приводит к проблеме проверки информации с целью ее достоверности и качественности [1, с. 113].

---

[1] © Кротова А. Н., 2023.
[2] © Сучкова М. В., 2023.

Под фальсификацией следует понимать сознательное и намеренное искажение информации и подмену фактов, создание новой истории, а следовательно – и мифов, для достижения определенных целей, чаще всего политических. Это полностью меняет первоначальный смысл каких-либо фактов. По своей сути фальсификация является банальным подлогом, выражающимся в замене содержания актуализированными фрагментами. Из единичных случаев фальсификация переходит в масштабное явление, что обеспечивает практически беспроблемное направление сознания людей в нужное направление. И кроме этого, можно только представить к каким непредсказуемым событиям может привести преднамеренная фальсификация. Так, фальсификация приобрела неофициальное название «нелетальное оружие нового поколения». Дезинформация и манипулирование общественным сознанием становятся обычными методами ведения войн, которые применяются для достижения не только политических целей, но и экономических.

В своей истории Россия уже не раз встречается с данным явлением. Еще в древности при ведении завоевательных войн уничтожались книги и иные памятники культуры. В продолжение развития государства и укрепления России как великой державы появилась целая прослойка людей, которые стали детерминантом борьбы с Россией, как с источником зла. XX век характеризуется ведением интенсивной информационной войны между Россией и Западом. В зависимости от исторического периода интенсивность данного явления то уменьшалась, то вновь приобретала актуальность. Попытки других стран заменить факты, пересмотреть итоги различных событий в условиях политической и экономической нестабильности носят характер информационной борьбы. Несомненно, информационная война – это составная и немаловажная часть вооруженной борьбы, что в целом представляется существенной угрозой для существования государства – потому что при этом что деморализуется массовое сознание.

В начале прошлого века начался процесс передела геополитической карты мира, завершение которого приходится на наши дни. Ввиду этого Запад активно участвует в данном процессе в целях уничтожения России как государства и захвата ее территории.

Наиболее ярко фальсификация истории проявляется на примере Второй мировой войны. Окончание войны установило новое политическое соотношение стран на мировой арене. СССР и США – две страны победительницы, две великие державы – имели лидирующие позиции. Вопрос о послевоенном устройстве мира стал причиной разногласий между ними, их интересы значительно различались, что в свою очередь привело к противоборству за сферы влияния и началу холодной войны. В условиях холодной войны СССР являлся главным конкурентом Запада, задачей которого стало принижение роли СССР в победе во Второй мировой войне, принижение его державного статуса.

Фальсифицировать историю Запад начинает уже с начала Второй мировой войны. Исторический факт – 22 июня 1941 г. Германия без объявления войны напала на СССР. К настоящему моменту западные исследователи пытаются внушить мировому сообществу, что именно Сталин заранее планировал напа-

дение на Германию и непременно осуществил бы его 6 июля 1941 г. На этом обвинения в адрес СССР не заканчиваются, существуют и распространяются мнения о том, что наша страна имеет непосредственное влияние на развязывание войны, уменьшается роль СССР в достижении победы над фашистской Германией [2, с. 676].

Особую роль в процессе занижения роли России в аспекте Второй мировой войны и приведение ее в статус страны-агрессора играет, проявляющая достаточно сильную активность в данном направлении, Польша. Так, в 2015 г. министр иностранных дел Польши сделал заявление о том, что лагерь Освенцим был освобожден украинскими войсками. Несомненно, это является недостоверной информацией, точно известно, что Польшу освобождали лишь советские войска (они состояли из нескольких наций с преобладанием русских и украинцев) и войска США и Великобритании к этому не имели никакого значения. Данный факт неудобен правительству Польши, точно осознавая истину, они преднамеренно фальсифицировали данные.

На простой подмене фактов западные страны не останавливаются. Их методы ведения информационной войны с каждым годом становятся масштабнее, изощреннее. И с такими установками обучается и развивается новое поколение. Так, в странах постсоветского пространства учебники истории построены на сознательном искажении фактов, которые направлены на принижении роли России в истории этих народов. Это приводит к тому, что в настоящее время новое поколение воспитывается на антироссийских началах, в этом заключается основа патриотического воспитания в этих странах. Кроме того, помимо русофобских идей, порождаются идеи национализма.

Оценка политической обстановки, которая складывается к сегодняшнему дню, позволяет определить, что именно целенаправленная деятельность западных политиков привела к порождению ненависти украинцев к России и ее народу. Практически каждый исторический период на Украине подвергся переосмыслению, что является только частью «национальной украинской концепции истории», которая представляет собой целую разработанную и структурированную стратегию. Как результат, 2–3 поколения украинцев не знают истинной истории, выращены в полной уверенности, что Украина не имеет ничего общего с Россией, что их нация обладает исключительностью, отсюда и развитие национализма, который уже сегодня приводит к немалым жертвам.

Целенаправленные действия по искажению исторического наследия наших народов и России в целом продолжаются и в настоящее время, тенденции к развитию фальсификации вызывают серьезную угрозу [3, с. 42–47]. В этом отношении важно помнить, что несостоятельность каждого эпизода фальсификации доказывается фактами, документами, и главный вопрос состоит в том, как разрушить построенную Западом картину мира в сознании миллионов людей.

Приведенные выше примеры позволяют понять, что Россия подвержена агрессивному информационному нападению. Для этого используются различные методы, самым эффективным из которых является фальсификация истории – именно она стала в последнее время активной и организованной частью стратегии западных политиков по ослаблению России. Цель такой политики – сте-

реть из памяти народов всего мира заслуги России и героизм наших солдат, разрушить менталитет, а следовательно, и ценности нашего народа. Дальнейшее развитие фальсификации может привести к полному изменению принципов устройства жизни человечества и государств. Для предотвращения и недопущения фальсификации и подмены фактов одной государственной политики России не хватит, для этого необходимо повышать уровень общекультурного развития всех граждан России, всего общества в целом. Тем не менее стоит и дальше продолжать бороться за коммуникативное пространство, развенчивать мифы, прорывать информационную блокаду, что поможет в борьбе за правду и за сохранение в народной памяти подвига наших предков.

История не должна быть подвержена влиянию правящей верхушки, не должна являться инструментом манипулирования массовым сознанием. Непоправимый вред исправление истории наносит подрастающему поколению, и опасность уже всем очевидна. Именно поэтому, как никогда ранее, сегодня важно увековечить героическое прошлое, преподавать истинную историю. Это позволит сохранить национальное сознание, уникальную культуру и значимые ценности нашей страны.

Список литературы

1. Баева А. В. Проблема фальсификации в условиях информационной эпохи // Идеи и идеалы. 2013. Т. 2. № 2. С. 109–115.

2. Романова Е. А., Антонович А. В. Информационные войны: фальсификация истории Второй мировой и Великой Отечественной войны // Science Time. 2015. № 4 (16). С. 675–678.

3. Штоль В. В. Гуманитарная сфера – отражение кризиса современного миропорядка // Обозреватель-Observer. 2020. № 6. С. 41–49.

Курбатов В. С.[1]***,***
курсант
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Марченя П. П.,***
заместитель начальника кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В УСЛОВИЯХ АГРЕССИИ ЗАПАДА

Традиционно патриотическое воспитание связывают с соответствующей деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления. Патриотическое воспитание характеризуется систематичностью и целенаправленностью в формировании гражданского сознания, верности своему Отечеству, готовности к выполнению долга по защите интересов Родины. Такое воспитание призвано обеспечить общественно значимую ориентацию граждан, гармоничное сочетание личных и общественных интересов, преодоление чуждых обществу процессов и явлений, разрушающих его устои и потенциал созидания [4, с. 588].

В современных реалиях такая деятельность должна быть ориентирована на военно-патриотическое воспитание. И это абсолютно оправданно. Против нашей страны введен проект «анти-Россия» как часть реваншистской политики Запада, включающей создание очагов нестабильности и конфликтов непосредственно у наших границ. Замысел один – направить агрессию на Восток, разжечь войну в Европе, чужими руками устранить конкурентов. Более того, элиты Запада не скрывают своей цели – нанести «стратегическое поражение России». Для России это означает, что с ней хотят «покончить раз и навсегда». Запад намерен перевести локальный конфликт в фазу глобального противостояния. И Россия обязана соответствующим образом реагировать, потому что речь идет об ее существовании.

В настоящее время в науке ведутся дискуссии о правильности такой ориентации патриотического воспитания. Например, В. С. Калинич и О. Ю. Верпатова полагают, что перестроение воспитательных программ на военный лад, преимущественно военная тематика проведения мероприятий, привлечение к участию в них силовых структур, непосредственно занимающихся военно-патриотическим воспитанием, – все это сегодня порождает ряд проблем. Указанные авторы считают, что это приводит к смещению фокуса патриотического воспитания на военно-патриотическое воспитание и сужению достаточно широкой патриотической повестки, включающей в себя культурное развитие, повышение уровней образованности, социальной активности, гражданской ответственности, развития идентичности. Также эти авторы отмечают, что военно-патриотическая тематика и соответствующие форматы предлагаемых меропри-

[1] © Курбатов В. С., 2023.

ятий часто не встречают понимания со стороны участников младшего возраста. Им не хватает социального опыта, знаний, умений и навыков, которые могли бы позволить осознанно и с интересом не только воспринимать транслируемые ценности и установки, но и примерять их на себя [1, с. 114].

Однако нельзя не принимать во внимание отмеченные Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в его обращении 24 февраля 2022 г. вызывающие озабоченность и тревогу фундаментальные угрозы, которые шаг за шагом грубо и бесцеремонно создаются безответственными политиками Запада в отношении нашей страны, в том числе расширение блока НАТО на Восток, приближение его военной инфраструктуры вплотную к российским границам [6]. В контексте таких событий смещение курса патриотического воспитания на военную тематику выглядит оправданным и объективно необходимым. Разговоры о том, что военно-патриотические мероприятия не встречают понимания со стороны детей звучат цинично на фоне горя матерей, потерявших своих сыновей и дочерей в период, казалось бы, мирного времени, плача осиротевших детей, чьих матерей и отцов-защитников снова убивают вражеские пули, снаряды и мины. Россия в опасности, ей противостоят огромные силы, которые ни перед чем не остановятся, а мы не должны уделять центральное внимание военно-патриотическому воспитанию? Должны убрать его из школьного и дошкольного образования у детей?

Автор данной статьи считает, что это было бы настоящим преступлением против государственности России. «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» [2, с. 79] – это та стратегическая задача, которая не может реализовываться вне контекста военно-патриотического воспитания.

Значимость военно-патриотического воспитания состоит в том, что оно формирует один из важнейших для сохранения суверенитета и обеспечения национальной безопасности элемент общественного сознания. Недооценка такового воспитания приводит к ослаблению не только оборонных, но и социально-экономических, духовных и культурных основ развития общества и государства. Все вышеперечисленное определяет сегодня приоритетность военно-патриотического воспитания в общей системе воспитания граждан России.

Исходя из обстановки на границах нашей страны и из смысла такого института, как государство, особое значение обретает в его политике целый ряд стратегических задач. Во-первых, необходимо целенаправленно формировать нравственный фундамент у молодежи, определенную систему идей и ценностей. Во-вторых, необходимо разрабатывать, внедрять и совершенствовать образовательную политику патриотического воспитания.

Автор статьи считает, что ключ к решению этих стратегических задач лежит в осознании феномена «коллективной памяти». Будь это формирование системы ценностей у молодежи, будь это совершенствование образовательной политики, будь это военно-патриотическое воспитание – ясно одно: основой формирования всех перечисленных категорий является коллективная память, память о прошлом, о своем народе, о своей родной истории.

Сейчас особенно остро стоят вопросы зашиты и укрепления коллективной памяти россиян. В условиях, когда Россия является не просто цивилизационной альтернативой евроатлантического Запада, а признана им ненавистным элементом мира и против нее ведет целенаправленную борьбу весь блок НАТО под управлением США, важно не просто не забывать наше прошлое, важно вспоминать его через сопоставление с настоящим, через формирование у молодежи цивилизационно идентичного понимания исторических процессов. Чем ближе и ненавистнее враг, тем сплоченнее становится наш народ. Именно сейчас мы должны быть сплоченными, как никогда, осознавать взаимосвязь прошлого и настоящего, понимать, почему, по мнению Запада, мы «не такие», почему Запад хочет существовать без России.

«Родина-мать зовет! Память о Хатыни и пепел дедов, стучащий в сердцах, резонируют с криками заживо сожженных в Одессе, с плачем детей Донбасса, никогда не живших под мирным небом» [5, с. 9].

Обстановка вокруг наших границ, антироссийская риторика, русофобия и гонения русских заставляют нас вспомнить прошлое – то, как в отношении нашего народа и страны велись нескончаемые агрессии всевозможных «евросоюзов» прошлого.

Отметим, что в современное время происходят постоянные извращения понятий и фактов истории, ее многочисленные фальсификации, акты умышленно ложной интерпретации событий. В таких обстоятельствах никак нельзя оставлять без внимания и школьное образование. Дети, их невинные умы, их еще чистый разум – вот настоящая цель Запада. Во многом именно на них направлена информационно-подрывная политика США. Последствия кризиса государственности СССР/РФ в 1990 гг. мы переживаем по сей день. Выросли поколения с разрушенными ценностями, с врожденным нигилизмом, отсутствием настоящей любви к Родине, интереса к будущему нашей страны, ее суверенности. От этого страдает наша государственность сейчас, и до сих пор в нашем, русском обществе бродит антирусская мысль. Необходимо вести целенаправленную борьбу за нашу молодежь, ведь именно она и есть наше будущее. И эта борьба должна быть жесткой и беспощадной, непримиримой. Нужно выкорчевать корень зла, ведь, как поется, «все всегда начинается с малого, с мертвых семян, прорастающих заново, басенкой на другой лад пересказанной». Нынешним детям продолжать начатую в настоящий момент борьбу за Россию. Поэтому образование молодежи обязано проходить через призму патриотического воспитания, опираться на родную коллективную память, память истории.

Коллективная память является ключевым механизмом соединения людей этническими и культурными связями, а формирование ее у детей является сложным и многогранным процессом. На процесс формирования таких связей влияют различные факторы, в том числе такие, как социально-экономические условия развития общества, идеологические установки, деятельность средств массовой информации. В частности, СМИ играют особо важную роль в формировании общественного мнения, в том числе и отношения к истории, а также способствуют созданию и распространению исторических мифов и исторических штампов. Например, при просмотре какого-то фильма с пометкой «исторический» автоматически формируется мнение зрителей о тех событиях, кото-

рые в нем описываются. Люди начинают воспринимать показанное как истину в последней инстанции. Обусловливается это тем, что у молодежи в силу возраста и недостатка опыта еще не сформировались качества, которые позволяли бы критически относиться к получаемой информации и отличать правду от вымысла. В этих условиях все более возрастают роль и ответственность образовательных организаций, начиная школой, в которой и закладываются основы этнического самосознания, «моральный климат памяти», «нравственная оседлость» человека [3, с. 50].

Автор настоящей статьи, помня свой опыт в школе, считает, что процесс формирования коллективной памяти у детей становится наиболее эффективным тогда, когда выходит за рамки урока. Именно поэтому стоит выделять основные направления формирования коллективной памяти. К таким направлениям мы относим:

– изучение исторического и культурного наследия в целом, формирование у детей интереса к прошлому;

– изучение истории семьи, формирование понимания ребенком своего предназначения, осмысление отражения истории на конкретных родных людях;

– изучение истории, культуры и традиций родного края, формирование любви к своей малой родине и Отечеству.

Все вышеперечисленное и определяет значение коллективной памяти в системе патриотического воспитания, ее основополагающее, центральное место в этой системе. Важно бороться за умы молодежи, формировать из нее поколение победителей. Воспитывать граждан, доверяющих своей стране и ее ценностям, истории и культуре. Сохранять и приумножать число граждан, реально вовлеченных в проблемы развития Родины, способных самосовершенствоваться и самореализовываться на благо Отечества.

Список литературы

1. Калинич В. С., Верпатова О. Ю. Патриотическое воспитание в современном российском обществе: особенности и проблемы развития // Социология. 2022. № 4. С. 110–118.

2. Кикнадзе В. Г. Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганде фашизма, экстремизма и сепаратизма. М. : Прометей, 2021.

3. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М. : Детская литература, 1989. 238 с.

4. Лутовинов В. И. Стратегия развития системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации на ближайшую перспективу // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. № 11–3. С. 587–592.

5. Марченя П. П. К годовщине Специальной военной операции. Русская идея и СВО: возвращение России. // Служу Закону. 2023. № 2 (116). С. 8–11.

6. Путин В. В. Обращение Президента Российской Федерации 24 февраля 2022 года // Президент России. URL: http://kremlin.ru/events /president/ news/67843.

Ломовская А. В.[1]*,*
адъюнкт
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова

Научный руководитель: ***Медушевская Н. Ф.****,*
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ИДЕЯ МИЛОСЕРДИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВОВОМ СОЗНАНИИ И КУЛЬТУРЕ

Идея милосердия является одной из важнейших ценностей, наполняющих историю человечества, она отражает религиозные и в целом общекультурные традиции многих народов мира. Милосердие – это способность проявлять сострадание к другим людям, оказывать помощь и поддержку в трудных ситуациях. В России милосердие традиционно пронизывает правовую культуру, являясь рефлексией глубинных основ православной религии. Исторически российская государственность издавна стремилась к утверждению милосердия в качестве идеологической основы, и этот факт имеет большое значение для развития общественных, в частности, правовых отношений, для создания справедливого и гуманного общества. В православной традиции милость, милосердие имеют особый смысл, влияющий на светскую жизнь, придавая ей особую сакрально-духовную наполненность. Неслучайно поэтому эта идея стала базовой при формировании правосудия как основы российской судебной деятельности.

Идея милосердия имеет многовековую историю. Речь идет о дошедшей до нас из древности доброте, сострадании и более утонченном чувстве милосердия. Милосердие есть одна из ценностей христианства, оно взывает к состраданию и помощи страждущим. Для верующих милосердие есть глубинное выражение их обращенности к Богу, воплощение предназначения человека в земной жизни.

Милосердие – это уважение к человеческой жизни и достоинству личности. Поэтому оно не ограничивается исключительно религиозной верой, оно необходимо для социального строительства и установления порядка. В отечественной правовой мысли милосердие обычно связывают с теорией правосознания, идеологическая основа которого имеет длительную историю и связана со становлением государственной власти в России.

Со времен Руси и до наших дней в русской культуре накопилось немало образов и символов, связанных с милосердием [6, с. 225]. Одним из примеров может служить милосердный самарянин в притче Иисуса, который помог раненому бедняку несмотря на то, что они не были знакомы. Святой принцип милосердия выражается в Декалоге, составляющем нравственную основу русской государственности. Идея милосердия пронизывает всю религиозную и культурную традицию России и служит основой морального кодекса. В России ми-

---

[1] © Ломовская А. В., 2023.

лосердие берет свое начало в Церкви, которая всегда заботилась о бедных и нуждающихся, притом государство поддерживало эту инициативу. Об этом свидетельствует тот факт, что в XVIII–XIX вв. государство начало оказывать помощь нуждающимся путем создания муниципальных учреждений и систем благотворительности (например, создание Марфо-Мариинской обители) [5, с. 95].

Еще раз отметим, что милосердие в России – это не только религиозная ценность, но и основа национальной идеологии. Оно является одним из ключевых аспектов российской культуры и общественной жизни. В России существует разветвленная сеть благотворительных организаций, которые оказывают помощь нуждающимся.

Главная задача государства – создание благоприятных условий для жизни и развития каждого гражданина, поэтому оно должно обеспечить социальную защиту граждан, создать рабочие места, способствовать образованности своих граждан. В настоящее время происходит разработка и осуществление социальных программ, направленных на укрепление социальной защиты населения, особенно тех граждан, которые попали в сложные жизненные ситуации. В России милосердие имеет большую значимость, являясь фундаментом социальной политики страны [4, с. 867]. Социальные программы охватывают различные категории населения, включая многодетные семьи, инвалидов, пенсионеров и беженцев. Одно из главных направлений развития милосердия в России – совершенствование социальной защиты населения.

Помимо этого, существуют и другие направления, например, внедрение программ образования и культуры, которые формируют позитивное отношение к милосердию в обществе. Главной целью пропаганды милосердия является повышение уровня сознательности людей, привлечение их к творению добра.

В настоящее время мы поднимаем вопрос о национальной идее, к которой относят, прежде всего, патриотизм, гражданственность и солидарность. Согласно авторской позиции, к этому ряду следует добавить и милосердие, которое является вехой в формировании национального самосознания. Россия стремится стать сильным процветающим обществом, в котором каждый гражданин должен иметь в жизни равные возможности. И в этом смысле милосердие может способствовать преодолению социального неравенства и усилению взаимодействия между различными слоями общества.

В нашем обществе существует различное отношение к стратегии милосердного отношения к людям: кто-то видит в нем средство смягчения жестокости мира, другие – средство упрощения решения многих сложных вопросов. И это свидетельствует о том, что идея милосердия является сложной и неоднозначной.

Выделим некоторые основные особенности, составляющие суть данной идеи. Во-первых, она представляет духовную составляющую нашей жизни, в ней душа человека может свободно подняться над обыденностью и почувствовать освобожденность от повседневных забот и проблем. Во-вторых, милосердие должно быть «безвыгодным» и «бескорыстным», то есть не преследовать цель экономической или какой-либо иной выгоды. В-третьих, милосердие

есть забота о человеке, выражение уважения его личности. И наконец, в-четвертых, милосердие не ограничивается необходимостью решить одну действительно сложную ситуацию, это общественное благо, которое охватывает все аспекты жизни.

История России изобилует примерами закрепления милосердия на законодательном уровне. Так, Екатерина II, которая проводила политику гуманизации казенных учреждений, вошла в историю как «императрица благотворительности». Ей удалось разработать законы и регламенты, которые защищали права человека и упрощали рационализацию правоприменения. Первым шагом императрицы было учреждение воспитательных домов для подкидышей. Позже по ее повелению была создана широкая сеть заведений для малолетних сирот. Императрица поощряла разные формы благотворительности, способствовала появлению меценатства.

В современной России постоянно осуществляется гуманизация правообразования и правоприменения. В судебной практике милосердие означает заботу о социальной и психологической благополучности обвиняемого, оно заключается в том, чтобы определить наиболее эффективный и человечный способ решения судебных дел, которые удовлетворят интересы участников процесса в рамках действующего законодательства. Милосердие означает всесторонность и объективность подхода к судебному разбирательству, учет всех обстоятельств дела, объяснение обвинения и назначаемого судьей наказания. И в этом смысле актуальным представляется высказывание И. А. Ильина, который писал, что «уголовное наказание имеет и только и может иметь одно единое назначение: *принудительное воспитание правосознания*» [3, с. 275].

Милосердие – это качество, которое важно для обеспечения социальной справедливости и равенства в правосудии. Оно может помочь судьям и другим участникам процесса принимать более взвешенные и гуманные решения в судебных делах. Важно, чтобы государство продолжало поддерживать и развивать милосердие в отечественной правовой практике, чтобы гражданам были обеспечены достойные условия жизни и справедливое судопроизводство.

С целью расширения милосердности в правовой жизни в нашей стране издаются соответствующие законодательные акты. Так, в 1995 г. был принят закон, регулирующий благотворительную деятельность и волонтерство, а в 2022 г. – издан Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1; 2]. На регулярной основе осуществляются социальные программы помощи малообеспеченным семьям и людям с ограниченными возможностями здоровья, значительное количество благотворителей из числа российских граждан оказывает помощь и поддержку тем людям, которые живут на границе бедности. В России существует множество некоммерческих организаций, осуществляющих благотворительную деятельность. Они оказывают постоянную и действенную помощь пожилым людям, детям из неблагоприятной социальной среды, пострадавшим в результате стихийных бедствий.

Итак, идея милосердия оказывала и продолжает оказывать неоспоримое влияние на отечественное право и правосознание. В настоящее время эта идея звучит с особой актуальностью в связи с разрушением системы традиционных ценностей, формированием общества потребления, превращения человека в объект манипулирования. Милосердие имеет религиозные корни, утверждает святость человеческой жизни, подчеркивает духовную природу права.

И. А. Ильин отмечает: «Нормальное правосознание приемлет право, культивирует его и совершенствует его, движимое волею к его верховной *цели, к духовной жизни и ее организации*. Оно усматривает в этой жизни, посвященной свободному, предметному обретению и осуществлению высших и безусловных ценностей, – *верховное благо* и согласно этому переносит свое волевое утверждение на все то, что необходимо ведет к его правому осуществлению. *Нормальное правосознание есть воля к праву, проистекающая из воли к духу*» [3, с. 288].

Пропаганда и популяризация милосердия является задачей не только государства, но и гражданского общества, каждого из нас, так как только вместе мы можем создать лучшее будущее для нашей страны. Российское общество должно вести себя ответственно и мудро, помнить, что главное – это люди, и от отношения к ним зависит благополучие этого общества, его целостность. Государство, которое следует принципу милосердия, создает благоприятные условия для жизни и развития каждого гражданина, что определяет данную идею как фундаментальный аспект развития российского общества.

Список литературы

1. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3340.

2. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

3. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. М. : АСТ, 2006.

4. Карагодина О. А. Милосердие и благотворительность как концепты национальной идеи в России // Философия и культура. 2016. № 6 (102). С. 865–872.

5. Крючкова М. Н. Традиции российского милосердия. Марфо-Мариинская обитель. М. : Издательский Дом Тончу, 2020.

6. Лука (Пронских), иеромонах. Основные этапы развития института милосердия в России // Материалы IX международной студенческой научно-богословской конференции. Ч. 1 : Доклады аспирантов и магистрантов. СПб. : СПбПДА, 2017. С. 223–227.

Малоземова Д. А.[1]*,*
курсант
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Иванченко Ю. А.****,*
заместитель начальника кафедры
истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Важную роль в воспитании патриотизма, уважения к труду и старшим поколениям, моральным и семейным ценностям в России сегодня играет культура. Необходимо беречь единое культурное пространство во всем его многообразии, сохранять богатые национальные традиции народов России и при этом всемерно развивать и совершенствовать программы обучения русскому языку, который является основой межнационального общения и единства нашей страны.

Сегодня культура и искусство испытывает на себе влияние социально-политических и социально-экономических перемен в обществе. Культура и искусство в России переживают свое критическое или переходное состояние. Они выходят за границы прежнего состояния, скажем, качественного советского типа, но еще не могут достичь уровня нового типа.

Переосмысление культурных ценностей и дальнейшая судьба культуры России во многом зависят от ее духовного состояния, социальной и гражданской позиции граждан России.

В настоящее время можно выделить основные проблемы в состоянии культуры в стране. Это размывание духовной самобытности российской культуры, что приводит к унификации обычаев и национальных традиций. Копирование фильмов, западного образа жизни и моделей поведения приводят к утрате национально-культурной идентичности и разрушению культурной индивидуальности. Ликвидация цензуры, государственного контроля и отстранение от какой-либо идеологии привели к падению качества и уровня «культурных» произведений [3, с. 70].

Более половины современных фильмов создаются по сценарию сказки «О Золушке». В них бедная, скромная и безработная девушка, преодолевая козни хитрых и жадных соперниц, выходит замуж за перспективного и богатого бизнесмена и становится соруководителем холдинга по производству «рогов и копыт». Такие произведения не могут мотивировать на поступки, которые могли бы принести хоть какую-то пользу для кого-либо, не говоря уже о воспитании молодого поколения в духе патриотизма, уважения к труду, национальным традициям и старшему поколению.

---

[1] © Малоземова Д. А., 2023.

Коммерциализация культуры привела к тому, что сегодня развиваются только развлекательные и высокодоходные индустрии. Необходимые в воспитании молодежи дискуссионные, идеологические и политические программы, такие как общественно-политическая передача В. Соловьева и З. Прилепина «Уроки русского» транслируются по телевидению глубоко за полночь. Образовательные учреждения, музеи, театры, библиотеки «латают дыры» из-за недостаточности финансирования. В такой ситуации молодое поколение все больше отдаляется от духовной культуры. Несоответствие декларируемых общечеловеческих ценностей и реальной жизни ведет к разрушению нравственных оснований и правовому нигилизму.

Проблемы в состоянии русского языка рассматриваются как индикатор состояния культуры. На сегодняшний день в русском языке произошли негативные изменения, приведшие к снижению уровня грамотности, к распространению иноязычных слов, к повсеместному распространению сквернословия в обыденной речи [1, с. 83].

Русский язык имеет важное значение в гармонизации межнациональных отношений и проведении соответствующей миграционной политики. Государству необходимо стимулировать приток в Россию прежде всего профессиональных, образованных специалистов, знающих русский язык, близких к нашей культуре. Особенно это важно для жителей СНГ, для тех, кто близок и понятен нам, с кем мы говорим на русском языке.

Как известно, сегодня много эмигрантов желает вернуться в Россию из стран, которые они когда-то называли сказочными. Причиной тому чаще всего является осознание и понимание чувства национальной идентичности. Необходимо видеть в зарубежной русской диаспоре партнера, в том числе в деле расширения и укрепления пространства русского языка и культуры. Важно поддерживать преподавание русского языка за рубежом, как инструмента межнационального общения.

Сегодня, в условиях проведения агрессивной политики Запада в отношении России, нам необходимо защищать права и законные интересы соотечественников, проживающих за рубежом, на основе международного права и международных договоров. Однако, как показывает время, страны западной Европы и США, продолжая вести свою колониальную политику, по-своему трактуют международное право. Как они утверждают, есть еще и установленные правила, которых, правда, никто не видел. Суть этих «правил» заключается в двойных стандартах и понятиях «демократических преобразований» в различных странах континента. Россия, проявляя свою независимую политику и защищая свой суверенитет, является костью в горле западного «демократического» мира. Именно поэтому Россию и все, что с ней связано, стараются всеми правдами и неправдами разрушить и уничтожить.

Украина сегодня в борьбе Запада с «упрямой» Россией стала точкой и камнем преткновения. К власти пришли наследники фашисткой идеологии, с хорошей подготовкой и поддержкой. Западные идеологи и правящая верхушка Украины стараются переформатировать братский нам украинский народ и настроить его против нашей страны. Неоднократно предпринимались попыт-

ки лишить проживающих на Украине русских исторической памяти, родного русского языка, сделать объектом принудительной ассимиляции.

Украинское правительство сегодня пытается избавиться от всего русского. Сносятся памятники великим людям, переписываются учебники истории, русский язык запрещается, сжигаются книги. Им нужно воспитать новое поколение в антироссийском духе, внушить страх и ненависть к русскому народу.

Весомым доказательством того, что русский язык является основой государственной идеологии и политики, свидетельствуют сегодняшние события на Украине. Принятие Украинской властью скандального закона о пересмотре языковой политики, в котором ущемляются права русских и русскоговорящих граждан, проживающих на Украине, привело к отделению территорий Крыма, Луганской и Донецкой областей, возвращению исконно русских земель (Запорожской и Херсонской областей).

История русского языка очень глубока. Слово в русском языке, кроме своего внешнего утилитарного применения в качестве названия предмета, действия или иной функции, например, средства коммуникации между людьми, имеет глубокий внутренний смысл (семантику), позволяющий заглядывать много глубже рациональных проявлений окружающего мира. Идеологи советского периода хорошо понимали философию русского языка. Именно поэтому мы можем найти сходство в требованиях «морального кодекса строителя коммунизма» и библейских заповедях. Именно русский язык является источником десяти заповедей и списка семи смертных грехов, органически заложенных в него изначально и призванных защитить человеческий род от исчезновения.

Если внимательно прочитать заповеди, становится понятным, что направлены они на сохранение человеческого рода. А слово «род» является главным словом русского языка. Существует русская национальная идея, она же миссия русского народа – защита рода человеческого на базе ценностей, заложенных в русском языке. Эти традиционные ценности требуют защиты, своего раскрытия и донесения до всего человечества. Именно поэтому приверженцы так называемых «универсальных» западных ценностей сегодня ведут войну с русским языком и православной церковью во всем мире. Сегодня с подачи западных идеологов киевский режим организовал самую масштабную в истории страны волну гонений на украинскую православную церковь с рейдерскими захватами церквей и монастырей, а также побоями и арестами священнослужителей и верующих [2].

Сегодня все больше людей начинают верить в сакрализацию русского народа. России, как стране-праведнику предназначена особая миссия – через русский язык, традиции и культурные ценности нести правду в этот мир.

На молодое поколение ложится большая ответственность за сохранение и развитие русского языка, национальных культурных традиций и ценностей, а также за интеграцию России в мировое культурное пространство.

Именно поэтому сохранение и распространение русского языка в долгосрочном плане способно коренным образом изменить мироустройство и сделать его более справедливым. Как сказал великий русский полководец

А. В. Суворов: «Мы – Русские, с нами Бог...». Что бы ни случилось, мы обязательно победим и восстановим Правду.

Список литературы

1. Волик Е. А. Проблемы современной культуры // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности : материалы XIV научной конференции с международным участием. М. : Институт мировых цивилизаций, 2020. С. 82–86.

2. Дубровский А. Русская миссия: вперед в прошлое или назад в будущее? // ПравдИнформ, новости мировой перестройки. URL: https://trueinform.ru/modules.php?name=Laid&sid=39417.

3. Закутнов О. И., Пепелышева А. С. Традиционные и современные тенденции развития культуры России // Роль гуманитарно-экологического образования на современном этапе развития общества : материалы научно-практической конференции с международным участием. Астрахань : Издатель : Сорокин Роман Васильевич, 2019.

Мамедов В. А.[1]**,**
аспирант Российского университета транспорта

Научный руководитель: ***Чеботарева А. А.,***
заведующая кафедрой
«Правовое обеспечение государственного управления и экономики»
Юридического института
Российского университета транспорта,
доктор юридических наук, доцент

ПОЛНОМОЧИЯ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВОК 2020 Г. : ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Конституционные новеллы 2020 г. активизировали дискуссии, связанные с определением формы правления в России. По этому вопросу среди конституционалистов нет единого мнения. В современной научной литературе Российская Федерация характеризуется как республика со смешанной формой правления. В науке существуют мнения, что Россия тяготеет к суперпрезидентской форме правления. Ю. А. Нисневич полагает, что внесенные в Конституцию Российской Федерации поправки изменили систему органов государственной власти и форму правления в сторону суперпрезидентской республики [2].

Конституция 1993 г., до внесения поправок, закрепляла в структуре парламентско-президентской модели правления весьма широкие президентские полномочия со слабо определенной системой сдержек и противовесов. Однако внесенными в 2020 г. изменениями в Конституцию Российской Федерации полномочия Президента Российской Федерации были значительно расширены, что свидетельствует о переходе Российской Федерации к президентской форме правления. В доктрине конституционного права выделяются признаки смешанной формы правления, в числе которых президент не входит в систему органов исполнительной власти, однако непосредственно воздействует на ее формирование и осуществляет исполнительно-распорядительные полномочия. В свою очередь, участие в формировании правительства наряду с президентом принимает и парламент, вследствие чего у правительства возникает ответственность также и перед парламентом [1, с. 43; 3].

Влияние парламентской власти было ослаблено в результате внесения поправок в Конституцию. Предложения по кандидатуре главы правительства и его членов предлагаются Президентом, что позволяет говорить об ответственности правительства перед Президентом, а не перед парламентом, как это имеет место в республиках со смешанной формой правления. Неоднократно выдвинутый вотум недоверия Правительству со стороны Государственной Думы не влечет однозначную отставку Правительства. В соответствии с поправками, внесенными в Конституцию Российской Федерации (ст. 117) окончательное решение в этом вопросе остается за Президентом. Государственная Дума

[1] © Мамедов В. А., 2023.

фактически не участвует в формировании силового блока Правительства, в чью компетенцию входят вопросы обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности. Согласно пункту «д.1» статьи 83 Конституции Российской Федерации они назначаются на должность Президентом самостоятельно и даже без участия Председателя Правительства России после консультаций с Советом Федерации. В свою очередь по обновленной Конституции на порядок формирования Совета Федерации, в значительной степени влияют решения Президента, подтверждением тому является возможность назначения со стороны Президента до 30 сенаторов, в том числе 7 пожизненно.

Внесенные в Конституцию изменения существенным образом укрепили статус Президента, дополнительно подтвердив признаки принадлежности государства к типу суперпрезидентской республики. Руководство Правительством, вплоть до решения об его отставке – в руках Президента. Полномочия председателя Правительства в ходе конституционных преобразований были существенно ограничены. В соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 113) в прежней редакции председатель Правительства «определял основные направления деятельности правительства» и «организовывал его работу». В действующей редакции председатель Правительства лишь «организует работу» и «несет персональную ответственность перед Президентом Российской Федерации за осуществление возложенных на Правительство Российской Федерации полномочий», что делает его технической фигурой и ставит в б*о*льшую зависимость от Президента. Таким образом, Президент, являясь главой государства и осуществляя непосредственное руководство Правительством, также способен распускать парламент, что не является возможным в президентской республике.

В отношении судебной ветви власти после принятия конституционных поправок будет справедливым констатировать ослабление ее самостоятельности в сторону усиления влияния Президента. Согласно новой редакции ст. 83 Конституции Российской Федерации (пункт «е^3»), Президент, путем права внесения в Совет Федерации представления о прекращении полномочий Председателя Конституционного суда Российской Федерации, заместителя Председателя и судей, Председателя Верховного суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного суда и судей, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов, получил значительную возможность влияния на судебную власть. Новое конституционное положение предоставляет возможность Президенту начать процедуру отрешения от должности любого из вышеприведенных судей «в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий» [4].

Новые президентские полномочия включают расширение контроля в отношении прокуратуры. Согласно редакции Конституции Российской Федерации до внесения в нее изменений, кандидатура Генерального прокурора предостав-

лялась Президентом Совету Федерации, который назначал либо отправлял в отставку (п. «е» ст. 83). Согласно конституционным поправкам в ст. 83 (п. «е[1]»), процедура участия Совета Федерации в назначении генерального прокурора была трансформирована в процедуру консультаций, по завершении которой уже сам Президент вправе назначить или освободить от должности всех нижестоящих прокуроров.

Изменения в структуре и содержании публичной власти, произошедшие в ходе реализации конституционных поправок, повлияли на функционирование системы разделения в сторону усиления власти Президента. Данные изменения произошли в результате преобразования отдельных конституционных положений, регламентирующих компетенцию всех ветвей государственной власти, которыми ослаблялось их влияние на деятельность президентской власти [1, с. 43]. Законодательная, исполнительная и судебная ветви власти в результате конституционных изменений путем получения новых полномочий были уравновешены относительно друг друга, однако потенциальная вероятность возникновения между ними конфликтов будет разрешаться не в рамках действующего механизма разделения властей, а путем обращения к Президенту, выступающему в качестве арбитра (ч. 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации).

В соответствии с поправкой в Конституцию Российской Федерации существующие институты государственной власти были интегрированы в измененную систему публичной власти, главой которой фактически стал Президент. В прежней редакции Конституции РФ Президент являлся гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека. Согласно новым конституционным положениям (ст. 80 Конституции Российской Федерации) Президент становится гарантом «гражданского мира и согласия в стране», обеспечивающий согласованное функционирование и взаимодействие всех органов, входящих в «единую систему публичной власти», единую вертикаль публичного управления, в которую вошли органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления. Обновление Конституции Российской Федерации воспроизвело советский опыт конституционного регулирования, результатом которого стало усиление статуса главы государства. Суперпрезидентская форма правления формально зафиксирована в Конституции Российской Федерации и стала реальностью [5].

Роль судебной власти становится сниженной в ходе конституционных преобразований, что ставит под угрозу конституционный принцип независимости и самостоятельности властей, превращая подлинную независимость судебной власти в декларацию. Усиление президентской власти при одновременном снижении статуса и влияния судебной власти не исключает возникновение рисков, связанных с беспрепятственной реализацией конституционных прав человека.

Таким образом, конституционные преобразования значительно укрепили президентскую власть, тем самым окончательно подтвердив переход российского государства от парламентско-президентской к суперпрезидентской республике. Институт президентской власти становится персонифицированным, поскольку гражданский мир и согласие в стране теперь гарантируются главой государства. Система сдержек и противовесов контролируется президентской

властью, в связи с чем подходы к реализации принципа разделения властей были значительно пересмотрены.

Список литературы

1. Зюзина Е. Б. «Конституционный поворот» в России 2020 года в контексте глобального авторитарного тренда // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 4. С. 42–48.

2. Медушевский А. Н. Конец посткоммунизма: к 30-летию демократических революций 1990-х гг. XX в. // Либеральная миссия. URL: https://liberal.ru/globalization/7690#_%20edn3.

3. Нисневич Ю. А., Иванова Е. Юлий Нисневич: в России изменилась форма правления // Новые Известия. URL: https://newizv.ru/news/2020-10-10/yuliy-nisnevich-v-rossii-izmenilas-forma-pravleniya-319312.

4. Писарев А. Н. Российская модель формы правления в свете конституционной реформы 2020: президентская или полупрезидентская республика // Образование и право. 2020. № 9. С. 20–28.

5. Поправки, внесенные Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ ; Указ Президента Российской Федерации от 3 июля 2020 г. № 445 (вступили в силу 04.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144.

6. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (Ч. I). Ст. 8973.

Мукова С. А.[1]**,**
курсант
Волгоградской академии МВД России

Научный руководитель: ***Попов В. В.*****,**
доцент кафедры
теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА

На современном этапе против России ведется гибридная война, одним из проявлений которой выступает информационная война в форме фальсификации истории. Однако прежде, чем вникнуть в суть данной категории, необходимо разобраться с сущностью понятия «история».

История – это рассказ человека о прошлом с заданной целью. Историю об объективном прошлом творит субъект – человек в своем рассказе. Все истории, по мировоззренческой цели их авторов, можно поделить на группы: религиозную, прогрессивную, локальную. Каждая группа историков по своей (разной) мировоззренческой цели конструирует прошлое, пишет (разную) историю. Разные истории – это разные интерпретации прошлого. В истории главное – не факт (без объяснения факт «голый»). В истории, создаваемой человеком, главным является творческое объяснение человеком факта – интерпретация факта. Только по своему мировоззрению человек объясняет в своей истории факт прошлого. В каждой группе – по мировоззренческой цели авторов интерпретация начинается с отбора нужных исторических источников, содержащих нужные факты, затем следует «одевание» этих фактов в цели логики и завершается интерпретация оценочными выводами: хорошо – плохо. Рассказы о прошлом в разных мировоззренческих интерпретациях человека творчески разные [4, с. 12–15].

После распада СССР на его бывшей территории возникло много государств. Новые государства: Россия, Украина, Беларусь, Казахстан, Грузия и др. стали создавать свою историю. Цели у государств в мировом содружестве стран разные, и ранее единая государственная история СССР отныне стала разной. Каждая новое государство стало творчески создавать свою историю с самобытной национально-исторической идентичностью.

Основным драйвером политики памяти в той или иной стране выступают интересы, устремления и действия внутренних сил, направленные на утверждение той или иной трактовки истории. Идет война историй, точнее – война целей государств в объяснении прошлого. Концептуальная история с позиций цели мировоззрения другого человека, целей другого государства всегда воспринимается противниками концепции (другая концептуальная цель) как фальсификация истории. Поэтому можно сделать вывод о том, что фальсификация исто-

[1] © Мукова С. А., 2023.

рии – понятие относительное, и в контексте новых геополитических реалий можно отметить, что фальсификация истории – это искаженное или заведомо ложное толкование исторических событий с целью получения собственной выгоды. Цели подобных действий бывают самые разные, от политических и идеологических до коммерческих и др. Фальсификация – не новое явление, оно встречалось и раньше, однако в последние годы она принимает все больший оборот.

Псевдонаучное обоснование и интерпретация исторической памяти в антироссийском и русофобском духе направлены на формирование искаженного, негативного облика современной России и ее лингвокультурного и исторического наследия. По сути внедряемая модель дезориентации разрушает старые ориентиры и стереотипы памяти, призывая избавиться от иллюзий традиционного прошлого и выработать новое восприятие современной действительности.

Анализ тенденций, связанных с исторической памятью и цивилизационно-культурным наследием, влияющих на современный образ Российской Федерации, позволил выявить следующие векторы развития антироссийской пропаганды [3, с. 64–77]:

– официальная или полуофициальная позиция властей стран, которые или прямо инспирируют тему фальсификации истории или поддерживают исследования, проводимые в этой сфере (данная тенденция сохраняется на Украине, в Грузии, в ряде стран Центральной Азии);

– сфера образования и псевдонаучные экспертно-аналитические интерпретации;

– киберпространство, или блогосфера, где инсинуации, в том числе на солидных информационных ресурсах, не только активно распространяются, но и формируют агрессивную среду своих сторонников;

– информационные вбросы из внешней среды, которые потом активно ретранслируются в странах воздействия экспертными кругами, электронными и печатными медиа.

История Великой Отечественной войны – одна из тем, которая наиболее подвержена фальсификации. Со времени окончания Второй мировой войны прошли десятилетия, и сегодня некоторые политики и историки на Западе, в частности, в Польше, странах Балтии, Украине пытаются возложить на Советский Союз ответственность за соучастие в преступлениях нацистов и причастности к развязыванию Второй мировой войны. Наиболее важные международные организации, такие как Совет Европы и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, настаивают на том, что Берлин и Москва несут равную ответственность за эскалацию довоенного кризиса.

Политические деятели и официальные государственные органы Западной Европы пытаются скрыть значение политики «умиротворения агрессора» и Мюнхенской конференции для начала Второй мировой войны и, соответственно, отрицают ответственность Великобритании и Франции. Для этого в развязывании войны обвиняется Советский Союз.

Стремление исказить историю Второй мировой войны не связано с введением в оборот новых источников, научной дискуссией о роли всех участников событий. Фальсификации вызваны, в первую очередь, политическими задачами.

В государствах, сформировавшихся на постсоветском пространстве, многие политические лидеры видят в отказе от идеалов прошлого путь к новой национальной идентичности. Они испытывают дефицит в новых героях, отличных от советского прошлого, поэтому и создаются мифы об антисоветском характере РОА, дивизии СС «Галичина», полицейских-карателей, реабилитируют коллаборационистскую позицию своих предков. Стремление дискредитировать Россию как правопреемницу СССР, намерение выйти из общего духовного пространства приводит к предательству исторической памяти [2, с. 104–108].

Начало войны подвергается наибольшим искажениям. Многие утверждают, что Вторую мировую войну Германия начала совместно с СССР, опираясь на пакт Молотова – Риббентропа. Этот термин используется для придания негативного описания соглашению о ненападении между Германией и СССР. Часто упоминается и секретный протокол, который якобы содержал раздел Польши, что на деле не является правдой. Данный протокол лишь означал, что влияние Германии не распространяется к востоку от условно обозначенной линии, затем было следующее событие: Советский Союз после бегства правительства Польши встал на защиту граждан этой страны. Сейчас подобные действия оборачивают против Союза, обвиняя его в нападении на страну и потере суверенности государства. Так же делают некоторые другие страны, в числе которых Украина и страны Прибалтики [5, с. 54–57].

Также отметим, что в Западной Европе стыдливо обходится вопрос участия европейцев в военных операциях Вермахта, замалчивается размах европейского коллаборационизма. О том, что в рядах германской армии воевали не только граждане союзных ей Финляндии, Италии, Испании, Венгрии, Румынии и Болгарии, но и добровольческие соединения из Франции (Добровольческий легион против большевизма), Дании (24-й танковогренадерский полк СС «Данмарк»), Бельгии (два добровольческих батальона – фламандский и валлонский), Нидерландов (легион СС «Нидерланды»), Норвегии (легион СС «Норвегия») и т. д., говорить и писать не принято.

Центральной трагедией всей войны объявлен Холокост, в ходе которого было уничтожено около шести миллионов евреев, но о двадцати семи миллионах погибших советских граждан предпочитают не вспоминать [1, с. 19–30].

Версия Восточной Европы наиболее радикально расходится с объективными фактами. Если американская и западноевропейская версии построены на умалчивании одних событий и выпячивании других, то восточноевропейская построена на фальсификации и зачастую прямо противоречит решениям Потсдамской конференции.

Основная идея этого подхода заключается в том, что Красная Армия была не освободителем от немецкой оккупации, а агрессором, после действий которого установилась советская оккупация. И, поскольку Советский Союз использовал войну как повод для оккупации Восточной Европы, современная Россия как его правопреемница должна за это платить и каяться.

Стоит отметить, что рассмотренные выше ложные представления об истории, транслируются и передаются по следующим каналам:

– СМИ (телевидение, радио и печатные издания);

– художественные и документальные фильмы;

– учебная литература (учебники истории – отсутствие единой трактовки истории Второй Мировой войны в различных изданиях);

– памятники советским воинам, их демонтаж в странах Европы.

Вторая мировая война становится не только информационным поводом для внешнеполитических воздействий, но и специфическим рычагом внутренней политики самой России, являясь эффективным фреймом, который политики используют в своей речи, повышая авторитет в глазах общественности. В целом, мы можем отметить, что в глобальном дискурсе в отношении Мировой войны на данный момент скорее можно наблюдать социально-психологический эффект «мы – они», когда происходит концентрация внимания на различиях (вклад в Победу, в том числе процесс минимизации роли и вклада Советского Союза в победу, мемориальные практики и т. д.), а не подчеркивание общего объединяющего смысла.

Кроме того, многие другие события истории России, вызывающие чувство гордости за свое Отечество, часто оскорбляются и подвергаются необоснованной критике с целью дезориентации молодого поколения. Такое положение вещей ставит перед государством задачу обеспечения сохранения исторической памяти народа и защиту от разрушающего воздействия ложных идей и злонамеренных посягательств.

В этой связи отметим, что системная работа по противодействию фальсификации истории России должна проводиться как государственными структурами, так и общественностью. Непосредственной работой (научными исследованиями, систематизацией и распространением знаний) должны заниматься образовательные и научные учреждения, исторические и благотворительные общества, патриотические клубы и т. д.

Таким образом, история в целом и Второй мировой войны в частности стала удобным инфоповодом для манипулирования общественным сознанием с целью расстановки удобным тем или иным сторонам акцентов, в частности, приближения образа современной России к образу страны-агрессора.

На основании изложенного, в целях локализации последствий деструктивной деятельности по дискредитации героического прошлого России видится целесообразным на постоянной основе организовать целенаправленное доведение до широких слоев населения объективной информации о наиболее значимых периодах истории Отечества, а также о негативной деятельности деструктивных сил по фальсификации событий прошлого нашей Родины.

Список литературы

1. Белоглазов А. В. Интерпретации истории второй мировой войны и ее результатов в политических выступлениях на Западе в XXI веке // Международные отношения и общество. 2020. Т. 2. № 3–4. С. 19–30.

2. Елисафенко М. К., Рявкина Д. А. Историческая память и фальсификации истории Великой отечественной войны // Тенденции и инновации современной науки. Нефтекамск : Мир науки, 2020. С. 104–108.

3. Курбатова А. Г. Историческая память – столкновение стереотипов и постправды // Центральная Евразия. 2020. № 1 (4). С. 64–77.

4. Личман Б. В. Методология современного мировоззрения о прошлом, истории и фальсификации истории // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2. № 2. С. 12–15.

5. Мулявин Д. Е., Тюльченко И. К. История Второй мировой войны как объект фальсификации // Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне (1941–1945): итоги и уроки: материалы научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов. Донецк : Доннту, 2020. С. 54–57.

Трухачев А. А.[1]*,*
курсант
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Мельник Е. В.****,*
доцент кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МОСКОВСКИЙ УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК В 1922–1927 ГГ. : ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ

В рассматриваемый период в мире существовало лишь одно социалистическое государство под названием СССР, которое находилось во враждебном ему капиталистическом окружении. Особенность ситуации в стране этого периода обусловливалась появлением несвойственных социализму принципов рыночной экономики – элементов капитализма. Это была вынужденная мера для восстановления народного хозяйства, требовавшая существенных материальных вложений. Однако в связи с тем, что международное сообщество не торопилось признавать новое государство, материальную помощь советскому государству брать было неоткуда. Рассчитывать можно было только на себя.

Новая экономическая политика (НЭП), которую проводило советское государство с 1922 по 1927 гг., является одним из самых сложных и неоднозначных периодов истории советского государства. Это следствие гигантской разрухи, которой предшествовала череда масштабных социальных потрясений (1914–1920 гг.): Первая мировая война, свержение монархии, крах Временного правительства, Гражданская война и иностранная интервенция, обесценивание прежних идеалов, падение нравственности и т. д.

Пришедший на смену «военному коммунизму» НЭП принес советскому обществу немало новых проблем. Речь прежде всего идет о массовой безработице и росте уголовной преступности.

Что касается первой проблемы, то здесь среди причин, обусловливающих это явление, можно отметить низкую квалификацию трудящихся, вызванную либо отсутствием образования, либо малограмотностью, которые являлись существенным препятствием для трудоустройства в городах. К безработице зачастую примыкала низкая оплата труда. Все это становилось причиной материальной нужды, бытовой неустроенности, нестабильности жизни, что в последующем приводило к всплеску преступности в годы НЭПа. К примеру, значительную часть преступности по Москве составляли безработные, которые являлись главным резервуаром преступности, т. к. составляя более 12 % самостоятельного населения, выделяли из своей среды около 44 % общего числа задержанных МУУР [6, с. 36].

Сама по себе городская среда стала питательной почвой для втягивания в криминальную жизнь значительной части советского общества. Нэповский

[1] © Трухачев А. А., 2023.

город проявлял социальную и имущественную дифференциацию населения. Для мировосприятия определенной части населения это было совершенно ненормальным. Причем городские контрасты значительно усиливались в глазах тех, кто еще совсем недавно пережил ужасы Гражданской войны, голода и разрухи. Таким образом, городская среда 1920-х гг. несла в себе множество причин и обстоятельств криминализации широких слоев населения.

Все эти изменения нашли отражение в деятельности правоохранительных органов и, в частности, уголовного розыска.

С переходом к НЭПу работы у уголовного розыска не убавилось, поменялся лишь акцент – с ликвидации бандитских шаек взор перенесли на преступления экономического характера: самогоноварение, организацию и содержание притонов, фальшивомонетничество, мошенничество и др. Совместно с работниками уголовного розыска этими вопросами стали заниматься сотрудники ОГПУ.

Из рапорта начальнику Центророзыска от 21 августа 1922 г. следует, что количество преступников растет, а пополняется преступный элемент из самых разных слоев населения. Отмечается, что еще недавно честные и мирные труженики, далекие от преступности и в настоящее время выброшенные за борт и оставшиеся без куска хлеба, волей-неволей вынуждены стать на путь преступлений. «В настоящее время, когда каждый день родит новые кадры преступников и таковые формируются не из профессионалов, а из лиц, попадающих на путь преступления в силу сложившихся неблагоприятных условий... контингент преступников поддается регистрации не сразу, а лишь после повторных или многократных случаев» [8, с. 2].

По окончательной ликвидации военных фронтов и их длительном переходе к мирному строительству в качестве первостепенной задачи было выдвинуто усиление борьбы с развившейся в условиях военного периода и хозяйственной разрухи уголовной преступностью. В этих целях в апреле 1922 г. уголовный розыск был изъят из подчинения и оперативного руководства наружной милиции, и выделен в центре в самостоятельное Управление уголовного розыска республики, подчиненное непосредственно НКВД, а на местах – в губернские и уездные Управления уголовного розыска, подчиненные губернским и уездным отделам управления. Такая реорганизация полностью оправдала возлагавшиеся на нее надежды, так как в результате организационного оформления принципа самостоятельности уголовного розыска было в ближайшее время достигнуто единство построения органов борьбы с уголовной преступностью, обеспечено укомплектование аппарата подготовленным личным составом и внедрением единообразных научных методов заложен прочный фундамент, на котором строится работа уголовного розыска [2, с. 42–45]. В одном из докладов 1923 г. было отмечено, что «опыт слияния милиции с Уголовным розыском, где таковой имеет место, дал отрицательные результаты…» [9, с. 73].

Что касается взаимоотношений уголовного розыска с другими органами, то тут следует сказать, что к этому времени изменилась его компетенция: с упразднением ВЧК функции угрозыска сузились вследствие упразднения железнодорожного и водного розыска, все дела которого перешли к транспортному отделу ГПУ. Однако между ними все равно были сложные взаимоотноше-

ния из-за отсутствия твердого разграничения функций [4, с. 12–17]. Что касается взаимоотношений уголовного розыска и милиции, то они представляли единую силу борьбы с преступностью. Управление милиции имело две основные части: наружную и уголовно-розыскную. Поэтому отделение уголовного розыска при своих взаимоотношениях к наружной охране координировало свои действия. Милиция и уголовный розыск являются органами, которым «народные следователи, производя следствие, могут поручать исполнение лишь отдельных действий, направленных к раскрытию преступлений, облекая свои поручения в письменную форму» [11, с. 10].

Немаловажную роль в раскрытии преступлений занимала работа осведомителей и разведки, которые предоставляли информацию, полученную изнутри преступного мира. Секретная часть входила в состав активной части и составляла с ней одну структурную единицу [10, с. 11]. В штате МУУРа был сформирован целый аппарат негласных сотрудников. Работа осведомителей имела подотчетный характер, они учитывались в оперативных документах, на основании которых существовала смета расходов на их содержание.

МУУР стремился к развитию своего внутреннего аппарата. Был издан целый ряд руководящих приказов, разъясняющий местам их обязанности, устраняющий произвол, регулирующий формальные и практические стороны разыскной работы. Так, в обращении к начальнику УР тов. Визнер от 5 августа 1922 г. давалось пояснение: «в штате количество сотрудников активного отдела 208, исходя из тех соображений, что этот отдел имеет территорией своей деятельности гор. Москву, разбитую на 9 инспекторских районов, во главе каждого из которых стоит инспектор… На секретное отделение возлагаются задания по раскрытию преступлений, совершенных разного рода аферистами, шантажистами и пр., а также наблюдение за деятельностью сотрудников МУУР. Что же касается общего отдела, подробно разбитого в представленном штате по роду выполняемой работы на отдельные части, то количество сотрудников для этого отдела показано минимальное и лишь такое, какое требуется для правильного и безболезненного выполнения активным отделом возлагаемых на него заданий» [5, с. 61].

Устанавливалась обязательная периодическая отчетность. Появилось требование обо всех крупных происшествиях уголовного характера в районе деятельности отделения, как-то: о грабежах, убийствах, террористических актах, поджогах – немедленно сообщать по совершении таковых и доносить в Центророзыск [7, с. 339].

В Уголовном розыске началась работа по совершенствованию технологий раскрытия преступлений. Осваивались и применялись в центре и на местах новые технологические способы борьбы с преступностью, а именно: формирование карт фотографий, дактилоскопии, освоение химии; организовывалась правильная регистрация преступников и розыск их по спискам.

Справившись с основной задачей по очищению столицы от преступных группировок, работники уголовного розыска смогли заняться повышением своего образовательного уровня. Поскольку преступный мир не стоит на месте, а постоянно прогрессирует, то и уровень борьба с ним, профессионализм со-

трудников милиции не должны уступать ему. Поэтому открываются курсы и школы, происходит своего рода ликбез сотрудников МУУРа.

С учреждением школ высшего комсостава милиции закладывается прочный фундамент подготовки профессиональных милицейских работников. Применительно к уголовному розыску заметим тенденцию повышения количества набора учащихся в подразделения ОУР. Так, губернские (областные) школы милиции готовят агентов уголовного розыска 2-го разряда и других работников низших квалификаций. В каждой губернской (областной) школе выделяется 25 % вакансий для работников уголовного розыска. Открыты курсы высшего комсостава, которые готовят агентов уголовного розыска 1-го разряда, субинспекторов и дактилоскопистов. На курсах высшего комсостава выделяется 20 % мест, выпускники направляются только по нарядам в Управления уголовного розыска Республики.

Однако не все было так хорошо, как казалось. Основная проблема как МУРа, так и всего советского уголовного розыска заключалась в плохом материально-техническом обеспечении. Страна находилась в тяжелой экономической ситуации, испытывала проблемы с выплатой зарплат работникам уголовного розыска и их материальным обеспечением. С переходом уголовно-разыскных учреждений на местные средства исполкомы повсеместно, в погоне за наибольшей экономией средств сильно урезали расходы на содержание личного состава. С мест постоянно поступали жалобы на плохое обеспечение сотрудников Угрозыска. Несмотря на особо тяжелые условия работы, которые могли сравниться с условиями боевой обстановки, содержание сотрудников Угрозыска было обычно ниже содержания, получаемого в других ведомствах. Низкая зарплата не только не позволяла подобрать квалифицированный состав работников, но и побуждала квалифицированных специалистов переходить в другие учреждения [1, с. 205].

Сотрудники МУРа, не имея в распоряжении автомобилей, ради исполнения долга зачастую проходили ежедневно десятки верст в непогоду пешком, тратя получаемые ими 15 рублей на постоянную смену подметок и лечение полученной простуды. Мало того, агент уголовного розыска противостоял преступнику зачастую или совсем без оружия или с испорченным оружием [4, с. 12–17]. К 1926 г. материальное обеспечение сотрудников было по-прежнему на низком уровне. Так, к примеру некоторые сотрудники, проходя службу в уголовном розыске ЦАУ НКВД, 7 месяцев не имели никакого жилья, вследствие чего вынуждены были ночевать в камере арестного помещения отдела уголовного розыска [3, с. 1].

Мерой регулирования материально-технического вопроса и непосредственным способом стимулирования работы сотрудников Московского уголовного розыска выступило решение о процентном отчислении разысканного имущества. Так, в 1922 г. СНК РСФСР издал два Постановления о премировании сотрудников за раскрытие краж путем процентного отчисления с разысканного имущества (10 % с имуществ госучреждений и кооперативных предприятий и 15 % с имуществ частных лиц) [1, с. 205].

К окончанию НЭПа в 1927 г. советская власть, нащупывая дальнейший путь развития советского государства, осознала необходимость реорганизации разыскных учреждений и начала ее с улучшения материально-бытовых условий, одновременно делая акцент на установлении строгой дисциплины и отчетности всех сотрудников и учреждений.

В заключение можно сказать, что в рассматриваемый период советское государство осуществляло поиск оптимальных путей решения стоявших перед ним задач, и по окончании этого периода пришло к решению о переходе в 1928 г. к линейному принципу работы уголовного розыска, означавшему новый виток в развитии оперативно-разыскной деятельности и разыскных учреждений.

Список литературы

1. Доклад в СНК РСФСР 1922 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 52. Д. 1. Л. 205.

2. Доклад об уголовном розыске 1925 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 78. Д. 88. Л. 42–45.

3. Доклад об условиях жизни работников. 8 декабря 1926 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 66. Д. 9. Л. 1.

4. Доклад Центророзыска 1924 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 59. Д. 8. Л. 12–17.

5. Начальнику уголовного розыска тов. Визнер 5 августа 1922 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 38. Д. 32. Л. 61.

6. Положения к докладу «Состав лиц, задержанных местными органами угрозыска в 1923 г. по г. Москве, Московской, Владимирской и Иваново-Вознесенской губ.» – 14 марта 1924 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 52. Д. 3. Л. 36.

7. Приказ № 1 от 9 февраля 1920 г. «Всем отделениям уголовного розыска» // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 16. Д. 1 (2). Л. 339.

8. Рапорт начальнику Центророзыска от 21 августа 1922 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 38. Д. 27. Л. 2.

9. Тезисы доклада 1923 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 45 Д. 7. Л. 73.

10. Тезисы к докладу «Об организационной структуре и методах деятельности административных органов. 1928 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 78. Д. 88. Л. 11

11. Циркуляр НКЮ за № 3 о взаимоотношениях между органами следствия и органами милиции и угрозыска. № 19 от 17 января 1922 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 37. Д. 19. Л. 10.

Тхалиджокова С. З.[1]***,***
курсант
Волгоградской академии МВД России

Научный руководитель: ***Попов В. В.,***
доцент кафедры
теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Современный мир – это глобальная арена противоречий экономического, политического, военного, информационного, культурно-религиозного характера. Словами Т. Гоббса, это «война всех против всех», в которой «людей» без потери смыла можно легко заменить «государствами» в лице их элит, такими же эгоистичными, алчными и властолюбивыми.

Мир становится все более нестабильным, непредсказуемым, погружается в пучину локальных войн, этнополитических и религиозных конфликтов. Существенно видоизменяются средства и методы обеспечения национальных интересов.

Категория «безопасность» представляет важнейший элемент политико-правовой системы, а Конституция Российской Федерации служит отправной точкой, основой ее нормативного регулирования, конкретизируемого в законодательстве и документах стратегического планирования.

В постсоветский период термин «национальная безопасность» получила широкое распространение как в научной доктрине, так и в официальных государственных документах. Вместе с тем в Конституции Российской Федерации понятие «национальная безопасность» отсутствует.

Учитывая неблагоприятные тенденции к росту внешнеполитической напряженности и обострению социально-экономического кризиса, проблема национальной безопасности приобретает наибольшую актуальность, поскольку на карту поставлено само существование нации и государства.

Геополитическая субъектность, защита и преумножение национального богатства, лидерство в усиливающейся глобальной конкуренции требуют понимания, адекватной оценки реальности, в том числе и с политико-правовой точки зрения.

Как верно отметил президент России В. В. Путин в 2021 г. во время очередного заседания «Победа»: «Великое поколение победителей, к сожалению, уходит. Но тем выше наша ответственность за их наследие, особенно сейчас, когда мы все чаще сталкиваемся с попытками оболгать, извратить историю» [1].

Как защитить свою историю? Как сохранить историческое наследие и защитить Великую Победу? Что делать для успешной реализации в настоящем и бу-

---

[1] © Тхалиджокова С. З., 2023.

дущем конституционных полномочий Российской Федерации, связанных с почитанием памяти о защитниках Отечества, обеспечением защиты исторической правды и недопущением умаления подвига народа при защите Отечества. Прежде всего – объективно оценить обстановку: оценить противника, оценить свои силы, оценить театр военных действий.

Анализируя тысячелетнюю историю России, нетрудно заметить, что рождение каждой новой государственности связано с цивилизационными катастрофами: монголо-татарским игом, Смутой, революционными потрясениями и гражданской войной. Это некий циклический процесс, подвластный законам диалектики: катастрофа, форсированное развитие, «золотой век», кризис существующей системы и вновь катастрофа.

Распад СССР, ставший, по выражению В. В. Путина, «крупнейшей геополитической катастрофой века», существенно подорвал национальную безопасность государств на постсоветском пространстве, стал поистине социально-экономическим и гуманитарным бедствием для народа бывшего СССР.

Наружу вырвались противоречия, ранее сдерживаемые единым партийно-государственным аппаратом, силовыми структурами и идеологией. Эти противоречия обострились и усилились на фоне экономического кризиса и выразились в росте сепаратизма, экстремизма, межэтнических и межконфессиональных конфликтов (Нагорный Карабах, Приднестровье, Чечня, Таджикистан и др.).

Смена исторической формации и гегемония Запада тесно связана и с кризисом капитализма как мировой системы в силу его экстенсивной ориентированности. После распада социалистического блока мировая капиталистическая система стала абсолютно глобальной, поглотив оставшиеся некапиталистические зоны и превратив их в свою периферию.

Подобные периферийные зоны всегда являлись для капитализма рынками сбыта и источниками дешевой рабочей силы, помогая также поддерживать определенный уровень жизни населения «ядра». Теперь таких зон, «черных дыр», куда можно сбросить кризисы, попросту не осталось. Эта причина наряду с многими внутренними противоречиями, по мнению А. И. Фурсова, должна неминуемо привести к постепенному демонтажу капитализма как сложной институциональной системы [3].

Каковы же факторы заката доминирующего центра силы? Каковы противоречия существующего миропорядка, что позволяют говорить о неизбежной его трансформации? Для этого обратимся к патриархам американской политической мысли.

Интересно, что апологет американской гегемонии З. Бжезинский в предисловии к книге «Стратегическое видение: Америка и кризис глобальной власти» приводит факторы системного кризиса США по аналогии с поздним СССР. В частности, автор отмечает чрезмерное бремя военных расходов, падающий уровень жизни населения США, провалы во внешней политике, закостенелую политическую систему и пр.

Действительно, западный, либерально-глобалистский проект направлен на американизацию мира, тотальное доминирование формальной либеральной демократии, свободного рынка, западной культуры, транснациональных корпора-

ций, размывание национальных границ и государственного суверенитета. Фактически этот проект уже во многом реализован. Но он неизбежно уйдет в историю вместе с гегемонией Запада. Но глобализация продолжится реализацией альтернативных (альтерглобалистских) проектов.

Соединенные Штаты, вероятно, сохранят относительное глобальное лидерство на протяжении всей первой половины XXI в. Процесс становления новых центров силы и формирования многополярного миропорядка займет ни одно десятилетие. США сохраняют господство в военной, экономической, технологической, культурной сфере. В среднесрочной перспективе доллар останется главной резервной валютой, американская культура – самой популярной, а американское военно-технологическое превосходство – неоспоримым.

Но любая империя рано или поздно утрачивает позиции. Наличие нескольких центров силы будет более надежным гарантом международного мира и безопасности, а международное право получит второе дыхание.

Перед современной Россией стоят новые грандиозные вызовы, новые цели и ориентиры. При этом система национальной безопасности должна быть динамичной, достаточно гибкой, чтобы отвечать потребностям времени.

Обеспечение национальной безопасности является центральной стратегически значимой для развития страны задачей, без решения которой невозможны успешное реформирование, устойчивое развитие, цивилизационный рывок России.

С учетом изменений международной военно-политической обстановки и особенностей состояния человеческого фактора внутри России, в новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г. угрозы от фальсификации истории получили уточненную оценку. Сохранение исторического наследия отнесено к национальным интересам, а защита исторической памяти – к стратегическим национальным приоритетам Российской Федерации [2].

Никогда история нашего народа так тесно не была переплетена с мировой историей, а судьба русской цивилизации – с судьбой мировой цивилизации в противостоянии с варварством.

Мы должны следовать нашей универсальной исторической формуле – «этатизм, коллективизм, духовность», учитывая все культурно-религиозное многообразие. Основываться на идее национально-культурной автономизации, при которой каждому народу будет гарантирована возможность исторического творчества, самовыражения, сохраняя при этом фундаментальную общностью многовекового исторического бытия, общие цивилизационные скрепы

Российская Федерация – это удивительная симфония народов, культур, религий, политических и экономических систем. Да, путь долог и тернист, но неизбежен, если мы хотим сохранить нашу уникальную цивилизацию, нашу национальную и культурную идентичность, укрепить национальную безопасность, выстоять в усиливающейся глобальной конкуренции.

Список литературы

1. Заседание оргкомитета «Победа» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69836.

2. Кикнадзе В. Г. Защита истории как стратегический приоритет обеспечения национальной безопасности России и ее будущего: актуальные вопросы, ответы и предложения // Идеология будущего. URL: https://histrf.ru/magazine/article/zashchita-istorii-kak-strategicheskiy-prioritet-obespecheniya-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii-i-ee-budushchego-aktualnye-voprosy-otvety-i-predlozheniya.

3. Фурсов А. И. Вперед, к победе. Русский успех в ретроспективе и перспективе. М. : Книжный мир, 2020.

Хомяков Л. А.[1]**,**
курсант Волгоградской академии МВД России

Научный руководитель: ***Попов В. В.*****,**
доцент кафедры теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ИДЕОЛОГИЯ КАК ФУНДАМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

В ходе комплексного противостояния СССР и так называемого коллективного Запада после Второй мировой войны в декабре 1991 г. победу одержал Запад, ядро которого составляет англо-саксонский сегмент западной цивилизации. Советский Союз распался. Россия проиграла тот этап холодной войны.

Нынешняя эпоха глобальных перемен есть продолжение противостояния России и западной цивилизации. И сегодня для России, в силу ее территориального богатств и историко-культурного наследия, встает вопрос о существовании ее как государства. Российскому народу нужно победить в этом противостоянии и обрести полный государственный суверенитет. Это позволит выиграть прокси-войну, преодолеть санкции, политическое давление, вновь преодолеть промышленную отсталость, образовавшуюся после разрушения СССР и войти в новый исторический этап сильной и обновленной страной.

Важно помнить, что СССР распался не под давлением военной силы. СССР во многом проиграл в идеологической сфере комплексной глобальной войны. Именной поэтому очень важно сформировать мощный реальный идеологический фундамент государственного суверенитета. И лишь опираясь на этот фундамент, наш народ сможет выполнить ключевые концептуальные задачи.

Горячим этапом глобальной войны является СВО на территории бывшей УССР, где нам противостоят порядка 50 государств. Принципиальной задачей является, разумеется, доведение СВО до победного конца с выполнением всех ее задач. Победа влечет за собой осуществление важнейшего этапа обретения Россией государственного суверенитета. А место и роль это страны на мировой арене в условиях смены глобального порядка.

Проблемой же является то, что в условиях запрета на официальную идеологию и проблематичности формулирования неофициальной часть населения и так называемые элиты под воздействием многодесятилетней прозападной, а особенно либеральной пропаганды стали активно выступать против СВО, фактически принимая сторону наших врагов, что прямо подрывает суверенитет страны.

Чтобы разобраться с вопросом, что есть идеология в государстве, нужно начать с рассуждения о понятии самого государства. Государство – это система суверенного самоуправления общества, обеспечивающая развитие или хотя бы выживание народа с сохранением его национально-культурной идентичности

---

[1] © Хомяков Л. А., 2023.

под влиянием внешних факторов, люди объединились в государство для выживания и развития. Но что скрепляет их? Факторов много. И один из них – идеология.

Для того чтобы понять роль идеологии в общей концепции управления, рассмотрим ее содержание. Идеология – по своей сути продукт идейной власти, это концепция управления, изложенная в доступном для понимания обывателя виде так, чтобы она не вызывала у них отторжения, а тем более активного целенаправленного противодействия ей [1]. Объектом воздействия идеологической власти, как видно, является все общество. Идеология нужна для формирования в общественном сознании такого мировоззрения, которое будет соответствовать избранной концепции управления, чтобы люди были под ее властью в изменяющихся жизненных обстоятельствах.

Идеология дает людям то, что они хотят услышать, дает то, что человечеству всегда не хватает – ответы. Элементами идеологии являются наука, образование, религия, искусство и т. д. Их воздействие еще называют «мягкой силой». Эта сила по своей природе является бесструктурным способом управления. Через перечисленные раннее элементы идеология создает тот самый культурный пласт, который побуждает соответствующих субъектов действовать так, как это нужно настоящему управленцу, формирующему тот самый культурный пласт (совокупность внешних факторов, предопределяющих поведение объектов управления). Ведущий себя нужным образом субъект не ощущает управленческого воздействия, оно для него незаметно, оно кажется естественным. Из этого следует, что нужную управленцу поведенческую линию данный субъект выбирает как бы самостоятельно (добровольно), а реальный управленец остается в тени, то есть остается незаметным, как и его управленческие манипуляции. Чтобы лучше разобраться и понять данное утверждение, разберем исторические примеры.

В Российской империи столпами официальной идеологии были понятия: «самодержавие», «православие», «народность». Царь являлся опорой страны, властью и ее волей. Православие как религия давало духовные скрепы и моральные нормы жизни, обосновывало, почему монарх в России должен осуществлять управление и владение страной. Подчеркивалась значимость русского народа, на который опиралась монархия, и то, что самым многочисленным сословием являлось крестьянство, причем крестьянство общинное. Все это ярко отражалась в боевых кличах и лозунгах того времени «За веру, Царя и Отечество», «За землю за Русскую и за веру христианскую!», «С нами Бог!» и т. д. На все обстоятельства и действия, решением был ответ: все есть Божий умысел или царская воля. Все это создавалось при помощи проповедей (церковь активно поддерживала монархию), государственных газет («Московские ведомости» и т. д.). С таким подходом были выиграны множество войн, в том числе и Отечественная война 1812 г.

Во времена Советского союза было несколько идеологических платформ (как минимум – большевистская и троцкистская), хотя принято говорить об одной единой. Но это отдельный большой и сложный вопрос. Главное в том, что эта идеология (в ее большевистской части) давала ответы гражданам СССР

на вопросы: для чего нужны пятилетки, переработки, тяготы индустриализации, а в ходе войны – огромное мужество, терпение, упорство, героичность и жертвенность (как, например, в ходе Великой отечественной войны). Именно идеология подводила людей ко всем великим достижениям: разработка ядерного оружия и достижения ядерного паритета в ходе холодной войны, мирный атом, выигранная по всем направлениям космическая гонка, успехи в медицине и во многих технических отраслях. Благодаря объяснению и доведению до каждого гражданина сути интернационального долга идеология смогла обеспечить понимание и терпение граждан в вопросе ведение прокси-войн в разных регионах мира (Гражданская война в Китае, боевые действия в Корее, подавление фашистского путча в Венгрии в 1956 г, события в Чехословакии 1968 г., боевые действия в Лаосе, в Алжире, Афганистане и т. д.). Все это обеспечивалось правильной идеологической ориентацией, созданием однонаправленных нарративов в науке, образовании, искусстве, что обеспечивало понимание и одобрение массами концептуальной идеи в доступной им форме.

Но все изменилось в 1990-е гг., в эпоху так называемой свободы. Свободы, понимаемой произвольно. Свобода от идеологий – это самообман, однако не стихийно-психологический, а целенаправленно культивируемый властью концептуальной. Идеологию можно понимать или не понимать, принимать ее или отрицать, но члены общества всегда сталкиваются с проявлениями той или иной идеологии, представляющей собой оболочку концепции управления обществом со стороны носителей власти концептуальной.

Именно в это время начинается открытое полномасштабное идеологическое проникновение западных идей в Россию. Фальсификация истории, продвижение ложных ценностей и самое главное – внедрение либеральных идей. В чем же проявляется разрушающий эффект навязанной либеральной идеологии? Казалось бы, нет ничего более далекого от либерализма, чем фашизм. Казалось бы, при либерализме поощряются права личности, а при фашизме эти самые права подавляются. Однако при внимательном взгляде все оказывается совершено не так. Изначально либералы не старались сделать всех людей равными или же дать им равные права. В той же Англии – родине либерализма – до конца девятнадцатого века шахтеры ходили в железных ошейниках, что указывало на их социальный статус.

Более того, согласно представлениям Гоббса, именно свободный статус индивида порождал в обществе «войну всех против всех» и необходимость сильного государства, довлеющего над индивидами. Более того, для того чтобы в развитом либеральном обществе отстаивать свои права, нужно очень и очень много денег – хотя бы для оплаты услуг адвокатов. То есть ни о каком реальном равноправии не может быть и речи. Состояние постоянной конкуренции, постоянного соперничества гражданского общества Гоббс именовал демоном (бегемотом), который заражает всех своим безумием и плодит демонов. Для обуздания демонов устанавливается политический порядок, который блюдет государство-Левиафан. Еще одно чудовище. Вот этого Левиафана и строил А. Гитлер. Таким образом, чтобы построить фашистское общество, нужно прежде всего сломать («освободить») человека от связей и норм традиционного

общинного общества, от сельской общины в деревне и от цеховой солидарности в городе. Таким образом, стадия либерализации общества всегда предшествует стадии его «фашизации». Для лучшего понимания этапов перехода от полной свободы и незащищенности к тотальному надзору можно ознакомиться с работой И. Бентама «Паноптикум». Важно отметить, что именно Бентам считается отцом либерализма. И это нам навязывали в качестве передовой идеологии свободы.

После начала СВО западные «партнеры» вообще больше не скрывают свою фактически фашистскую воинственную русофобскую риторику. Их цели в отношении нас очевидны: разделение и разграбление, встраивание в программу «предел роста» как вечной колонии. Соответственно нам необходимо формирование идеологической доктрины, отражающей исторически сложившиеся социальные и духовные ценности, присущие российской общественной ментальности. Формирование подобной доктрины включает в себя, в числе прочих мер, и пересмотр действующего законодательства в части закрепления в нем государственных основ идеологии.

Основные черты идеологии обновленной России, на наш взгляд, должны быть следующими:

1. Духовные ценности ставить выше материальных.

Это должно быть противовесом западному материализму. Сюда можно отнести создание всероссийского движения молодежи (аналог пионерии в СССР), пересмотр и создание новой прочной школьной базы с упором на развитие правильных качеств – уважение к труду, понимание и осознание целей не отдельных людей и территориальных субъектов Российской Федерации, а важности реализации целей всего государства. Так же главной мерой считаю, то что нужно приравнять заработную плату губернаторов, депутатов к средней заработной плате их регионов (для стимуляции деятельности должностных лиц и увеличения их поддержки в народе, а также пополнение государственного бюджета за счет сэкономленных денег).

2. Переоценка отношения к трудовой деятельности.

Главное – провозгласить и воплощать в жизнь принцип отказа от эксплуатации человека человеком. Пересмотр морального отношения к разным видам трудовой деятельности. Материальное и социальное обеспечение, а также формирование у людей уважения к профессиям в сферах металлургии, машиностроения, автомобилестроения, оборонной и космической отрасли, энергетики, образования, военной службы и т. д.

3. Отказ от европоцентричности истории.

Список литературы

1. Солонько И. В. Бесструктурный способ управления концептуальной власти: технология контекстного управления общественными связями // Вестник Санкт-Петербургского института МВД России. 2013. № 2 (58). С. 212–218.